

МГПУ им. И.П. Шамякина

А. Н. Столярова

НОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В ДВУЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ISBN 978-985-477-908-9

9 789854 779089

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина»

А. Н. Столярова

НОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В ДВУЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Монография

Под редакцией доктора филологических наук С. Б. Кураша

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2024

УДК 811.161.1'373.7(043.3)+811.161.3'373.7(043.3)

ББК 81.2-3

С81

Печатается по решению научно-технического совета
УО МГПУ им. И. П. Шамякина (протокол от 17.04.2024 № 4)

Автор

А. Н. Столярова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков и МПИЯ
УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Е. Е. Иванов*;
доктор филологических наук, профессор *О. А. Лецинская*

Исследование выполнено в рамках НИР «Ключавыя ідэнтыфікатары беларускай лінгвакультуры і іншакультурныя моўныя феномены ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі», входящей в задание «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання» подпрограммы «Беларуская мова і літаратура» Государственной программы научных исследований «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

Столярова, А. Н.

С81 Новая фразеология в двуязычном медийном пространстве Республики Беларусь : моногр. / А. Н. Столярова ; под ред. д-ра филол. наук С. Б. Кураша. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2024. – 107 с.

ISBN 978-985-477-908-9.

В монографии представлен анализ новой фразеологии русского и белорусского языков, возникшей в современном медиапространстве Республики Беларусь и охватывающей фразеологические единицы от стадии их потенциальной фразеологичности до полной фразеологизации. В рамках работы проведён многоаспектный анализ неофразем двух близкородственных языков, сосуществующих в условиях официального двуязычия, в аспекте их функционирования в языковом и культурном пространстве Беларуси.

Издание адресовано специалистам в области фразеологии, неологии, медиалингвистики, а также может быть использовано в практике подготовки будущих учителей-филологов.

УДК 811.161.1'373.7(043.3)+811.161.3'373.7(043.3)

ББК 81.2-3

ISBN 978-985-477-908-9

© Столярова А. Н., 2024

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1 ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ НЕОЛОГИИ.....	8
1.1 Специфика и границы понятия <i>неофразеология</i>	8
1.2 Факторы и причины динамических явлений во фразеологии	15
1.2.1 Влияние экстралингвистических факторов на появление новой фразеологии.....	15
1.2.2 Клиповое мышление как один из факторов неофразеологизации.....	22
1.2.3 Образование неофразем как отражение действия внутренних законов развития языка.....	26
ГЛАВА 2 ИСТОЧНИКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕОФРАЗЕМ	30
2.1 Неофраземы исконного происхождения.....	32
2.2 Неофраземы-кальки в русском и белорусском языках	36
ГЛАВА 3 ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОФРАЗЕМ.....	42
3.1 Частеречная отнесённость неофразем.....	42
3.2 Субстантивные неофраземы	45
3.2.1 Лексико-грамматические особенности субстантивных неофразем.....	45
3.2.2 Структурные особенности субстантивных неофразем	48
3.3 Глагольные неофраземы	50
3.3.1 Лексико-грамматические особенности глагольных неофразем	50
3.3.2 Структурные особенности глагольных неофразем	56
ГЛАВА 4 СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА НЕОФРАЗЕМ.....	58
4.1 Тематико-идеографическая классификация неофразеологического материала.....	58
4.2 Метафоризация как основной источник неофразеологии	67
4.3 Роль метонимизации в появлении неофразем	75
4.4 Аллюзия как основа для образования неофразем	78
4.5 Прагматический потенциал неофразем	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	90
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	96

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

БелТА – сайт сетевого издания belta.by

ВебСМИ – сайт сетевого издания websmi.by

Звезда – сайт сетевого издания zviazda.by

НФ – неофразама

СБ – сайт сетевого издания sb.by

СМИ – средства массовой информации

ФЕ – фразеологическая единица

МГТУ им. И.П. Шамякина

ВВЕДЕНИЕ

Фразеология является относительно молодой самостоятельной лингвистической дисциплиной, и интерес учёных к ней, как и количество работ, посвящённых исследованиям фразеологического фонда, неизменно растёт. Сейчас, когда разработаны теоретические основы фразеологии (Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Амосова, В. Л. Архангельский, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, В. В. Виноградов, В. П. Жуков, А. В. Кунин, И. Я. Лепешев, В. М. Мокиенко, А. И. Смирницкий, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев, Ф. М. Янковский и мн. др.), издано большое количество фразеологических словарей, интерес учёных сместился в сферу «человеческого» во фразеологии. Антропоцентризм как ведущая парадигма современных исследований стимулировал развитие когнитивного (Н. Ф. Алефиренко, К. И. Декатова, Л. Г. Золотых, Л. Ю. Касьянова, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов и др.), коммуникативно-прагматического и дискурсивного (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. Ю. Белозёрова, Н. В. Бизюков, В. Н. Комиссаров, Е. И. Лазарева, Е. Г. Панфилова, Е. И. Симоненко, Ю. С. Степанов, Л. Н. Чурилина и др.), лингвокультурологического (С. Ф. Бут-Гусаим, В. В. Воробьев, И. В. Зыкова, В. И. Коваль, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, Л. В. Леванцевич, О. А. Лещинская, В. А. Маслова, Е. В. Ничипорчик, В. Н. Телия и др.) подходов к изучению фразеологии.

Поскольку язык как динамическая система находится в постоянном развитии, фразеологический фонд расширяется за счёт появления новых единиц. Неофразеология занимается их идентификацией, систематизацией, изучает условия и причины появления, когнитивные и психологические аспекты возникновения, анализирует их прагматические функции (С. И. Алаторцева, Н. Ф. Алефиренко, Х. Вальтер, Г. М. Васильева, Е. В. Гананольская, Л. Б. Гацалова, Е. А. Земская, Л. Ю. Касьянова, Л. П. Катлинская, В. М. Мокиенко, К. Г. Наумова, Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Е. В. Сенько, Н. Н. Сеницына, С. И. Тогоева, А. В. Флоря, Г. М. Шипицина, С. Г. Шулежкова и др.).

Термины *неологизм* и *фразеологизм* не имеют однозначного толкования в современной лингвистике, и потому понятие *новый фразеологизм* (фразеологический неологизм, неофразема, новая (нео) номинация, фразеологическая инновация) трактуется учёными по-разному. Для обозначения новых фразеологических единиц нами используется термин *неофразема*, который понимается как раздельнооформленное сочетание слов, характеризующееся целостностью значения, семантическими преобразованиями, новизной формы и/или содержания, отсутствием фиксации во фразеологических словарях русского и белорусского языков вплоть до исследуемого периода (2000–2021 гг.). Вслед за В. М. Мокиенко мы придерживаемся мнения, что «широкий подход к исследованию славянской неологии не только возможен, но и целесообразен» [78, с. 137], и включаем в состав неофразеологии потенциальные единицы, не являющиеся узуальными.

Это обосновано тем, что «индивидуально-авторские образования, определяемые термином речевые фразеологизмы, обнаруживают те же закономерности, что и узуальные фразеологические единицы. Это позволяет использовать наблюдения за такими индивидуально-авторскими образованиями для разработки теоретических основ фразообразования» [29, с. 216].

В данной работе изучаются НФ русского и белорусского языков, отобранные из текстов СМИ, функционирующих в белорусском интернет-пространстве (доменная зона **.by**). Интернет-ресурсы используются в нашем исследовании в двух аспектах: 1) как источник неофразеологического материала и 2) как «исследовательский инструмент, как способ и пространство верификации значения и формы НФ, времени и источника ее происхождения или момента ее вхождения в язык» [36, с. 230]. Использование медиатекстов* для отбора новой лексики и фразеологии обусловлено рядом причин. Во-первых, они актуальны, оперативны, своевременны, отражают последние изменения в жизни общества и потому зачастую являются тем источником, где неологизмы употребляются впервые. Во-вторых, тексты СМИ – это смешение жанров и стилей, это «усреднённая модель национального языка», где находят отражение как литературные, так и жаргонные, диалектные единицы. В-третьих, в медиатекстах формируются лексика и фразеология, определяемые «не жанрово и функционально, а социальной обусловленностью коммуникации», т. е. создающие у человека как члена общества «ощущение включённости в консолидируемую массовым информационным продуктом (медиатекстом) национальное лингвокультурное пространство» [43, с. 352]. В-четвёртых, в условиях официального двуязычия в Республике Беларусь предпочтение в общении отдаётся русскому языку, а «в экзистенции литературного белорусского первенствует не коммуникативная предназначённость языка, но его символическое и метаязыковое ... употребление» [73, с. 129–130] и, таким образом, именно белорусскоязычные СМИ являются той сферой, где белорусский язык активно живёт и развивается и, следовательно, пополняется новыми лексическими и фразеологическими единицами.

Исследования фразеологии, проводимые на материале языка СМИ, «этой своего рода лаборатории языковых инноваций, выступающей в наши дни в качестве относительно автономной подсистемы общенационального языка, которая развивается особенно активно и динамично, демонстрируя наиболее характерные инновационные модели в области словоупотребления, новообразований и использования средств языковой выразительности» [84, с. 5], многочисленны как в русской, белорусской, так и в зарубежной лингвистике (Т. М. Ажигова [1], Л. А. Анисимова [5], Н. А. Ахренова [11], Н. В. Баско [17], А. В. Волостных [25], В. А. Голец [31], М. Доброва [36], Е. Е. Иванов [33; 39], И. Калита [44], И. Н. Куклина [55], Е. В. Курасова [58], С. Б. Кураш [59; 60], В. М. Мокиенко [78; 136], М. А. Москвина [81],

---

* Термины *медиатекст* и *текст СМИ* используются в настоящей работе в качестве синонимов.

Л. В. Рацибурская [95], И. В. Рец [97], М. В. Серебряк [101], Н. Сивицкая [102], А. Л. Стрижак [109], Л. Н. Чурилина [125], D. Akanmu [133], L. Börzsei [134], S. Fiedler [135] и др.). Неологизмы вплоть до конца XX – начала XXI в. изучены досконально и многоаспектно. Существует, однако, необходимость в описании и систематизации единиц, появляющихся в XXI в., в условиях стремительного развития технологий, науки, глобализационных процессов, изменений психологии современного человека. Кроме того, насущной является проблема описания и лексикографической фиксации белорусской неофразеологии.

Актуальность настоящего исследования обусловлена:

- 1) необходимостью своевременного выявления, фиксации и лингвистической интерпретации нового фразеологического материала;
- 2) соответствием доминирующей антропоцентрической парадигме современной лингвистики, изучением лингвистического материала и человека как взаимосвязанных и взаимообусловленных составных частей общего социокультурного пространства;
- 3) недостаточным уровнем изученности функционирования новой русской и белорусской фразеологии в русско- и белорусскоязычных текстах СМИ Беларуси;
- 4) необходимостью многоаспектного подхода к исследованию неофразеологии, учитывающего её происхождение, семантические и структурные особенности, коммуникативно-прагматические характеристики.

Основанное на предшествующих теоретических наработках в сфере фразеологии и неологии, наше исследование представляет собой анализ новейшего неофразеологического материала в его различных аспектах. Учитывая, что фразеология русского языка характеризуется несравненно большей степенью теоретического осмысления и лексикографической фиксации по сравнению с белорусским языком, мы проводим анализ на материале русского и белорусского языков, извлечённом исключительно из белорусских СМИ. Таким образом, наше исследование предлагает многоаспектный анализ новых фразеологических единиц, функционирующих в языковом и культурном пространстве Беларуси.

ГЛАВА 1

ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ НЕОЛОГИИ

1.1 Специфика и границы понятия *неофразеология*

Язык как живая динамичная система находится в состоянии постоянного развития. Наиболее заметные изменения происходят в лексике и фразеологии, где непрерывно появляются новые единицы, а вместе с тем огромные пласты лексики устаревают, выходят из речевого обихода.

Очевидно, что для изучения развития языка в его динамике требуется фиксация и анализ вновь появляющихся единиц, чему предшествует кропотливая работа по отбору материала. На этом этапе исследователь сталкивается с необходимостью определить критерии выделения новых явлений. В отношении неофразеологии данная проблема особенно актуальна, что связано с существованием большого количества подходов к определению самих понятий *фразеологизм* и *неологизм*.

Фразеологизм определяется на основании многих критериев, среди которых несколькословность и раздельнооформленность, устойчивость и воспроизводимость, образность и экспрессивность, семантическая слитность, немотивированность, эквивалентность слову, целостность номинации, непереводимость и др. В зависимости от того, какой признак считается доминирующим, изменяется и представление об объёме фразеологии. Расхождения во мнениях среди ученых обусловлены во многом природой фразеологизма: «...фразеологические единицы двойственны: с одной стороны, возникая из сочетания слов, они образуют своеобразное устойчивое сочетание, а с другой стороны, они обладают единым значением, функционируя как и обычные номинативные единицы – лексемы» [47, с. 147]. На неоднозначность фразеологизмов указывает и В. П. Жуков, описывая их «лексико-синтаксическую гибридность, проявляющуюся в противоречивом совмещении признаков и свойств разнокачественных единиц в плане содержания и в плане выражения» [37, с. 27]. Из-за подобной двойственности границы фразеологии оказываются условными и размытыми.

В определениях многих учёных (Н. Ф. Алефиренко, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Е. С. Дружинина, В. П. Жуков, А. В. Кунин, И. Я. Лепешев, В. М. Мокиенко, А. И. Смирницкий, Н. М. Шанский и др.) базовыми свойствами фразеологизма называются устойчивость и воспроизводимость.

В основе работ Н. Н. Амосовой лежит контекстологический принцип, который учёный использует для анализа ФЕ английского языка. Она выделяет такие виды контекста, как постоянный, переменный и устойчивый. К области фразеологии относятся только единицы постоянного контекста, т. е. фраземы и идиомы [4, с. 34–103].

А. В. Кунин считает основными признаками ФЕ «устойчивость, включая раздельнооформленность, и невозможность построения по порождающей модели переменного сочетания слов» [57, с. 21].

По мнению М. И. Фоминой, М. А. Бакиной [119, с. 7], С. А. Сумина [110, с. 9] и др., фразеологическая единица отличается образностью. Д. Н. Шмелёв утверждает, что «решающим фактором закрепления фразеологизма всегда является его образность, отвечающая одной из тенденций развития языка – тенденции к экспрессивности речи» [127, с. 291].

По определению В. М. Мокиенко, «фразеологизм – такое сочетание слов, которое обладает относительной устойчивостью, экспрессивностью, целостным значением и воспроизводится в готовом виде» [76, с. 4]. Как видим, необходимым признаком ФЕ учёный считает, помимо прочего, и экспрессивность.

Многие исследователи признают отличительным свойством фразеологизмов идиоматичность (В. П. Жуков, М. М. Копыленко, З. Д. Попова, А. М. Мелерович, В. Н. Телия).

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский [14; 15] проводят классификацию типов фразеологизмов, основываясь на идиоматичности и устойчивости. Учёные выделяют идиомы, коллокации, пословицы, грамматические фразеологизмы, фразеологизмы-конструкции и ситуативные клише. Идиоматичность может выражаться в переинтерпретации, непрозрачности или усложнении способа указания на денотат.

Белорусские учёные Ф. М. Янковский, И. Я. Лепешев, О. А. Лещинская считают семантический принцип ведущим при выделении фразеологизмов и потому придерживаются узкого подхода к определению объёма фразеологии. А широкое понимание объёма фразеологии, по мнению О. А. Лещинской, – пройденный этап: «необходимо перевести этот вопрос в раздел исторических – как было, с чего начиналось?» [70, с. 14].

Очевидно, что подходы исследователей к определению сущности фразеологизма разнятся. В связи с этим закономерно, что выделяемые ими наборы отличительных признаков ФЕ также характеризуются различиями. Д. Н. Шмелёв отмечает: «Наиболее странное впечатление производит ... то, что “фразеология” понимается некоторыми исследователями как нечто само по себе данное в языке и в своих точных границах. В связи с этим отдельные исследователи признают “неправильным” включение во фразеологию тех или иных разрядов словосочетаний ... лишь на основании того, что их представление о фразеологии не совпадает с другим представлением, в соответствии с которым такие-то словосочетания признаются или не признаются фразеологизмами» [127, с. 297–298].

В. Н. Телия высказывает схожее мнение об объёме фразеологии: «Фразеология исследует несвободные сочетания слов “многоярусной” и размытой системой отличительных свойств, а потому её границы – условны и подвижны» [113, с. 81].

К определению объёма неологии также существует множество подходов. Разными исследователями в него включаются новшества не только на лексическом уровне, но и на уровне фонем, морфем, фразем, семем и пр. Неоднозначен не только объект изучения, но и критерии выделения неологизмов. По утверждению Л. П. Катлинской, «вопрос о том, что такое неологизм в собственно лингвистическом смысле, по-прежнему остаётся открытым» [45, с. 7].

Т. В. Попова [89] обобщает существующие подходы к выделению неологизмов и называет шесть теорий, получивших распространение среди учёных, занимающихся вопросами неологии: стилистическая, психолингвистическая, лексикографическая, денотативная, структурная и конкретно-историческая теория Н. З. Котеловой.

Согласно стилистической теории, главным свойством неологизма является эффект новизны. Данный подход неоднозначен, поскольку субъективное восприятие новизны языковой единицы будет различаться у людей в зависимости от их языкового опыта и общей эрудированности, но новизна – неотъемлемое свойство неологизма и имеет важнейшее значение при его определении.

Психолингвистическая теория неологии, разработанная С. И. Тогоевой, делает акцент на индивидуальном опыте человека и называет неологизмом те единицы, которые не были ему известны ранее. Критерий времени, используемый многими учеными для выделения оппозиции новое-старое, не является удовлетворительным, по мнению автора, поскольку не учитывает человеческий фактор. С. И. Тогоева считает, что «для человека, воспринимающего, познающего некий объект, новый языковой знак, существует только настоящее время, время восприятия, и точка временного отсчёта (было или не было) исчисляется исходя из сиюминутного состояния внутреннего лексикона – из бытия как времени восприятия» [115, с. 125]. При таком рассмотрении объём неологии может крайне резко сужаться или расширяться в зависимости от индивидуального опыта того, кто отбирает материал.

В основе лексикографической теории лежит идея о том, что неологизмами являются слова, не зафиксированные в словарях. Данный подход применим, однако, лишь для языков с развитой лексикографией. В языках, существующих преимущественно в устной форме и с недостаточной словарной фиксацией лексики, будет достаточно проблематично разграничить недавно появившиеся и давно существующие единицы.

Денотативная теория признаёт новыми слова, описывающие понятия или реалии, ранее в языке не существовавшие (новая реалия → новое слово). Данная теория не учитывает, однако, тех новообразований, которые по-новому, с новыми коннотациями, описывают уже имеющиеся в языке понятия.

Структурная теория предполагает узкий подход к выделению неологизмов: новыми считаются слова, структура и форма которых ранее в языке не были отмечены. Данный подход подвергается резкой критике в связи с его

неестественностью, ведь преимущественное большинство новой лексики – это производные слова, образованные по существующим моделям с помощью известных морфем. Формальная и структурная уникальность нетипичны для языковой системы.

На основе анализа актуальных подходов к описанию новых языковых единиц Н. З. Котелова [54, с. 189–196] предложила конкретизировать понятие *неологизм* по нескольким параметрам. Основной определитель – это конкретизация по параметру «время»: новыми считаются слова одного периода по отношению к предшествующему периоду. Второй определитель – конкретизация по параметру «языковое пространство» (сферы и жанры употребления). Здесь автор выделяет следующие конкретизаторы: 1) в языках вообще; 2) в данном национальном языке; 3) в литературном языке; 4) в данном подязыке. Третий определитель – конкретизация тех единиц, которые оцениваются со стороны их новизны (новым может быть слово, значение слова, неразложимое сочетание слов (идиома). Четвертый определитель – структурные признаки слова.

Описав понятие *неологизм* по данным параметрам, Н. З. Котелова дает следующее определение: «Лексические новшества ... – это слова, значения слов, идиомы, узואльно существующие в определённый период в определённом языке, подязыке, языковой сфере и т. д. и не существовавшие в определённым образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подязыке, языковой сфере и т. д.» [54, с. 196].

Основываясь на подходе, предложенном Н. З. Котеловой, Е. В. Гананпольская даёт свое определение: «Иновации – это языковые или речевые единицы, которые

1) обладают новизной: а) формы и содержания, б) только формы, в) только содержания;

2) характеризуются новизной относительно определённого временного периода и сферы употребления (конкретный период и сфера уточняются каждым конкретным исследователем в зависимости от задач его работы)» [28, с. 187].

М. А. Москвина [81, с. 9] учитывает следующие признаки иноваций:

1) время появления в текстах;

2) зафиксированность словарями;

3) связь с современными реалиями;

4) порог частотности.

Таким образом, помимо временного, лексикографического и денотативного критериев, ранее описанных, автор упоминает и частотный критерий – он понимается как необходимый минимум употребления единицы (не менее чем тремя авторами не менее трёх раз в текстах различной жанровой или стилевой принадлежности).

Каждый из описанных подходов важен для определения объёма неологии, однако именно их совокупность позволяет избежать возможных неточностей. Так, например, неотъемлемые признаки неологизма – свежесть,

новизна, однако эти свойства, во-первых, субъективны, поскольку зависят от языкового опыта и общего уровня знаний индивида, а во-вторых, временны, т. к. новые единицы могут быстро осваиваться языком. Лексикографический критерий, или отсутствие фиксации в толковых словарях языка, также не является надежным, особенно в наше время, когда число новообразований резко возрастает и лексикография не в состоянии вовремя фиксировать все новые явления.

Итак, по результатам анализа наиболее распространённых подходов к выделению объёма фразеологии и неологии, мы можем сделать некоторые выводы относительно объёма неофразеологии.

Для определения объёма неофразеологии мы считаем целесообразным придерживаться широкого подхода, с помощью которого возможно вычленение наиболее широкого массива новых фразеологических единиц. Следует учитывать, что НФ являются переходным явлением – они уже не свободные сочетания, но и в большинстве своём не обладают идиоматичностью, которая понимается как невыводимость, немотивированность значения. Данные признаки не присущи НФ, т. к. они возникают в языке на данном этапе развития науки и общества и их семантическая нагруженность легко идентифицируется носителями языка, которые находятся в актуальном информационном пространстве.

Уточнив период времени, подвергающийся изучению (2000–2021 гг.), языковое пространство (язык медиатекстов) и тип языковых единиц (НФ) по теории Н. З. Котеловой, мы определили основные обязательные критерии, в соответствии с которыми производится отбор НФ:

- 1) структурный (несколькословность и раздельноформленность);
- 2) семантический (семантическая целостность и осложнённость значения, понимаемая как полное или частичное переосмысление значения, необразные преобразования значения и др.);
- 3) новизна формы и (или) содержания;
- 4) лексикографический – незафиксированность во фразеологических словарях до исследуемого периода.

Дополнительными дифференциальными критериями являются:

- 5) устойчивость и воспроизводимость;
- 6) образность.

В связи с разнородностью неофразеологического материала считаем целесообразным выделить в нём следующие подгруппы:

- 1) собственно НФ (для них характерны все перечисленные выше признаки);
- 2) неолокации – устойчивые и воспроизводимые единицы, обладающие всеми признаками фразеологичности, кроме образности, поскольку в их основе – необразные преобразования значения);
- 3) потенциальные НФ (единожды зафиксированные, индивидуально-авторские образные единицы, которые можно отнести к периферии неофраземного корпуса в силу их переходного статуса от незуальных к узуальным).

Таким образом, ядро неофразеологии образуют собственно НФ, а к её периферии относятся неолокации и потенциальные НФ. Проявление признаков НФ в выделенных группах отражено в таблице 1.1.

Таблица 1.1 – Признаки фразеологичности в различных неофразеологических группах

Признаки НФ	Собственно НФ	Потенциальные НФ	Неолокации
1) структурный	+	+	+
2) семантический	+	+	+
3) лексикографический	+	+	+
4) новизна	+	+	+
5) образность	+	+	+
6) устойчивость и воспроизводимость	+	-	+

Именно те переходные явления, которые мы называем потенциальными НФ, являются свидетельством живых фразеологических процессов. Они порождаются потребностью индивида, а значит, определяют те лакуны, которые ещё не заполнены в процессе номинативной деятельности. Как писал выдающийся лингвист Л. В. Щерба, именно «...неясное и колеблющееся и должно больше всего привлечь внимание лингвиста ... так как здесь мы присутствуем при эволюции языка» [128, с. 35]. Наше внимание к переходным явлениям во фразеологии связано со стремлением описать «богатейшую инвариантность (а вместе с тем вариантность) сочетаний, представленных в живом общении» [51, с. 13], наиболее широко охватить весь массив вновь появляющихся фразеологических единиц.

Посредством изучения потенциальных НФ можно описать активные когнитивные процессы, задействованные в номинации, определить, какие средства наиболее востребованы в языке на данном этапе, какие сферы являются продуктивным источником фразеологического образования, каковы прагматические и стилистические особенности новых единиц. При фиксации и анализе подобного рода явлений, пусть и употреблённых лишь единожды, в поле зрения лингвиста попадает всё богатство живого индивидуального речетворчества. Следует учитывать, что «всякая новация появляется сначала в индивидуальной речи, а затем, уже будучи принятой обществом, становится объективным и социальным явлением» [132, с. 119–120]. При этом «с весьма распространённой боязнью, что при таком методе будет исследоваться “индивидуальная речевая система”, а не языковая система, надо покончить раз навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне закономерно...» [129, с. 34]. Таким образом, мы придерживаемся широкого понимания объёма неофразеологии и относим к ней не только единицы, ставшие узусными, но и те явления, которые на момент их фиксации не имеют необходимого уровня устойчивости и воспроизводимости.

Рассмотрим НФ *сбой программы*. Во-первых, она обладает структурной раздельнооформленностью. Во-вторых, она устойчива, только сочетание двух данных слов позволяет передать значение фраземы 'отклонение от запланированного, несоответствие ожиданий и реальности': *Кажется, что танго уже почти в моих руках, да не тут-то было! Полный «сбой программы» начинается после того, как становлюсь с тренером в пару* (СБ, 18.11.2019).

Далее, НФ воспроизводима – она используется в публикациях разных авторов на различных интернет-ресурсах. Кроме того, очевидна и семантическая осложнённость данной единицы: она образована путём переосмысления свободного сочетания, описывающего работу программного оборудования. НФ обладает и эффектом новизны, до исследуемого периода в указанном значении не фиксировалась во фразеологических словарях. Наличие всех перечисленных признаков даёт возможность утверждать, что единица *сбой программы* является собственно НФ.

НФ *падліваць масла ў шасцярэнькі* характеризуется образностью, переосмыслением значения, новизной как формы, так и содержания. *«Калі казаць адкрыта, то пахваліцца няма чым ні нам з пункту гледжання праверкі, ні тым, каго мы правяралі, паколькі ў нейкай ступені парадак наведзены, але гэтага відавочна недастаткова для таго, каб сказаць, што ў нас усё ў парадку, усе шасцярэнькі круцяцца так, як трэба. **Масла ў гэтыя шасцярэнькі мы падальём** у найбліжэйшы час, і яны будуць круціцца – гэта дакладна», – сказаў міністр* (Звязда, 26.04.2018).

Существующий фразеологизм *падліваць масла ў агонь*, по подобию которого образована НФ, фиксируется во фразеологическом словаре белорусского языка И. Я. Лепешева [67, с. 187] в двух значениях:

1. Абвастраць непрыязныя адносіны паміж кім-н., узмацняць якія-н. пачуцці, настрой і пад.
2. Выклікаць, павыпнаць цікавасць да чаго-н.

Данные значения не связаны со значением анализируемой НФ 'способствовать исправлению недочетов, налаживать работу'. Образы, лежащие в основе этих двух выражений, различны: 1) когда мы подливаем масло в огонь, он разгорается сильнее, т. е., абстрагируясь, можно сказать, что ситуация обостряется, накаляется; 2) когда мы подливаем масло в шестерёнки, они смазываются и работают легче, мягче, т. е. мы способствуем улучшению ситуации. Таким образом, речь идет о двух разных фразеологизмах, близких по форме, но с различной семантикой: форма существующего фразеологизма стала основой для создания НФ.

Общим со свободным словосочетанием-прототипом у НФ является лишь компонентный состав. Стилистическая окраска, семный набор свидетельствуют о том, что НФ является единицей другого порядка: её значение не является суммой слов-компонентов, а принадлежит всему сочетанию как единому целому. Помимо прочего, фразема обладает эффектом новизны, не зафиксирована во фразеологических словарях белорусского языка.

Рассматриваемое сочетание несколько словно, раздельно оформлено, обладает образностью и экспрессивностью, имеет номинативный характер (причём отличается новизной номинации), характеризуется семантической целостностью и изменениями в семантике относительно свободного словосочетания с таким же набором компонентов. Данный оборот является мотивированным, т. к. его внутренняя форма прозрачна, его значение выводимо. Сочетание с таким набором характеристик является потенциальной НФ, поскольку не обладает минимальным уровнем устойчивости и воспроизводимости (был зафиксирован лишь единичный случай её употребления). Анализируемая НФ – яркий пример того, как лексика из сферы техники, ставшая привычной среди пользователей машин и механизмов, «обрастает» новыми смыслами и экспрессией, как мысль возвышается над ситуацией, обобщает и интерпретирует её, используя имеющиеся в арсенале у говорящего языковые средства.

Вызывать эконо́м ‘выбирать наиболее дешёвый вариант’, *заплывать за буйки* ‘пересекать границы дозволенного’, *сайдынга́вая эпо́ха* ‘период, в котором доминирует искусственность, ненатуральность, массовое производство’, – вот ещё несколько примеров потенциальных НФ, которые не являются узуальными, однако имеют ценность как единицы, отражающие специфику нашего времени, и потому нуждаются в лингвистическом анализе.

Итак, НФ как результат индивидуального речетворчества является потенциальной до тех пор, пока не приобретёт необходимого уровня устойчивости и воспроизводимости, став частью языка. Определить с точностью, какие из вновь появляющихся единиц закрепятся в языке, не представляется возможным. Однако огромный пласт потенциальных фразеологизмов является отражением актуальных процессов развития языка, общества, культуры и потому требует фиксации, анализа, теоретического осмысления.

1.2 Факторы и причины динамических явлений во фразеологии

1.2.1 Влияние экстралингвистических факторов на появление новой фразеологии

Будучи динамичной системой, язык живо откликается на все изменения, происходящие во внешней среде. Влияние экстралингвистических факторов на развитие и расширение языковой системы не подлежит сомнению, ведь, будучи средством общения, язык должен называть и описывать все новые явления, имеющие место в жизни общества.

Динамические явления в языке и фразеологии в том числе обусловлены во многом экстралингвистической ситуацией, сложившейся в данный период времени в данном языковом пространстве. Политические, экономические, социальные, культурные процессы неизбежно оставляют свой след в языке,

служат его обновлению, приспособлению к новым реалиям, ведь, по мнению Н. С. Валгиной, «язык живет во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определённой эпохи), но и время отражается в языке» [22, с. 4]. На обусловленность языковых изменений внутренними и внешними факторами указывает и Н. Ф. Алефиренко: «Неологизация фразеологического корпуса современного русского языка – это не только деривационные процессы в его системе, но ещё и творческая, созидательная деятельность перестраивающегося языкового сознания, его приспособление к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная номинативная реакция языка на стремительные изменения в социокультурном пространстве нашего общества» [3, с. 226–227].

Е. В. Сенько [100, с. 37–50] называет следующие экстралингвистические факторы, обуславливающие неологизацию языка:

- идеология и социальная структура общества;
- форма организации производства, производственных сил и производственных отношений;
- социальные факторы научно-познавательного значения – макро- и микросоциальные факторы, относящиеся к естественным, общественным и техническим наукам;
- социальные факторы эстетического плана.

Н. Ф. Алефиренко [3, с. 227–229] считает, что внеязыковыми факторами возникновения новых фразем служат:

- 1) социальные и политические события,
- 2) урбанизация,
- 3) криминогенные факторы,
- 4) масс-медийные источники,
- 5) социальные диалекты.

И. А. Стернин, проанализировав развитие русского языка в конце XX – начале XXI в., пришёл к заключению, что «современная языковая ситуация в России предоставляет в распоряжение исследователя богатые возможности для того, чтобы выявить и описать социальные факторы и процессы, формирующие на современном этапе развития основные направления изменений в русском языке» [108, с. 3]. Он выделяет следующие социальные факторы, влияющие на развитие языка:

- политическая свобода в обществе;
- свобода слова;
- политический плюрализм;
- переход к рыночной экономике;
- открытость общества;
- экономическая и социальная нестабильность;
- поляризация общества;
- техническое перевооружение быта [108, с. 3–10].

Воздействие перечисленных факторов на язык многогранно. С одной стороны, происходит расширение активного словарного запаса людей, совершенствование навыков неподготовленной устной речи, повышение доли оценочной лексики в речевом потоке, возрастает диалогичность общения, улучшается знание иностранных языков и растёт количество иноязычных заимствований. С другой стороны, отмечается возросшее употребление людьми грубой и нецензурной лексики, повышается уровень речевой агрессивности, в прямом эфире телеканалов ведущие зачастую допускают речевые ошибки и не соблюдают нормы культуры речи.

На наш взгляд, именно И. А. Стернин наиболее полно описал те внешние факторы, которые определяют специфику современного уровня развития языка, поскольку принял во внимание все основные аспекты жизни социума и проследил конкретное влияние тех или иных социальных факторов на изменения в языке.

Анализ экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на образование новой фразеологии, и выявление сфер наиболее активного фразеомобразования производится на материале НФ, используемых в белорусских СМИ. Язык публицистики выбран для этой цели по нескольким причинам. Во-первых (и это особенно важно в свете анализа неологических явлений), он по своей важнейшей функции – доносить оперативную информацию – актуален и соответствует настроению общества. Во-вторых, язык СМИ экспрессивен, т. к. стремится воздействовать на аудиторию, даже манипулировать ею. В связи с этим употребление неолексем и НФ как новых способов заострения и удержания внимания читателя становится необходимостью. В-третьих, язык СМИ динамичен по своей сути и поэтому гибок и подвижен, легко впитывает любые новации.

Широкое отражение в ежедневных публикациях находит политико-экономическое состояние страны. Огромное количество передаваемой информации нацелено на читателей, которые в большинстве своём не владеют специальной экономической, политической или юридической терминологией. Задача журналиста – подать сведения так, чтобы они были не просто понятны, но и интересны, близки читателю. Лучшим средством для этого является фразеология, которая позволяет описать новое с опорой на уже знакомые, понятные концепты.

Так, НФ *таёжный союз, жёлтые жилеты, хромая утка, слепые покупки, смецёвы туризм, сярэбранае валанцёрства, святочныя кілаграмы* дают возможность кратко передать сложное понятие таким образом, чтобы в контексте статьи его понимание не вызвало затруднений и двусмысленности. Семантическая ёмкость НФ в сочетании с повышенной экспрессивностью делают их ценным материалом для использования в текстах, особенно в заголовках, основная цель которых – привлечь и удержать внимание читателя. Так, заголовок *О феномене смомби, или «мёртвых ходках»* (СБ, 21.06.2018) вызывает интерес к содержанию статьи и побуждает к дальнейшему чтению. Из контекста значение выражения *мёртвый ходок*

становится ясным – ‘человек, который идёт, уткнувшись в телефон, и ничего не замечает вокруг себя’. В данной НФ совмещаются номинативная (название явления) и экспрессивная (выражение неодобрительного отношения) функции. Можно говорить и о текстообразующей функции описываемой единицы – автор употребляет её перед основным текстом публикации, и дальнейшая структура статьи служит объяснению употребления НФ.

Огромный импульс развитию неофразеологии придало расширение сферы употребления информационных технологий (ИТ). Декрет № 8 Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики» способствовал появлению ряда новых понятий и связанной с этим фразеологизации целого пласта устойчивых сочетаний, которые теперь надёжно внедрились в наше языковое сознание и активно используются как в устной, так и в письменной речи. Произошёл резкий рост числа НФ с компонентами *цифровой / лічбавы, электронный / электронны, информационный / інфармацыйны*. Это обусловлено появлением огромного количества новых понятий, необходимостью их номинации в кратких, но ёмких выражениях. Приведём примеры некоторых из них:

- *цифровой / лічбавы – цифровая амнезия, цифровой детокс, лічбавы абарыген, лічбавы мігрант;*
- *электронный / электронны – электронный кошелек, электронная чарга;*
- *информационный / інфармацыйны – информационный вампиризм, информационная диета, інфармацыйны фаст-фуд.*

Тематика данных НФ охватывает политику, образование, медицину, экономику, область высоких технологий и общения на бытовом уровне. Это свидетельствует о том, насколько глубоко цифровизация проникла во все сферы жизни страны и как велик её потенциал не только для создания благоприятной жизненной среды, но и для пополнения словаря современного языка.

Все перечисленные единицы обладают устойчивостью и воспроизводимостью, они состоят из нескольких отдельно оформленных слов, обладают семантической осложнённостью, поэтому относятся нами к сфере фразеологии в широком понимании её объёма. А эффект новизны данных фразем (стилистический критерий) и отсутствие их фиксации в словарях (лексикографический критерий) позволяют назвать их НФ, а конкретнее – неолоккациями.

Приведём примеры использования НФ в текстах публикаций:

*Светлана Алейникова отмечает, что человечеством уже выработаны простые правила **информационной гигиены**, которые в нашем мире так же необходимы, как мытье рук или использование зубной щетки.* (СБ, 24.08.2020).

*Вместе с тем растущие масштабы рынка удалёнки ведут за собой и новые вызовы. В частности, появился новый термин – **«цифровые кочевники»**. Это те, кто работает удалённо, меняя при этом место жительства на экзотические страны* (СБ, 02.08.2019).

Інфармацыйны фаст-фуд прыводзіць да стомленасці мозгу, які «аб'ядаецца» інфармацыяй (Звязда, 16.11.2016).

Данные НФ вельма органично вписваюцца в агульны кантэкст, не вызываюць пачуцця чужероднасці і не затrudняюць разуменне высказвання. В агулым *цыфравая грамацкасць* насельнячкі расце: в школах введваюцца *облачныя класы*, людзі заводзяць *асабістыя кабінеты*, карыстаюцца сістэмай *электронных ачэрэдаў* і заказваюць у лекара *электронныя рэцэпты*. *Майнінговыя фермы* сёння больш на слыху, чым звычныя мяса-молочныя фермы, а *майніць біткойны* – жаданне многіх.

Прааналізаваныя кампаненты НФ сталі вельма прадуктыўнымі, прычём яны вельма хуткімі тэмпамі набываюць высокі ўзровень устойлівасці і вярхоўнасці: едва паспяваюць з'явіцца для абазначэння новых, раней не існавалі рэалій, яны падхваляюцца СМІ і введваюцца в шырокае ўжыванне.

Другой значымы пласт НФ, звязаны з інфармацыйнымі тэхналогіямі і тиражыруемых в беларускіх СМІ, адносіцца да існавання інтэрнэту агульнымі карыстачамі і пераацэнцы працы інфармацыйных прылад:

Она дама со суперстойкой душевной укладкой: возмутилась и успокоилась, мысленно отправила некоторых джентльменов в бан (СБ, 21.01.2020).

Калі чалавек у дэпрэсіі – значыць яму дрэнна. Калі яго камп'ютар завіс, а праграмы майго працуюць, як вы думаеце, у двух камп'ютараў ёсць шанцы аднавіць сістэму першага? (Звязда, 28.04.2020).

В звязі з утвэрджэнным в РБ *Положэннем о порядке предварительной идентификации пользователей интернет-ресурса, сетевого издания* (паставленне Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 23.11.2018 г.) актывізавалася ўжыванне фраземы *открыть личико* в значэнні 'зарэгістравацца': *«С сегоднешняга дня ўсім, хто піша паведамленні і каментарыі на ўсёможных беларускіх форумах, прыйдзецца «открыть личико»* (СБ, 28.11.2018).

НФ *мёртвыя френды* 'незнакомыя людзі, лічыцца в спісах сяброў в сацыяльных сетках; тэ, з якімі не вядзецца агуленне' узнікла як вынік узаемадзейства карыстачаў в сацыяльных сетках: *«Ума не прыложу, хто ўсе гэтыя людзі, з якімі мне выпадае шчасце стаць сябрамі, і для чаго нам гэта ўзаемнае прысутства на старонках адзін аднаго. Скорее всего, для статістыкі. Хотя «мёртвыя френды» – это наименьший из вывихов Фейсбука и самый безболезненный»* (СБ, 20.12.2017). Кампанент *мёртвы* здыць ўжываным в значэнні 'неактыўны, бездзейны', так можна апісаць чалавека, з якім не вядзецца агуленне в сетцы. Кампанент же *френд* з'яўляецца варварызмам – заёмствам з англійскага мовы, якое не пераводзіцца, а існаваецца в транскрыбіраваным выглядзе.

Тэндэнцыя да існавання варварызмаў в сучаснае час вельма і в лексіцы, і в фразеалогіі (*хайлы лайкы, пакаленне Ni-Ni, тупа хаваецца, эпік феёл, бясплатны шопінг, лавіць хайп*). Зачастую падобныя лексемы і фраземы існаваюць в СМІ. В агулым, як гэтую сітуацыю абрысаваў

В. М. Мокиенко, «исследователи подчёркивают интенсивность демократизации языковой системы, расшатывание литературных норм, неуправляемый поток переименований, жаргонизацию и внедрение иноязычных заимствований» [75, с. 22]. Можно предположить, что это связано с «языковым вкусом эпохи», ведь, по выражению В. Г. Костомарова, «нельзя, однако, не считаться и с торжествующей модой, с настроением людей. Нельзя не считаться и с сегодняшним вкусом на изменение, на отказ от привычного или, по крайней мере, на вариативность: даже такие новшества, противоречащие русской языковой системе, скорее будут восприняты, нежели отторгнуты» [52, с. 26].

Обращает на себя внимание тот факт, что в первой группе НФ, связанных с информационными технологиями, преобладают субстантивные НФ, а во второй – НФ с процессуальным значением, где глагол становится ключевым элементом. Вероятно, это можно объяснить тем, что для называния традиционно употребляются существительные (что является новым? что образуется?), в то время как реальное использование сети Интернет связано с действиями пользователя.

Помимо цифровизации, весьма актуальными в современном обществе являются вопросы экологической направленности. Население осознаёт необходимость более бережного отношения к окружающей среде, экономии ресурсов, сортировки отходов. Во многом это следствие поступательной работы СМИ по пропаганде и формированию экологической культуры жителей Беларуси. Так, широко распространёнными в медиатекстах являются НФ с компонентом *зелёный/зёлёны* в значении ‘благоприятный для окружающей среды, способствующий улучшению экологической ситуации’ (*зелёная карта* ‘электронный ресурс, где собрана информация о важных экологических объектах Беларуси’, *зёлёны клас* ‘аудиторья на свежем паветры’).

А еше, не падайте, но папулярнась потыхоньку завоевывае зёлёный балет – уборка мусора, совмещенная с хореографией. И отчего бы нет, если на пользу делу? (СБ, 22.02.2020).

Целы тут змяшчаюць у неглыбокія магiлы сярод дрэў, часта заварочваючы ў бiяраскладальныя матэрыялы, дазваляючы разлагацца натуральным чынам і вяртаць пажыўныя рэчывы ў глебу. Такія пахаванні называюць «зёлёнымі», і яны актыўна цяпер развіваюцца ў Еўропе, ЗША і Японіі (Звязда, 18.12.2019).

В 2015 г. Беларусь присоединилась к конвенции ООН по правам инвалидов и с тех пор работает над созданием равных условий для всех членов общества, что отражается и в газетных публикациях. Появились НФ *тихие кассы / ціхія касы* ‘кассы, где работают люди с ограничениями по слуху’, *кризисная комната / крызісны пакой* ‘помещение, оборудованное для пребывания людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации’, *детские деревни / дзіцячыя вёскі* ‘особый тип детских домов, загородное поселение детей и взрослых, осуществляющих их воспитание и образование’.

Происходит переосмысление медицинских терминов и формирование на их основе новых фразеологизмов. Так, *хронический артрит* стал *хроническим завтритом* – в НФ отчётливо прочитывается название распространённого заболевания, и потому её внутренняя форма с лёгкостью интерпретируется читателем. Кроме понятности, НФ обладает и экспрессивностью, ведь компонент *хронический*, употреблённый вне сферы медицины, звучит иронично и позволяет считать неодобрительное отношение говорящего. А окказиональная лексема *завтрит*, основанная на термине *артрит* и не существующая в языке вне данного сочетания, неизбежно добавляет выразительности, и в итоге НФ, помещённая к тому же в подзаголовок статьи, является эффектным и красочным средством привлечения внимания читателя: *Хронический «завтрит»: о нашей привычке откладывать жизнь на потом* (СБ, 29.11.2018).

Стремление хорошо выглядеть, быть моложе своего биологического возраста вылилось в появление понятия *уколы красоты*, а прогресс в развитии медицинских технологий привёл к тому, что *Человечество стоит на пороге того момента, когда на свет начнут появляться так называемые дизайнерские дети* (Онл., 30.11.2018) – родители будут иметь возможность «отредактировать» внешность своих будущих детей. *Узровень развіцця сучаснай генетыкі ўжо сёння дазваляе бацькам выбраць пол дзіцяці і колер яго вачэй. У апошнія гады нават разгарэлася дыскусія аб этычнасці з'яўлення «дызайнерскіх немаўлят»* (Звезда, 20.01.2021).

Существует тенденция к активизации НФ с компонентом *война*. Многие возникающие конфликты, спорные вопросы авторы публикаций в СМИ предпочитают описывать с использованием этой лексемы, ведь она семантически насыщена, выразительна, символична, что для языка публицистики крайне ценно, поскольку позволяет сделать в тексте акцент, смысловый центр. Показательны в этом отношении коллокации *торговая война / гандлёвая вайна, санкционная война / санкцыйная вайна, молочные / мясные войны, локтевые войны*.

Перечисленные источники активного фразеоморфоза не являются исчерпывающими – свой вклад в увеличение количества НФ вносят все сферы деятельности человека. Однако наиболее продуктивными являются политика, экономика, сфера информационных технологий и интернет-общения, образование, медицина. Таким образом, такие внеязыковые факторы, как всеобщая компьютеризация и информатизация, социально ориентированная политика государства, рост влияния экологического движения, реформы в сфере образования, развитие индустрии красоты, возникновение новых технологий и др., стимулируют появление новых фразеологических единиц. Причём представляется возможным выделение ряда компонентов, обладающих повышенной фразеоморфозообразовательной активностью – таких, например, как *зелёный / зялёны, информационный / інфармацыйны, умный / разумны, цифровой / лічбавы, электронный / электронны* и т. д. В ряде случаев авторы обращают

внимание читателя на семантическую осложнённую новых фразеологических сочетаний, используя кавычки или выражение *так называемый*.

Невозможно не согласиться со словами В. М. Мокиенко: «Наиболее общей доминантой современного состояния русского языка ... следует признать его интенсивную динамизацию. Она проявляется в виде трёх основных тенденций – неологизации (новеллизации), экспрессивизации и демократизации» [75, с. 22]. Новая фразеология отвечает всем трём названным тенденциям, будучи крайне востребованной в нашу эпоху глобализации и информатизации, когда необходимо быстрое и адекватное обозначение появляющихся реалий. Кроме того, нужно отметить, что «изменился языковой вкус общества, общественное отношение к языку из идеологического стало коммуникативным» [52, с. 279], основополагающим становится принцип коммуникативной целесообразности, что ещё более способствует росту числа НФ не только номинативного, но и экспрессивного характера.

1.2.2 Клиповое мышление как один из факторов неопределённости

Под воздействием совокупности рассмотренных выше факторов проявляется, по мнению Н. С. Валгиной [22, с. 12], ещё один фактор, оказывающий влияние на языковые процессы, – это психологический тип представителя нового общества. Поскольку современное общество существует на новом, информационном, этапе развития, это неизбежно приводит к изменению людей, живущих в условиях глобальной информатизации. На них ежедневно обрушиваются потоки информации, чему способствует повсеместное использование сети Интернет, «... ввиду фрагментарности подачи информации и разнесению связанных событий по времени, мозг просто не может осознавать и постигать связи между событиями <...> он (человек) имеет в своей голове набор разрозненных фактов, которые практически невозможно объединить в общие цепочки событий и связать между собой» [99, с. 2]. В таких условиях формируется новый тип мышления – клиповое. Данное понятие ввёл российский культуролог Ф. И. Гиренок [30], противопоставляя клиповость, обрывочность, нелинейность традиционному линейному мышлению. Т. В. Семеновских определяет клиповое мышление как «процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учёта связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [99, с. 5]. Автором выделяются следующие основные характеристики клипового мышления:

- «конкретность мышления»;
- фрагментарность;

- ориентация на понятия меньшей степени общности;
- алогичность;
- лабильность» [99, с. 5].

Клиповое мышление порождается, по мнению К. Г. Фрумкина, рядом факторов, среди которых автор выделяет следующие:

- 1) ускорение темпов жизни и напрямую связанное с ним возрастание объёма информационного потока, что порождает проблематику отбора и сокращения информации, выделения главного и фильтрации лишнего;
- 2) потребность в большей актуальности информации и скорости её поступления;
- 3) увеличение разнообразия поступающей информации;
- 4) увеличение количества дел, которыми один человек занимается одновременно;
- 5) рост демократии и диалогичности на разных уровнях социальной системы [120].

В результате воздействия перечисленных факторов развитие клипового мышления становится своего рода защитным механизмом от информационных и психологических перегрузок [46, с. 315], [69, с. 376].

Описанные выше особенности мышления современного человека неизбежно влияют на его способность к общению: оно стремительно переходит из реальности в виртуальность, где обычно сводится к кратким фразам, эмодикомам, мемам, хэштегам. Предпочтение в коммуникации отдаётся ярким зрительным образам в ущерб языковым средствам. Современными исследователями влияние клиповости на язык видится «в примитивизации языка и соответственно картины мира, которые проявляются в минимализации языковых средств в письменной коммуникации. Это связано с тем, что клиповое мышление предъявляет к человеческому мышлению требование “быстрее, ещё быстрее”, оно не оставляет времени для сосредоточения и раздумий» [35, с. 2]. На снижение роли языковых средств обращает внимание и Ф. И. Гиренок: «Быстроте мысли мешает увальень-язык. Клиповое мышление старается избежать встречи с языком, свести к минимуму его присутствие. Поэтому первый признак клипового мышления – это языковой минимализм. Мгновенное схватывание сути дела происходит в образе или наглядной схеме. Клиповое мышление интересуется не способ связывания одного суждения с другим, а наглядное изображение мысли в целом» [30, с. 18]. Об уменьшении роли речи в качестве средства объективизации мышления пишет и В. Л. Лозицкий [69, с. 378].

Таким образом, изменение сознания человека ведёт к изменению использования им языковых средств. Востребованными оказываются единицы, сочетающие высокую информативность наряду с образностью, позволяющие кратко и наглядно обрисовать ситуацию, соответствующие требованию «быстро думать и быстро понимать, сокращать объём словесного выражения относительно объёма информации» [35, с. 2]. Как нам представ-

ляется, НФ (собственно НФ и потенциальные НФ) – именно те единицы, которые отвечают данным условиям, среди которых основными будем считать языковой минимализм и образность, наглядность.

В качестве примера слов-клипов Г. Д. Колдасов [48] приводит следующие: *маунтинбайкер, ситименеджер, догкиллер, бодибилдер, аквабайкер*. Все они – варваризмы, беспереvodные заимствования. Существуют их русские аналоги, однако заимствованные варианты используются гораздо шире, что, видимо, обусловлено и изменяющимся сознанием говорящих, и языковой модой, и стремлением к сокращению языковых усилий (закон языковой экономии).

К словам, порождённым клиповостью, можно отнести и слова-кентавры, как их называет Л. П. Крысин [54, с. 173]. Они состоят из двух частей – русской и иноязычной: *web-сайт, www-страница, PIN-код, WEB-адрес* и др. По аналогии со словами-кентаврами, можно говорить и о существовании НФ-кентавров. Использование в них иноязычной части, в большинстве случаев в форме аббревиации, способствует экономии языковых средств и позволяет избежать употребления громоздких объяснительных конструкций:

- *поколение SN* (social network) – люди, активно пользующиеся социальными сетями;
- *поколение Ni-Ni* (los que ni estudian ni trabajan) – люди, которые не учатся и не работают, объясняя это поиском себя;
- *поколение RESET* – люди, которые в трудной ситуации не ищут решения проблемы, а бросают всё и начинают заново (по аналогии с кнопкой Reset («сброс»);
- *SOS-дзіцячая вёска* (здесь SOS – общепринятый сигнал бедствия и аббревиатура *social support* ‘социальная поддержка’) – особый тип детских домов, загородное поселение детей и взрослых, осуществляющих их воспитание и образование;
- *пакаленне text* – люди, которые общаются короткими сообщениями, написанными упрощённым языком. В значении данной НФ, по нашему мнению, отражены важнейшие сущностные характеристики клиповости мышления (нелинейность, скорость передачи информации, общение посредством гаджетов, простота, примитивизация языка): *Не аднойчы, я ўпэўнена, вы чулі пра пакаленне text, а што наконт пакалення text? Гэта не толькі пра спосаб зносін з дапамогай кароткіх паведамленняў, але і пра новую інтэрнацыянальную мову. Яе асноўныя рысы – прастата, свабодныя адносіны да нормаў і традыцыяў, эмацыйнасць* (ВебСМИ, 19.07.2018).

Примерами НФ, которые отражают суть клипового мышления и его последствия, являются *эффект Гугл* (бел.) и *пакаленне гугл* (бел.). В результате доступности информационных технологий и возможности в любое время выйти в интернет и найти необходимую информацию, многие люди не стремятся запоминать что-либо, анализировать, сопоставлять, а оперируют лишь разрозненными фактами, готовыми мыслями. Отмечается отсутствие необхо-

димости в глубоких мыслительных операциях, поскольку готовая информация всегда может быть найдена по поисковому запросу: *Але сёння педагогі і псіхалагі кажучь ужо пра «эфект Гугл» – калі запамінаецца не змест, а месца знаходжання інфармацыі, шлях да яе. Заўважана, што сярэдняя працягласць канцэнтрацыі ўвагі ў сучасных дзяцей значна меншая, чым была раней, у **пакалення «гугл»** знікае здольнасць чытаць і разумець вялікія тэксты, арыентавацца без інтэрнэт-картаў на мясцовасці. Гэта ўсё побочныя эфекты сучаснай цывілізацыі...* (Звязда, 14.11.2018).

Следует отметить, что, имея практически неограниченный доступ к информации, индивид может, тем не менее, оказаться в *информационном пузыре*. Данная НФ (калька с английского *information / filter bubble*) возникла как результат персонализации поисковых систем: пользователю предлагается информация, основанная на его предыдущих поисковых запросах, геолокации, предпочтениях. Негативный эффект *информационного пузыря* заключается в том, что человек видит лишь подобранную для него информацию, не имеет возможности самостоятельно отбирать материал. Данное явление приводит к упомянутой выше фрагментарности, обрывочности знаний. Вместе с тем, во фрагментарности представлений имеет место и субъективный фактор: при расширении доступа к информации, как отмечает И. А. Стернин, «наблюдаются черты информационной усталости, что проявляется в тенденции ограничивать получаемую человеком информацию определёнными источниками, отвечающими конкретным социальным, эстетическим или политическим ориентациям человека» [108, с. 5].

Типичными «клиповыми» НФ являются *зелёные человечки* и *жёлтые жилеты / жоўтыя камізэлькі*. В их основе лежит лишь зрительный образ: говорящий называет картинку, которую видит перед собой, не вникая в суть явления. Так, *зелёными человечками* называли военнослужащих из-за цвета их формы, а *жёлтые жилеты* – это политическое движение во Франции, приверженцы которого выходили на митинги в светоотражающих жилетах жёлтого цвета.

Семантика чисел также способствует минимизации языковых средств при передаче информации. Рассмотрим НФ *10 сентября*. Известно, что 11 сентября 2011 года в США был совершён крупнейший в истории теракт, вследствие которого погибли около 3000 человек. В то же время 10 сентября – ничем не примечательный день, когда ничего не предвещало катастрофы. Таким образом, в НФ имеется аллюзия на дату теракта и подразумевается, что в сравнении с произошедшим всё остальное – это нечто малозначительное и повседневное.

НФ *вызывать эконом* обусловлена внешними по отношению к языку факторами: существуют службы такси, где клиентам в зависимости от их запросов и предпочтений дают возможность выбрать поездку класса эконом, комфорт или люкс, причём стоимость поездки значительно варьируется в зависимости от выбранного уровня обслуживания. Самый дешёвый

вариант – эконом. Перенос данной ситуации на другие сферы порождает НФ со значением ‘выбирать самый дешёвый вариант’. Клиповость здесь можно проследить в минимизации языковых усилий, чему способствует расширение значения выражения: первоначально употребляясь лишь в одной сфере, оно теперь относится к любым обстоятельствам, в которых есть возможность выбора различных ценовых категорий: *Я знаю десяток минских заведений и бизнесов с услугами, где прямо-таки клиента «облизывают», но и стоит это также весомо для кошелька. Поэтому, если могу позволить, – иду к ним, нет – «вызываю эконом» и знаю, что от него получу* (СБ, 19.03.2020).

Клиповое мышление как один из экстралингвистических факторов тесно связано с внутриязыковым законом экономии. Необходимость быстро думать, понимать, выдавать ответную реакцию требует минимизации языковых усилий и средств выражения. НФ, порождённые клиповостью, являются ярким примером взаимодействия внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие языка.

1.2.3 Образование неофразем как отражение действия внутренних законов развития языка

Очевидно, что перечисленные факторы внешнего воздействия важны, однако реакция языка на них возможна лишь в соответствии с теми внутренними закономерностями, по которым он развивается, т. е. воздействующая сила внешних факторов находит своё отражение в языке только тогда, когда она опосредована его внутренними законами. Как верно заметила Н. С. Валгина, «... основа для изменений заложена в самом языке, где действуют внутренние закономерности, причина которых, их движущая сила, заключена в системности языка. Но своеобразным стимулятором (или, наоборот, “тушителем”) этих изменений является фактор внешнего характера – процессы в жизни общества» [22, с. 12–13].

К основным внутренним законам развития языка относятся:

- 1) закон системности;
- 2) закон традиции;
- 3) закон аналогии;
- 4) закон экономии;
- 5) законы противоречий [22, с. 13–25].

Рассмотрим, как проявляется влияние этих законов на образование новых фразеологических единиц.

Действие закона системности в отношении НФ прослеживается при анализе их семантических особенностей. Слова-компоненты НФ приобретают фразеологически связанное значение, а изменение семантики слова ведет к изменению его сочетаемостных потенций.

В словосочетании *белая книга* лексема *белый* обозначает цвет, а *книга* – это объект, вид печатной продукции, т. е. оба слова употреблены в своих

прямых значениях. Традиционно книгу можно купить, прочитать, взять, перевести, потерять и т. д. Это же сочетание, будучи НФ, получает совершенно иное значение: *В июле британское правительство опубликовало так называемую «Белую книгу» – подробный план того, на каких условиях должна быть заключена сделка по Brexit с точки зрения официального Лондона (СБ, 25.09.2018).*

Здесь *книга* и *белый* приобретают фразеологически связанное значение, которое позволяет значительно расширить синтаксические возможности фраземы: план можно утвердить, одобрить, подписать, разработать, внедрить и пр.

Помимо прочего, *книга* в прямом значении может употребляться как в единственном, так и во множественном числе, в то время как НФ *белая книга* обозначает единственный в своем роде объект и категории множественного числа не имеет. Системность здесь проявляется в том, что изменения на семантическом уровне влекут за собой изменения на уровне синтаксиса и морфологии.

Закон традиции как тенденция к стабильности, устойчивости, «консервации» имеющихся языковых средств, как нам представляется, в наименьшей степени оказывает влияние на образование НФ. Внедрение новшеств заставляет систему развиваться, расширять свои границы, отдавать предпочтение не привычному, традиционному, а новому. Несмотря на то что НФ являются новыми единицами, способы их образования, связи слов-компонентов в большинстве своём отдают дань традиции. Так, в основе многих НФ, что типично для традиционной фразеологии, лежит метафорический перенос (*бить по хвостам, слепые покупки, переломить через колено, открыть личико, сядзец у аковах, загнаць у падпечак*). А, например, субстантивные НФ в основном образованы по схеме прилагательное + существительное, что соответствует традиции (*болевая точка, диванные войска, домашняя страница, вежливые люди, красная икра, бясплатны шопінг, кар'ерны лунатызм*).

«Законом аналогии принято называть изменение, вызванное влиянием более сильного – более удобного или чаще употребляемого – образца» [56, с. 157]. Применение данного закона можно проиллюстрировать образованием НФ по образцу уже имеющихся в языке устойчивых выражений:

*Гугл в помощь ← Бог в помощь,
в одном клике от ← в одном шаге от,
в одном плуге ← в одной лодке / упряжке,
ловить хайп / лавіць хайп ← ловить кайф,
хронический завтрит ← хронический + название болезни;
тайговы саюз ← торговый союз.*

Развитая семантика колоративов также служит основой для появления новых устойчивых сочетаний: *чёрная пятница / чорная п'ятніца, синяя волна, красный директор, красная линия / чырвоная лінія, жёлтые жилеты / жоўтыя камізэлькі, зелёные человечки, зелёный газ, зялёныя пахаванні, пятьдесят адценняў шэрага.*

Вероятно, наиболее влиятельным в языке на данном этапе развития общества является закон экономии. Не подлежит сомнению, что «сами говорящие в процессе общения бессознательно стремятся свести к необходимому минимуму:

- и силы, которые затрачиваются на произношение, – экономия речевых усилий, речевой энергии;
- и время, которое необходимо для передачи конкретной информации, – экономия речевого времени;
- и средства, которые требуются для обеспечения нужд мышления и взаимопонимания в коммуникации, – экономия языковых средств» [56, с. 158].

Активная динамизация всех социальных процессов отражается в СМИ, большинство которых сейчас представлено в сети Интернет, где освещение актуальнейших событий возможно в режиме прямого эфира. Такой формат требует поиска наиболее ёмких средств выражения, сочетающих информативность и экспрессивность. Этого можно добиться, используя новые фразеологические единицы, семантика которых позволяет передать значительно больше, чем значения слов-компонентов.

Например, НФ *пенсионная ловушка* обозначает ситуацию, в которую в связи с недавним повышением пенсионного возраста попадают люди, не имеющие достаточного стажа для назначения им трудовой пенсии и вынужденные дорабатывать необходимое количество лет. В семантической структуре НФ можно выделить семы *'пенсионная реформа, пенсия, стаж, пенсионный возраст, труднопреодолимая ситуация'*. Таким образом, новое сочетание позволяет в значительной мере уменьшить и речевые усилия, и время, и языковые средства выражения.

Закон экономии также проявляется в заимствовании иноязычных слов. Как отмечает Н. В. Баско, «заимствования из английского языка (обычно из его американского варианта) последних двух десятилетий часто являются компактной номинацией длинных аналитических наименований русского языка, становясь их краткими лексическими синонимами. В соответствии с усилением тенденции экономии языковых средств английские наименования оказываются более предпочтительными в речи носителей русского языка» [16, с. 5]. Кроме того, заимствования сейчас нередко обозначают понятия, явления, не существовавшие ранее, синонимичных наименований которых в русском/белорусском языках не имеется: *майнинговая ферма / майнінґавая ферма, майнить биткойны*.

Ещё одно проявление закона экономии – использование аббревиатур:

У сваёй рабоце мы актыўна супрацоўнічаем з раённым аддзелам адукацыі, паліклінікай № 11, раённым аддзелам унутраных спраў, SOS-дзіцячай вёскай, Магілёўскім жаночым цэнтрам падтрымкі і самаадукацыі, царквой (Звезда, 01.08.2018).

Поколение SN (Social Network) меряет жизнь лайками (СБ, 17.05.2019).

Языковая динамика, помимо прочего, обусловлена противоречиями, существующими в самом языке. Н. С. Валгина [22, с. 19–20] выделяет 6 основных противоречий (антиномий): антиномия говорящего и слушающего, антиномия узуса и возможностей языковой системы, антиномия кода и текста, антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака, антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной, антиномия двух форм языка – устной и письменной. Не все из них в равной степени влияют на появление новых фразеологических единиц.

Цель говорящего – максимально эффективно передать свою мысль, а слушающий должен эту мысль воспринимать и понимать. В идеальной ситуации «в процессе коммуникации ход мысли говорящего должен получить такое словесное воплощение, чтобы адресат не тратил лишних усилий и времени на восприятие полученной информации» [23, с. 15]. НФ появляются как способ решения данного противоречия: с одной стороны, они способствуют концентрации смысла высказывания, а с другой, облегчают понимание сказанного.

Так, *пройтись катком по ч.-л.* обозначает ситуацию безжалостного уничтожения объекта, сравнимую с действием дорожного катка, при движении подминающему под себя всё, попадающее на пути. Употребив такую НФ, говорящий передаст и информацию, и своё отношение к ней, а слушатель сумеет понять смысл сказанного, т. к. образ, лежащий в основе фраземы, без труда раскрывается.

Содержательная и познавательная ценность, образность, выразительность – это те качества НФ, которые дают возможность считать их компромиссным разрешением противоречия между информационной и экспрессивной функцией языка. Особенно актуально их применение в публицистике, цель которой не только подать материал, но и вызвать эмоциональную реакцию читателя (*перхотная дипломатия, выпустить волка, диванные войска, мёртвый ходок, загнаць у падпечак, мікрахвалёвае мысленне, трымаць галаву ў пяску*).

«Вообще же переход языка на новую ступень эволюции – постоянный исторический процесс .... В социальном плане этот переход, даже если его излишне высокие темпы грозят устойчивости и преемственности литературного выражения, есть звено вечного процесса приспособления языка к меняющимся условиям жизни общества, его идеалам, установкам, вкусам» [52, с. 262]. Таким образом, формирование новых фразеологических единиц – закономерное явление, происходящее под действием причин внешнего порядка и в соответствии с законами внутреннего развития языка.

ГЛАВА 2

ИСТОЧНИКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕОФРАЗЕМ

Происхождение новой лексики и фразеологии – тема, требующая специального рассмотрения, поскольку верная интерпертация неолексем, а в особенности НФ, возможна лишь с учётом специфики языка и культуры источника данных единиц.

Классификация фразеологизмов с точки зрения их происхождения не имеет однозначной трактовки в трудах учёных-филологов. Не подлежит сомнению, что фразеологическая единица может быть исконной или заимствованной, однако существуют некоторые противоречия, касаемые трактовки происхождения фразеологических калек и полукалек.

По мнению Ш. Балли, «было бы ошибкой слишком чётко разграничивать заимствование и кальку; они отличаются по форме, но почти не отличаются по происхождению и по своим основным свойствам; они вызваны к жизни одной и той же причиной и играют одинаковую роль в пополнении словаря» [13, с. 68]. Н. М. Шанский [126], И. Я. Лепешев [68], например, относят кальки и полукальки к отдельным группам и в зависимости от происхождения выделяют исконно русские фразеологизмы, заимствованные фразеологизмы, фразеологические кальки и фразеологические полукальки. Н. Ф. Алефиренко [3], А. В. Кунин [57], Е. П. Пустошило [93] различают лишь две группы: исконные и заимствованные фразеологизмы – и таким образом относят кальки, полукальки, варваризмы к группе заимствований. Как утверждает Ю. А. Гвоздарёв, «необходимо признать заимствованными фразеологическими единицами иноязычные выражения, сохранившие свой вид и значения, но одновременно к заимствованиям следует относить и те образования, которые подверглись адаптации в русском языке» [29, с. 160]. Поскольку в основе калек и полукалек лежит иноязычное выражение, будем считать их заимствованиями, употребляемыми в полностью или частично переведённом виде.

В некоторых случаях фразеологизм заимствуется не напрямую, а через язык-посредник, и при таких условиях для идентификации языка-источника требуется глубокий этимологический анализ. Кроме того, существуют так называемые фразеологические интернационализмы, «которые базируются на общих для всех людей ситуациях и потому могут возникать независимо друг от друга в разных языках с одинаковым значением и аналогичной деривационной базой» [94, с. 45]. Установление языка-источника в таких случаях проблематично.

Для анализа НФ с точки зрения их происхождения уточним некоторые термины. **Кальки** представляют собой фразеологизмы, возникшие в языке в результате пословного перевода иноязычного прототипа (*smart house* < умный дом, *soft skills* < мягкия навыки, *ya yubi sedai* < поколение большого пальца). **Полукалька** – это ФЕ, часть которой переведена, а часть заим-

ствуется без перевода (*инфармацыйны фаст-фуд, краудфандинговая платформа, майнинговая ферма*). **Варваризм** – это иноязычный по происхождению фразеологизм, употребляющийся без перевода (*elevator speech, fake news, helicopter parents, хайли лайкли*). К **исконно белорусским** фразеологизмам И. Я. Лепешев [68, с. 31–35] относит общеславянские (существуют только в славянских языках), общевосточнославянские (общие для русского, белорусского и украинского языков) и собственно белорусские. Учёный отмечает, что существуют фразеологизмы, общие лишь для двух славянских языков, причём определение языка-источника проблематично. В таких случаях «использование терминов типа “общий для белорусского и русского языков” более правомерно, чем неаргументированная квалификация определенного выражения как “собственно белорусского” или “собственно русского”» [68, с. 34]. Мы относим к **исконно русским / белорусским** НФ как собственно русские / белорусские единицы, так и НФ, общие для русского и белорусского языков, поскольку интенсивное межязыковое взаимодействие приводит к ускоренному взаимопроникновению лексики и фразеологии, при котором установление первоисточника к.-л. НФ не всегда представляется возможным.

Для выяснения и уточнения происхождения исследуемых НФ учитывалась их национально-культурная и национально-языковая маркированность, использовались лексикографические источники, возможности поисковых интернет-запросов, ресурсы Национального корпуса русского языка (www.ruscorg.ru).

В результате анализа собранного материала с точки зрения его происхождения было выявлено, что в обоих исследуемых языках наибольшее количество составляют НФ исконного происхождения (61,4 % рус. / 58,5 % бел.), количество фразеологических калек составляет 33 % и 37,5 % соответственно. Количественное соотношение исконных и заимствованных НФ в обоих языках отражено в таблице 2.1.

Таблица 2.1 – Классификация НФ русского и белорусского языков по происхождению

Язык	Исконные НФ	Заимствованные НФ		
		кальки	полукальки	варваризмы
русский	61,4 %	33 %	3 %	2,6 %
белорусский	58,5 %	37,5 %	3,6 %	0,4 %

Как свидетельствуют полученные результаты, основу новой фразеологии составляют исконные НФ и кальки, поэтому рассмотрим данные группы по отдельности.

2.1 Неофраземы исконного происхождения

Параллельное сосуществование двух официальных языков на территории Республики Беларусь, их равноправное функционирование и взаимопроникновение в общем информационном пространстве приводят к тому, что точное установление первичного источника многих НФ (русский или белорусский язык) становится невозможным. Как следствие, однозначное отнесение НФ к исконно русским либо исконно белорусским единицам не всегда является обоснованным. На этом основании в данной работе под исконными НФ мы понимаем единицы, существующие в русском и белорусском языках и не зафиксированные в других языках.

Исследование исконных фразем даёт возможность проследить характерные черты мировосприятия двух близкородственных народов, реалии соседствующих государств, нашедшие отражение в неофразеологии.

Неофразеология есть результат осмысления действительности с опорой на присущие данной культуре особенности (под культурой здесь понимается совокупность материальных и духовных достижений общества). Исконные НФ наподобие *пробросить мельницей, подкидывать уголь, попутать калитки, загнаць у падпечак, палена ў вогнішча* не только имеют значимость как языковой продукт представителей нации, но и позволяют идентифицировать культурно значимые реалии, ставшие основой для фразеологизации (*мельница, калитка, уголь, падпечак, палена, вогнішча*).

Частные дома традиционно обносятся заборами, и вход во двор возможен через калитку. Калитка – это своеобразный барьер, ограничивающий своё от чужого. Зайти в чужую калитку в прямом значении – значит зайти на чужую территорию, нарушить чьё-либо пространство. В НФ *попутать калитки* ‘не знать / нарушать границы дозволенного’ актуализируется сема нарушения границы, меры: *Дети и подростки и вправду уже калитки попутали* (Онл., 19.09.2019).

Некоторые исконные НФ оотражают реалии современных России и Беларуси: законы (*падатак на Google, зялёная карта*), социальное обеспечение (*пенсионная ловушка*), сферу торговли (*зніжкі па-беларуску, торговцы надеждой*) и здравоохранения (*чесночно-имбирный психоз*).

В России и Беларуси с 2017 г. введён налог / *падатак на Google*, его обязаны уплачивать иностранные компании, предоставляющие онлайн-услуги. *Торговцы надеждой* ‘продавцы, чаще разъезжающие по стране, торгующие товарами сомнительного качества по завышенным ценам и подчёркивающие при этом уникальность и эффективность товара’ – также современная реалья: *Торговцы надеждой. Дяди с чудо-сиропами собрали пенсионеров на распродажу, а мы пришли без приглашения. <...> Только имейте в виду: продукт без спирта и химии и помогает путем накопления в организме. Нужно брать не менее четырёх упаковок, – снова и снова рассказывают торговцы надеждой* (Онл., 08.02.2019).

Каждый индивид, живя в обществе, является представителем определённой национальной культуры. «Сам человек пронизан культурой», – пишет Ю. С. Степанов [107, с. 40]. В качестве объекта человек впитывает систему ценностей, мировидения, стереотипных представлений, верований, что неизбежно происходит в процессе социализации личности. Как субъект культуры, индивид может выступать в роли творца, когда создаёт произведения искусства, воспроизводит ритуалы и, что немаловажно и характерно для любого представителя нации, транслирует знания и представления об окружающем мире посредством языка, причём не только воспроизводит имеющиеся языковые средства, но и создаёт новые. «Поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [71, с. 63], – утверждает В. А. Маслова. С ней согласна и В. Н. Телия: «... субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [113, с. 214]; следовательно, и его «языковой продукт» – все те узуальные и окказиональные единицы и их сочетания, создаваемые субъектом, имеют некую национальную обусловленность.

Само создание фразеологической единицы, способы соединения в ней лексем, возникновение образа и дополнительных ассоциаций, связанных с ним, оценка описываемой ситуации возможны лишь сквозь призму субъективного сознания, которое всегда национально, поскольку в процессе вхождения в общество человек впитывает особенности национальной культуры в её материальном (результаты труда человека) и духовном (духовные ценности) проявлениях.

Вслед за В. Г. Костомаровым и Е. М. Верещагиным [24, с. 68], Е. Ф. Арсентьевой [8, с. 52], мы считаем, что информация об особенностях определённой культуры может находить выражение на трёх уровнях:

- 1) на уровне отдельных лексем-компонентов НФ;
- 2) в прямом значении свободного словосочетания-прототипа фразеологизма;
- 3) во фразеологическом, переосмысленном значении свободного словосочетания.

Прежде всего обращают на себя внимание единицы, так или иначе связанные с трудом. Купаловский белорус – это «пан сахі і касы», а при описании женщины в фольклоре лучшим её качеством считается способность много работать: «А жонка яго такая добрая была кабeціна, што цяперашнім светам не хутка знойдзеш. Работніца, як кажучь, дай бог усякаму: і дзяцей гадала, і ў хаце прыбірала, і мужу дапамагала...» [138, с. 27]. У В. С. Короткевича находим: «...зямляк наш вызначаецца і ўтрапёнай любоўю да працы. Я нават сказаў бы: валовай упартасцю ў ёй. Гэта таксама добра тлумачыцца. Скупая зямля ой як нялёгка давала хлеб» [140, с. 67].

В основе НФ *узараць няўдобицу* лежит типичная ситуация, с которой приходилось сталкиваться людям, работающим на земле. *Няўдобица* – неурожайная земля, малопригодная для выращивания сельскохозяйственных культур. Однако в условиях, когда нужно прокормить семью, использовались и такие участки, ведь «іначай, у старыя часы, чалавек проста не выжыў бы сярод гэтых дрымучых лясоў і неабсяжных балот, на гэтай скупаватай зямлі» [140, с. 65]. В результате метафорического переосмысления ситуации-прототипа и связанных с ней ассоциаций возникла новая фразеологическая единица, коннотации которой близки и понятны белорусам, поскольку основаны на реальном опыте народа: *Праблема сацыяльнага інфанталізму і спажывецтва ўзнікла не сёння і не ўчора. Ёй далі патачку ў савецкі час. Таму няпроста ўзараць гэту няўдобицу* (Звязда, 14.02.2018).

Отношение к работе, представление о том, как правильно её выполнять, легли в основу НФ *ісці па першай спасылцы*: *Калі на літаратуры мы будзем вучыць адназначнаму ўспрыманню твора, то не трэба дзівіцца таму, што ў пошуках інфармацыі нашы дзеці пойдучь па «першай спасылцы»* (Звязда, 03.11.2018).

Источник НФ *ісці па першай спасылцы* – типичная ситуация поиска информации в интернете: в браузере вводится поисковый запрос, в ответ на который выводится список ссылок, по которым можно найти необходимую информацию. Чтобы информация была полной и достоверной, необходимо проанализировать, сопоставить несколько источников, углубиться в тему. Однако некоторые пользователи довольствуются той информацией, которая открывается при переходе по первой же ссылке в списке, считая её достаточной и исчерпывающей.

Поскольку «сознание способно абстрагироваться от предметного или знакового выражения смысла и... оно достаточно легко вписывает объекты реальности в имеющиеся смысловые системы» [3, с. 8], прямое значение выражения *ісці па першай спасылцы* было подвергнуто метафорическому переносу. В результате возникло образное выражение – НФ, обозначающая любую ситуацию, в которой действующее лицо выбирает самый лёгкий, первый попавшийся способ выполнения поставленной задачи.

Рассмотрим семный состав данного сочетания в его прямом (1) и фразеологическом (2) значении:

1) работа с компьютером; поиск информации; открытие в браузере первого результата по поиску;

2) ситуация принятия решения / выбора; поверхностный подход; выбор первого попавшегося варианта; нежелание сравнивать, углубляться в изучение вопроса.

Если первый вариант стилистически нейтрален, то второй становится экспрессивно окрашенным, приобретает выраженную отрицательную оценку. Данная оценка не субъективна: она отражает ценностные установки всего общества, ведь «по своей природе ценностное сознание всеобщее, но при этом имеющее глубоко личностную, индивидуальную форму существования» [86, с. 16].

НФ *ісці на першай спасылцы* характеризуется мотивированностью, поскольку её образное основание легко идентифицируется: с ситуацией поиска информации в интернете в наше время сталкиваются многие. Как писал А. А. Потеня, «говорящий, чувствуя, что слово принадлежит ему, в то же время предполагает, что слово и представление не составляют исключительной, личной его принадлежности, потому что понятное говорящему принадлежит, следовательно, и этому последнему» [91, с. 156]. Общие фоновые знания таким образом служат залогом успешной передачи авторских интенций.

Важная черта белорусов – миролюбие. НФ *донар бяспекі / донор безопасности* стала употребительной в связи с проведением на территории Беларуси международных встреч по урегулированию конфликта в Украине. Переосмысление лексемы *донар/донор* ('человек, жертвующий свою кровь/органы для спасения других людей') привело к расширению её значения, и НФ используется для обозначения страны, являющейся площадкой для мирных переговоров: *Беларусь сёння – гэта міралюбівая еўрапейская дзяржава, якая выступае донарам бяспекі і плядоўкай на ўрэгуляванні шэрага канфліктаў у рэгіёне* (Звезда, 18.01.2016); *Беларусь твёрда прыдтрымаецца миролюбивой политики, сохрымае статус донора безопасности в регионе* (СБ, 20.12.2019).

Семья, дружба, готовность прийти на помощь, отзывчивость, безопасность, постоянство – вот то, что традиционно значимо как для русских, так и для белорусов, и лежит в основе не только межличностных, но и межгосударственных отношений. Так, НФ *жалезныя браты / железные братья, усенагоднае сяброўства* характеризуют отношения Беларуси с Китаем, причём дают им выраженную положительную оценку: *«Жалезныя браты» і «ўсенагоднае сяброўства» – гэта ёмістыя паняцці, тэрміны, што шчыльна ўвайшлі ў лексікон нашых узаемаадносін. Кітай – стратэгічны партнёр Беларусі. Аснова нашага супрацоўніцтва – сяброўства і ўзаемаразуменне, падтрымка на двухбаковых і шматбаковых пляцоўках* (Звезда, 02.08.2017).

Рассмотрим компоненты НФ «жалезныя браты». *Жалезны* в прямом значении понимается как 'сделанный из железа', а в переносном описывает те качества, которые свойственны железу – прочность, крепость, устойчивость, надёжность и т. д. Такое употребление этого слова можно наблюдать в сочетаниях *железная дисциплина, железный порядок*. *Браты* – люди, между которыми существует кровное родство, т. е. они связаны нерушимыми узами. В итоге, во фраземе дважды акцентируется сема устойчивости. Кроме того, сочетание слов, не сочетаемых при использовании их в прямом значении, усиливает эффект экспрессивности всей фраземы.

В выражении *ўсенагоднае сяброўства* обнаруживаем тот же эффект. *Сяброўства* описывает надежные отношения, основанные на доверии, симпатии, взаимоуважении. *Усенагоднае* использовано в переносном значении и понимается как 'всегда, при любых условиях'. Таким образом, значение всей фраземы также связано с крепкими и стабильными отношениями.

Белорусское общество является довольно традиционным в гендерных вопросах. Как внешность, так и черты характера мужчины должны быть соответствующими. Так, например, борода воспринимается как атрибут зрелого, умудрённого жизнью человека. Однако Беларусь не остаётся в стороне от мировых тенденций в моде: молодые люди отращивают бороды, усы, поскольку это в данный период считается актуальным. Такое несоответствие внешности возрасту вызывает ироничную оценку: *Я зараз гавару пра гэтых плюшавых хлопцаў, якія раптоўна вырашылі стаць мужнымі. Цела дзіцяці, галава дрывасека* (Звязда, 06.09.2018).

В русском языке нами также было зафиксировано употребление НФ *плюшевые мальчики*: «*Плюшевые мальчики – так называла их Грейс. Они были для неё эквивалентом плюшевой игрушки, которую маленькая девочка обнимает, когда надо утешиться, берёт с собой на прогулку, ведёт воображаемые диалоги... Всего их было около дюжины, молодых спутников стареющей Грейс*» [141].

В данном случае значение НФ уже, чем у её белорусского варианта: компонент *плюшевый* ‘сделанный из плюша’, ассоциируемый с мягкими игрушками из этого материала, описывает и людей, причём приписывает им качества игрушки. Это люди мягкие, безвольные, но при этом приятные, привлекательные. В белорусской НФ *плюшавыя хлопцы* также существуют описанные коннотации, но появляются и дополнительные оттенки значения, связанные с особенностями внешнего вида, характера и возраста.

Информация о культурно-языковой специфике рассмотренных НФ проявляется на уровне прямого значения свободных словосочетаний (*узараць няўдобіцу, красны директор*) и развившегося у свободных словосочетаний фразеологического значения (*пайсці па першай спасылцы, жалезныя браты*, и др.). Отмечаются и отдельные лексемы-компоненты НФ, обладающие языковой спецификой (*откусить минской булки*).

Таким образом, в НФ исконного происхождения находят отражение реалии современных России и Беларуси, а также представления народа о действительности, опосредованные его ценностными приоритетами, передается социально значимая информация, даётся оценка происходящему, в основе которой лежат особенности мировосприятия, культурные эталоны, приобретённые в ходе исторического развития народа. Связь языка и культуры происходит преимущественно на уровне коннотаций, которые появляются при фразеологизации свободного словосочетания-прототипа фразеологизма.

2.2 Неофраземы-кальки в русском и белорусском языках

Активное межкультурное взаимодействие в глобальном информационном пространстве приводит к взаимообогащению контактирующих языковых систем, одним из проявлений чего является значительное количество калькированных фразеологических единиц, пополняющих современные русский

и белорусский языки. Заимствования в переведённом виде, которыми являются кальки, усваиваются языком легче, нежели их беспереводные варианты. Известный белорусский фразеолог Н. А. Данилович объясняет это тем, что «фразеологическая система белорусского языка, как и всякого другого языка, наделена определённым “иммунитетом” против чрезмерного проникновения в свои границы иноязычных лексических единиц. Она допускает в свою “среду” чужеродный материал ограниченно...» [34, с. 31]. Кальки же воспринимаются носителями языка как факты родного языка, поскольку, как утверждает И. Я. Лепешев, их структурная схема заполнена «нашими» словами. «Многие из них осознаются как живые метафорические образования с ярким образным стержнем, сформированным на основе слов конкретного значения <...> Перекрашиваясь под национальную идиоматику, они органично входят в речь, вливаются в общий поток национального языка» [68, с. 36–37]. На это же указывал Н. М. Шанский: «Основную массу фразеологических калек составляют фразеологические обороты, иноязычность структуры которых совершенно не чувствуется (это объясняется тем, что по синтаксическим связям слов и их семантическим отношениям они не отличаются от исконно русских фразеологизмов)» [126, с. 119]. По мнению И. О. Наумовой, среди новых слов и выражений иноязычного происхождения предпочтение говорящих отдаётся калькам, поскольку данные единицы имеют в большинстве случаев прозрачную внутреннюю форму, «способствующую осознанному восприятию новых словесных комплексов, а также ... словосочетания из исконно русского языкового материала, естественно, запоминаются легче и быстрее, чем незнакомые словесные блоки из других языков» [82, с. 38]. Таким образом, утверждение И. Я. Лепешева, что «во многих развитых литературных языках более трети фразеологизмов приходится на кальки и полукальки» [68, с. 37], актуально и для современного состояния русского и белорусского языков, где число фразеологических калек стремительно растёт.

Лингвистическая ценность калек имеет несколько аспектов:

1) как замечает А. В. Куниц, кальки «заполняют лакуны в системе номинации, так как они во многих случаях не имеют ни лексических, ни фразеологических синонимов и являются единственными обозначениями тех или иных объектов» [57, с. 125];

2) кальки способствуют обогащению фразеологического фонда языка без введения в его состав иноязычной формы;

3) распространение калек способствует «сближению образов мышления двух народов и их восприятия языковой картины мира» [12, с. 5].

Основными источниками фразеологических калек в разные исторические периоды являлись разные языки (латинский, греческий, немецкий, французский, английский). Так, например, Н. М. Шанский [126, с. 118] считает, что основная масса фразеологических калек русского языка, представляющих из себя фразеологические сращения и единства, обязана своим происхождением французскому языку (*вопрос жизни и смерти > une*

question de vie et de mort; медовый месяц > la lune de miel), а количество калек из других языков значительно меньше. И. Я. Лепешев, анализируя кальки в белорусском языке, также свидетельствует о том, что преобладающее их количество происходит из французского языка [68, с. 39] (*абрэзаць крылы, баяцца свайго ценю, божая кароўка, бура ў шклянцы вады, купляць ката ў мяшку, праглынуць язык*).

Фразеологические кальки не всегда легко отличить от исконно русских / белорусских НФ «в силу вероятности полного совпадения способа номинации, то есть самостоятельного существования в разных языках единиц, не являющихся результатом взаимодействия языков» [82, с. 15]. Для недопущения смешения данных явлений мы используем дифференциальные признаки выявления фразеологических калек, предложенные И. О. Наумовой [82, с. 16–18]:

1) существование структурно-семантического аналога в иностранном языке;

2) подтверждение возникновения предполагаемой модели-прототипа русской / белорусской фразеологической единицы в иностранном языке (установление авторства, лексикографические источники, документы);

3) смысловая соотнесённость анализируемой единицы с иноязычной действительностью (наименования реалий, особенности национальной культуры);

4) одновременное функционирование прямого заимствованного выражения из иностранного языка и его пословного перевода, служащего одним из способов раскрытия содержания незнакомого иноязычного оборота;

5) частные формальные признаки, фиксируемые в отдельных случаях введения в речь фразеологических калек: кавычки, вводные фразы – *как говорят в ..., так называемые* и т. п.

В некоторых случаях установление происхождения кальки значительно облегчается контекстом. *На сегодняшний день социологами принято делить пользователей новых технологий на цифровое поколение и цифровых иммигрантов (такое разделение предложено Марком Пренски в 2001 году)* (ВебСМИ, 24.07.2023).

Автором НФ *цифровой иммигрант*, как следует из приведённого контекста, является американец М. Пренски, в английском языке существует прототип НФ – *digital immigrant*. Таким образом, *цифровой иммигрант* – калька из английского языка.

На данном этапе развития языка и общества в РБ английский язык является самым влиятельным языком-донором фразеологических калек. Это во многом объясняется общемировым процессом глобализации, где английский – ведущий язык международных отношений. Кроме того, одной из самых активных сфер фразеомобразования является интернет, а английский язык имеет доминирующую позицию в этой сфере как язык компьютерных терминов, наполнения мобильных приложений и сайтов. НФ наподобие *личный кабинет, крутить ленту, всплывающие окна, мусор-*

ная почта, накручивать аудиторию, сацьяльная сетка, тэставы рэжым, рабіць спасылку, гартаць дадаткі и многие другие обязаны своим происхождением английскому языку и широко распространены среди пользователей сети Интернет. НФ-кальки, происходящие из сферы компьютерных технологий, можно разделить на 2 большие группы:

1) технологические (изначально используются разработчиками программного обеспечения, называют составные части компьютерного оборудования, описывают программные операции и работу приложений и др.): *мабільны памочнік, тонкий клиент*;

2) пользовательские (описывают действия пользователя во время работы за компьютером): *отправлять в бан, гартаць стужку*.

Рассмотрим подробнее некоторые кальки из других предметных областей.

НФ *черный лебедь* > *black swan* в значении 'труднопрогнозируемые и редкие события, которые имеют значительные последствия' была употреблена Нассимом Николасом Талебом в книге «Чёрный лебедь: под знаком непредсказуемости». По мнению автора, именно *чёрные лебеди* становятся поворотными событиями в истории и при увеличении связей в мире их роль возрастает. Работа Талеба стала бестселлером и была переведена на 27 языков, что способствовало распространению выражения. В настоящее время НФ присутствует как в русском, так и в белорусском языке:

Некаторыя эксперты паспелі ахрысціць COVID-19 «чорным лебедзем» сусветнай эканомікі – сітуацыяй, развіццё якой цяжка прагназаваць на магчымыя сур'ёзныя негатыўныя наступствы (Звезда, 21.02.2020).

Впрочем, учитывая непредсказуемость социально-экономических и политических последствий пандемии, ставшей классическим «чёрным лебедем», делать какие-то окончательные выводы пока рано (СБ, 07.04.2020).

НФ *испанский стыд* 'чувство неловкости, стыда за действия другого человека' произошла от английского фразеологизма *Spanish shame*, однако в данном случае английский – лишь язык-посредник, поскольку выражение образовалось в испанском языке – *la vergüenza ajena* 'позор другого'. Возникновение НФ связывают, однако, не с Испанией, а с испаноязычной Латинской Америкой, где снимают много сериалов, – их герои, судя по всему, и вызывают *испанский стыд* у зрителей, поскольку зачастую совершают глупые и необдуманные поступки.

На территории Беларуси данный фразеологизм ещё не получил широкого распространения, поэтому авторы публикаций объясняют его значение непосредственно в тексте статьи: *Мои коллеги из Украины говорят, что им за своих стыдно. Мне тоже. Это называется испанский стыд: когда тебе стыдно за то, что делает кто-то другой. Последние недели испанский стыд меня не отпускает* (СБ, 22.02.2020).

НФ *мусорный туризм (турист) / смеццевы туризм (турист)* возникла в Швейцарии в результате мер, принятых властями, для решения сложной экологической ситуации. Был введён обязательный отдельный сбор мусора,

определена плата, причём высокая, за его вывоз и переработку. Мусор должен выбрасываться только в специальных пакетах с маркировкой. Многие швейцарцы, чтобы не платить за утилизацию мусора, вывозят его в соседнюю Францию. Это явление стали называть *мусорным туризмом* / *смеццевым туризмом*:

Во Франции шокированы наплывом «мусорных туристов» из Швейцарии (СБ, 30.03.2018).

Па ацэнцы французскіх улад, ім удалося прадухіліць увоз у краіну прыкладна 10 тон смецця, прычым яшчэ столькі ж было сабрана ў 2017 годзе ў азначаным рэгіёне. Нягледзячы на гэта, імат якім «смеццевым турыстам» са Швейцарыі ўдалося ўнікнуць увагі мытнікаў. Прычынай развіцця «смеццевага турызму» стала вельмі дарагая утылізацыйі адходаў у Швейцарыі (Звязда, 06.04.2018).

Явление стало настолько массовым, что для решения «мусорных» вопросов появилось особое отделение полиции: *У канцы 2017 года 33-гадовы мужчына пакінуў пакет са смеццем на вуліцы не ў той дзень, калі яго павінны былі забраць. Да таго ж ён выкінуў адходы ў звычайным пакеце, а не ў дарагім мяшкі, ухваленым мясцовым саветам. Парушальніка вылічыў супрацоўнік смеццевай паліцыі і выпісаў яму штраф у 150 швейцарскіх франкаў (каля 330 рублёў)* (Звязда, 03.10.2018).

Широкое внедрение информационных технологий имеет много последствий как положительного, так и отрицательного характера. Психологи, социологи говорят о новом поколении, которое уже не представляет своего существования без всевозможных гаджетов, дают ему названия, отражающие его сущностные характеристики. Среди подобного рода названий выделяются те, которые наиболее ёмко описывают суть явления, они приобретают устойчивость и воспроизводимость и проникают в другие языки. Из испанского языка появилась полукалька *поколение Ni-Ni* (los que ni estudian ni trabajan – не учатся и не работают); полукальки из английского – *поколение RESET*, *поколение SN* (Social Network). Калька из японского языка – *ya yubi sedai* < *поколение большого пальца*. Поскольку в Японии запрещено разговаривать по мобильной связи в общественных местах, с появлением мессенджеров разговоры стали вестись в них, причём тексты набирались преимущественно с помощью одного большого пальца, который от постоянного использования становился сильнее остальных пальцев. Увлечение мессенджерами списывалось на молодость, и потому термин, которым называли людей, пользующихся ими, изначально имел презрительный оттенок значения. Сейчас данное выражение стало стилистически нейтральным и распространилось за пределы Японии:

Давалася тлумачыць гэтаму дзіцяці з «накалення вялікага пальца» пра звычайныя яшчэ для яе бацькоў паняцці... (Звязда, 15.11.2019).

Скажу больше, *поколение «большого пальца»* (название из-за большого количества сообщений, которые они набирают на смартфоне большим

пальцем руки) просто не знает, с какой стороны подойти к процессу (СБ, 20.04.18).

Еще одна калька из английского – *snowflake generation* < поколение снежинок описывает поколение, чье взросление пришлось на 2010-е гг. Метафорическое использование лексемы *snowflake* (снежинка) указывает на уязвимость представителей этого поколения и их уверенность в своей исключительности, большую неустойчивость и обидчивость по сравнению с предыдущими поколениями. НФ оказалась настолько актуальной, что была признана одним из ведущих английских словарей (Collins Dictionary) словом года в 2016 г. [137].

Излишне впечатлительную молодежь, озабоченную гендерным и расовым угнетением, сегодня называют «поколением снежинок». Создается впечатление, что рекламный регулятор собирается превратить в «снежинок» всех англичан от мала до велика (СБ, 26.07.2017).

Приведенный обзор неологизмов показывает, что тематический спектр, покрываемый новой фразеологией, разнороден и описывает многие сферы функционирования социума.

В процессе калькирования, как известно, компоненты иноязычного выражения переводятся на другой язык, однако, поскольку лексико-грамматические нормы языков не всегда совпадают, кальки могут быть точными и неточными. В точной кальке при переводе сохраняются все особенности иноязычного прототипа (*lame duck* < хромая утка, *digital natives* < личбавья абарыгены, *mobile assistant* < мабільны памочнік, *soft skills* < мяккія навькі). «Неточная фразеологическая калька – это пословный перевод иноязычного фразеологического оборота с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче его компонентов» [126, с. 117]. В неточных кальках наблюдаются следующие отличия от фразеологизма-прототипа:

1) измененный порядок слов в кальке: *helicopter parents* < бацькі-верталёты, *snowflake generation* < поколение снежинок, *gilets jaunes* < жёлтые жилеты, *table queen* < каралева стала;

2) различия в компонентной структуре. В английском выражении *surf the net* используется определённый артикль, а в русском варианте его нет, поскольку данная часть речи в русском языке отсутствует, зато в структуру НФ-кальки вводится предлог (*лазить в интернете*). Введение предлога, отсутствующего в иноязычном варианте, может сочетаться с изменением порядка слов, как в случаях с *password fatigue* < усталость от паролей, *helicopter money* < деньги с вертолётца;

3) иноязычное сложное слово переводится словосочетанием: *roadmap* < дорожная карта, *white-book* < белая книга.

ГЛАВА 3

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОФРАЗЕМ

3.1 Частеречная отнесённость неофразем

Фразеологизм – это сложная единица, характеризующаяся двуплановостью: с одной стороны, это составная структура, состоящая из компонентов словного характера, с другой стороны, он является единым целым и уподобляется слову по своим семантическим, морфологическим и синтаксическим особенностям. Фразеологизм, как и слово, обладает собственным значением, имеет в предложении определённую синтаксическую функцию, его компоненты, имеющие словный характер, могут быть описаны в рамках грамматических категорий. По мнению А. М. Чепасовой, «самым общим семантическим свойством фразеологизмов оказалось их свойство объединяться в семантико-грамматические классы, в основе каждого из которых лежит одно категориальное значение, или один тип семантики. Причём тип категориального значения у одного класса фразеологизмов и одной части речи одинаковый» [123, с. 10]. Исходя из этого, представляется возможным соотнесение большинства фразеологизмов с лексико-грамматическими классами слов, или частями речи. Разработкой данного вопроса на материале разных языков занимались многие лингвисты, среди которых Н. Ф. Алефиренко, В. П. Жуков, А. В. Кунин, В. А. Лебединская, И. Я. Лепешев, А. И. Смирницкий, А. М. Чепасова, Т. З. Черданцева, Н. М. Шанский, А. М. Эмирова и др.

Н. М. Шанский предлагает при отнесении ФЕ к части речи учитывать характер стержневого компонента фразеологизма и его синтаксическую функцию. С учетом этого он выделяет 7 групп фразеологизмов: глагольные, субстантивные, наречные, адъективные, междометные, модальные и союзные. Ученый подчёркивает, что наличие у ФЕ присущих той или иной части речи форм зависит от степени семантической слитности фразеологизма: «наблюдается минимальная изменяемость во фразеологических сращениях и максимальная в сочетаниях и выражениях» [126, с. 54].

В. П. Жуков считает необходимым учитывать 4 основных критерия: способ выражения грамматически господствующего компонента, синтаксическую функцию, семантические особенности и сочетательные способности фразеологизма [37, с. 263]. Он же говорит и о необходимости использования метода развёрнутых избыточных толкований, «с помощью которых определяется мера сближения фразеологизма с той или иной частью речи. При этом объяснительная часть подвергается тщательной лингвистической обработке» [37, с. 263]. Автором выделяются следующие разряды: глагольные, наречные, субстантивные, адъективные, междометные, категории состояния

и ФЕ, употребляющиеся в значении вводных слов и сочетаний. В. П. Жуков упоминает и о возможной категориальной полисемии, когда один и тот же фразеологизм может быть соотнесен с несколькими частями речи.

Отличительной чертой классификации, предложенной А. В. Куниным [57, с. 125–176], является деление фразеологизмов на классы, в основе которого – принадлежность единицы к номинативному либо коммуникативному инструментарию языка. К классу А учёный относит номинативные фразеологические единицы (субстантивные, адъективные, адвербиальные и предложные). Класс Б – это глагольные фразеологизмы, имеющие как номинативный, так и номинативно-коммуникативный характер. К классу В относятся междометные и модальные фразеологические единицы. В отдельный класс (класс Г) выделяются коммуникативные фразеологические единицы, имеющие структуру предложения.

По мнению Н. Ф. Алефиренко, фразеологизмы «образуют семантико-грамматические разряды, не всегда совпадающие с лексико-грамматическими категориями слов, но имеющие с ними определённое сходство. Своёобразие семантико-грамматической категоризации фразем обуславливается спецификой их фразеологического значения и синтаксической специализацией, а также морфологическими свойствами слов, вошедших в компонентный состав фраземы» [3, с. 113–114]. Учёным выделяются следующие семантико-грамматические разряды: субстантивные, адъективные, глагольные, адвербиальные, интеръективные. Отдельно подчёркивается существование незначительного количества фразем, соотносимых с местоимениями и числительными.

Опираясь на три основных критерия (семантический, морфологический, синтаксический), И. Я. Лепешев [68, с. 99–140] относит фразеологизмы белорусского языка к таким типам, как субстантивные, глагольные, наречные, адъективные, междометные и модальные с оговоркой, что не все ФЕ могут быть соотнесены с частями речи. Учёный упоминает и о возможности выделения фразеологизмов, которые соотносятся с числительными, предлогами, союзами, частицами, однако их количество невелико, поэтому они не подвергаются подробному рассмотрению.

Существующие противоречия в частеречной классификации фразеологизмов (неодинаковое количество выделяемых классов, различные критерии классификации, невозможность классифицировать отдельные фразеологизмы, явление категориальной полисемии) приводят к тому, что не все исследователи признают данный подход. Так, например, А. М. Эмирова считает, что «традиционная классификация частей речи на материале фразеологии “не работает”: она не способна корректно и непротиворечиво верифицировать такой языковой материал» [130, с. 211]. Она предлагает использовать коммуникативно-прагматический подход, что позволит учитывать интенции говорящего и их отражение в функционировании фразеологизмов в речи. Основываясь на данном подходе, А. М. Эмирова

выделяет идентифицирующие, предикатные (признаковые) и собственно прагматические фразеологические единицы. Однако, характеризуя данные классы, учёный так или иначе пользуется традиционной классификацией: к идентифицирующим, например, она относит субстантивные фразеологизмы, а к собственно прагматическим – модальные и междометные.

Профессор А. М. Чепасова в своей работе «Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов» [122, с. 5–33] выделяет и описывает три группы фразеологизмов: номинативные (предметные, призначные, процессуальные, количественные и качественно-обстоятельственные), грамматические (фразеологические предлоги, союзы, частицы), модальные. Данная классификация последовательно используется в трудах В. А. Лебединской [64; 65], Н. Б. Усачевой [118], А. А. Чепуренко [124] и других представителей Челябинской фразеологической школы.

Все приведённые выше классификации касаются тех единиц, которые прочно заняли своё место во фразеологическом фонде языка. Очевидно, что вопрос о возможности соотнесения фразеологических единиц с частями речи на материале традиционной фразеологии является хорошо разработанным. Представляет интерес исследование новой фразеологии в данном направлении.

Вслед за И. Я. Лепешевым, для анализа соотнесённости НФ с определённой частью речи мы используем три показателя:

- 1) семантический, учитывающий значение НФ;
- 2) морфологический (рассматриваются грамматические категории, присущие НФ);
- 3) синтаксический (роль НФ в предложении).

Данные показатели применяются нами в комплексе, что позволяет избежать ошибочных выводов. Рассмотрим их применение на примере НФ *бацькоўскі кантроль*.

Усё больш татаў і мам схіляюцца да неабходнасці ўстаноўкі «бацькоўскага кантролю» – спецыяльных праграм, якія фільтруюць небяспечную, шкодную «дарослую» інфармацыю (Звезда, 29.08.2019).

Ключевым грамматическим компонентом является субстантивная лексема *кантроль*, имеющая обобщённое значение предметности, что характерно для существительных. Изменение данной лексемы по парадигматическим формам влияет на форму фразеологизма в целом. В приведённом примере НФ используется в форме единственного числа, родительного падежа, мужского рода. В предложении НФ является дополнением (необходимости установки чего? *бацькоўскага кантролю*). Синтаксическая функция наряду с семантическими и парадигматическими характеристиками позволяет утверждать, что НФ *бацькоўскі кантроль* является субстантивной.

Руководствуясь тремя описанными выше показателями, мы проанализировали НФ из собственной картотеки. Результаты анализа отражены в таблице 3.1.

Таблица 3.1 – Частеречная отнесённость НФ русского и белорусского языков

	НФ русского языка	НФ белорусского языка
Субстантивные	54,3 %	56,4 %
Глагольные	37 %	30,4 %
Наречные	5 %	6,6 %
Предикативные	2 %	5 %
Междоментные	0,3 %	0,8 %
Адъективные	1,4 %	0,8 %
	100 %	100 %

Как свидетельствуют полученные результаты, подавляющее большинство НФ обоих языков являются субстантивными, вторая по численности группа – глагольные НФ, присутствует незначительное количество наречных, предикативных, адъективных и междоментных НФ. Рассмотрим проявление категориальных признаков двух наиболее широко представленных групп (субстантивных и глагольных НФ).

3.2 Субстантивные неофраземы

3.2.1 Лексико-грамматические особенности субстантивных неофразем

Общее категориальное значение субстантивных НФ – предметность. Определяя её, А. М. Пешковский уделял особое внимание вопросам *кто? что?*, задаваемым к субстантивам: «Есть два слова в нашем языке, которые прекрасно выражают это общее значение предметности. <...> Когда мы спрашиваем *кто* или *что*, мы не называем никакого предмета..., а только показываем своим вопросом, что то, о чем мы спрашиваем, нам представляется как предмет, а не как качество или действие. Значит, в этих словах выступают не сами предметы, а как бы одна чистая предметность, чистая “существительность”, это идеальные существительные. Потому-то вопросы *кто, что, кого, чего* и т. д. и служат в школе мерками существительности» [88, с. 73].

Категория предметности определяется категориями рода, падежа, числа, одушевлённости / неодушевлённости. Так, *вузкае месца* – неодушевлённая НФ со значением среднего рода, единственного числа, которая изменяется по всем падежным формам, т. е. имеет полную парадигму, что свойственно не всем НФ. Например, *адкрыты мікрафон, аператыўная памяць, кар’ерны лунатызм, накаленне гугл, стеклянный потолок, эффект канарейки* не имеют формы множественного числа, а *офісныя рукі, вочы панды, святочныя кілаграмы, вежливые люди, жёлтые жилеты* не используются в единственном числе.

Основная масса НФ (87 % в русском и 92,6 % в белорусском языке) имеет значение неодушевлённости и охватывает самые разные явления

действительности, которые с трудом поддаются рубрикации, поскольку разнородны по своей сути.

Среди них, например, использование сети Интернет (*асабісты кабінет, сеціўная кома, цифровая диета*), внешность человека (*вочы панды, пакаленне XL, офісныя рукі, дызайнерскія дэты, уколы красоты*), внедрение новых технологий (*мабільны памочнік, умны дом, тонкі кліент, майнінговая ферма*), торговля (*перыяд ахалоджвання, зніжкі па-беларуску, торгавцы надзеждой, слепыя поўпкі, тайны поўпатель*), экологическое движение (*зелёная парковка, зялёная карта*), решение общественных проблем (*крызісны пакой, тихая касса, копилка добра*), работа и занятость (*кар’ерная рашотка, кар’ерны лунатызм, муж на час, стеклянный потолок / шкляная стоў*), экономика (*налог / падатак на Google, чёрный лебедь*) и др.

Все НФ со значением одушевлённости описывают только человека (*салдаты харчовай бяспекі, плюшавыя хлопцы, таемны пакупнік / тайны поўпатель, торгавцы надзеждой, хромая утка, прихожане на колёсках, мёртвы ходок*).

Поскольку НФ – единицы вторичной номинации, во время семантических преобразований их компоненты-лексеммы могут принимать значение одушевлённости / неодушевлённости, отличающееся от первоначального:

1) Тэорыя “*чорнага лебедзя*” названага аўтара набыла асабліваю папулярнасць падчас сусветнага фінансавага крызісу 2007–2008 гадоў і з’явілася яго сапраўдным адлюстраваннем (СБ, 01.12.2017);

2) На выставке учебным заведениям впервые предложили такую современную альтернативу устаревшей технике для информатики, так называемые *тонкие клиенты*. Что это такое? Облегчённые версии компьютеров белорусского производства без жёстких дисков, вся информация и программы для которых размещены в облаке (СБ, 06.12.2018).

В прямом значении сочетание *чорны лебедзь* характеризуется одушевлённостью, обозначает птицу, живое существо. Фразеологическое же значение ‘неожиданные события, имеющие критически важные последствия’ в результате полного переосмысления сочетания приобрело категорию неодушевлённости. *Клиент* – это традиционно человек, пользующийся к.-л. услугами. НФ *тонкий клиент* в результате переосмысления значения свободного словосочетания развила значение неодушевлённости и употребляется для обозначения техники.

Среди одушевлённых НФ преобладают единицы с грамматическим значением мужского рода: *офісны прывід, смеццевы турыст, тайны поўпатель, політычэскі бройлер, мёртвы френд* (84,2 % в рус. яз. и 66,7 % в бел. яз.). Следует отметить, что не во всех случаях отнесённость НФ к определённому роду совпадает с половой характеристикой личности, описываемой ею. Так, например, НФ женского рода *хромая утка* может описывать лицо как женского, так и мужского пола, *салдатам харчовай бяспекі* или *мёртвым ходоком* также может быть как мужчина, так и женщина.

Среди НФ, характеризующихся неодушевлённостью, категория рода представлена следующим образом:

- 1) НФ мужского рода – 46,6 % (бел.) / 48,7 % (рус.);
- 2) НФ женского рода – 35,6 % (бел.) / 36 % (рус.);
- 3) НФ среднего рода – 17,8 % (бел.) / 15,3 % (рус.).

Форму единственного и множественного числа имеют порядка 46,5 % исследуемых НФ русского языка и 50 % белорусскоязычных единиц. НФ *singularia tantum* составляют 47 % в рус. яз. и 43,5 % в бел. яз. (*пластмассовая культура, эффект Гугл, потребительский терроризм, социальный капитал, средняя температура*). У НФ *pluralia tantum* (6,5 % в рус. яз. и 6,5 % в бел. яз.) категория рода не определяется: *офісныя рукі, вочы панды, жёлтые жилеты, вежливые люди*.

Специфика проявления категории падежа в НФ объясняется самой природой этих единиц, поскольку «фразеологизм при образовании любым способом оказывается языковой единицей, по природе своей противоречивой – внешне раздельнооформленной, состоящей из компонентов словного характера, внутренне содержательно цельной, выражающей одно понятие» [121, с. 33].

Во-первых, внутри НФ между её компонентами существуют определённые отношения, которые отражаются флексиями: «значение предметности создаётся уже определёнными флексиями склонения, и притом часто не отдельной флексией, а целой системой их» [88, с. 63]. Это в первую очередь присуще НФ, в структуру которых входят несколько существительных, предлоги. Приведём примеры: *салдат харчовай бяспекі, вірус аглядальніка, падатак на Google, вочы панды, бокс бяспекі, прыжок в бездну, прихожане на колёсиках, донор безопасности*.

В результате анализа падежных форм, применяемых для связи компонентов субстантивных НФ, можно сделать вывод о распространённости их использования. Наиболее распространённой является форма родительного падежа (*копилка добра, сетка благополучия, уколы красоты, бокс бяспекі, каралева стала*).

Во-вторых, как цельная единица НФ согласуется с другими членами предложения и приобретает падежные окончания, необходимые для передачи смысла всего высказывания. Формы сочетаний слов «так же мощно (если не более мощно) участвуют в выражении предметности, как и формы слов» [88, с. 64].

Мы не надта смяшаліся, перш-наперш правялі «генеральную рэпетыцыю» – завялі сабаку (Звезда, 28.06.2018).

НФ *генеральная рэпетыцыя* подчиняется глагольному управлению *правялі (што?)* и употребляется в форме винительного падежа, причём падежные флексии приобретают и адъективный, и субстантивный компоненты.

Итак, НФ, соотносимые с существительным (субстантивные), представляют собой самый многочисленный класс НФ. Как и существительные, они имеют категории рода, числа, падежа, одушевлённости / неодушевлённости.

Однако проявление этих категорий в НФ имеет свои отличительные особенности, обусловленные семантическими и структурными характеристиками новых фразеологических единиц.

3.2.2 Структурные особенности субстантивных неофразем

Среди субстантивных НФ выделяются следующие структурные типы:

- 1) прилагательное + существительное;
- 2) существительное в именительном падеже + (предлог) + существительное в косвенном падеже;
- 3) существительное + прилагательное + существительное;
- 4) существительное + другие части речи.

НФ первого типа, имеющие структуру атрибутивно-именного словосочетания, составляют большинство анализируемого материала (по 70,5 % в рус. и бел. яз.). Компоненты-прилагательные, входящие в состав НФ данной группы, преимущественно относятся к разряду качественных и относительных (*стеклянный потолок, м'яккія навькі*), отмечены также два притяжательных прилагательных (*девичья кнопка, Государево око*). Однако разряд как постоянный морфологический признак, присущий прилагательному в его прямом значении, не всегда соответствует разряду этого же прилагательного, являющегося компонентом НФ. Значение компонента в ней подчиняется общему значению фразеологической единицы. Так, например, качественное прилагательное *зялёны*, которое в прямом значении описывает цвет, в НФ *зялёная карта* не имеет тех отличительных черт, которые позволяют отнести его к разряду качественных.

Дзейнічаць на такім жа прынцыпе раец і ў Цэнтры экалагічных рашэнняў, супрацоўнікі якога распрацавалі «Зялёную карту» (на ёй адзначаны пункты прыёму адходаў), а таксама спецыяльныя брашурны «Як правільна сартаваць смецце» (Звезда, 18.01.2018).

Очевидно, что слова-компоненты НФ лишаются своего первоначального значения, переосмысливаются, чтобы дать название новому понятию. Поэтому и утрачиваются некоторые свойственные им характеристики. *Зялёны* в НФ уже не образует степеней сравнения, не допускает использования уменьшительно-ласкательных суффиксов (нельзя сказать *зялёнькая карта*), не сочетается с наречиями меры и степени (невозможно употребление сочетания *вельмі зялёная карта*). Невозможна замена компонента *зялёны* другим колоративом – это приведёт к распаду НФ.

В НФ *сайдынговая эпоха* относительное прилагательное *сайдынговая* в результате метафорического переноса обозначает не материал, а качества сайдинга – ненатуральность, неестественность, недолговечность: *Я захапляюся Воляй і яе сям'ёй. Гэтаксама, як і сваімі знаёмымі, якія ў нашу сайдынговую эпоху не купляюць фабрычныя гармонікі ды гуслі. А едуць у вёску ў пошуках аўтэнтчных або робяць іх самі* (Звезда, 25.07.2018).

Далее анализируя прилагательные, входящие в состав субстантивных неафразем со структурой “прилагательное + существительное”, возможно выделить некоторые из них, имеющие высокие фразеобразующие потенции. Так, для отражения новейших тенденций в развитии современного общества широко применяемыми стали лексемы *інфармацыйны / інформацыйны, лічбавы / цифровой, электронны / электронный, зялёны / зелёный*.

В связи со стремительным темпом цифровизации новые компьютерные технологии используются не только специалистами, но и огромным количеством людей в быту, что позволяет новым сочетаниям слов выходить за пределы терминологии и расширять фразеологию языка. НФ *цифровая диета, інформацыйны пузырь, інфармацыйны фаст-фуд* уже вошли в обиход благодаря массовой доступности интернет-технологий. Ежедневное упоминание новых сочетаний в СМИ также способствует тому, что эти понятия становятся понятными и не вызывают чувства чужеродности.

Компонент *зялёны / зелёный* также является чрезвычайно продуктивным, так как вопросы экологической направленности становятся всё более актуальными и волнуют сознательную часть населения. В результате попыток решения проблем, связанных с экологией, создаются конкретные проекты, а в ходе их реализации – НФ наподобие *зелёная парковка, зялёная асвета*. Это не случайно, поскольку прилагательное *зелёный* не только обозначает цвет, но и «повсеместно ассоциируется с жизнью растений (в более широком смысле с весной, молодостью, обновлением, свежестью, плодородием и надеждой); он получил новый мощный символический резонанс как современная эмблема экологии» [166].

Рассматривая субстантивные компоненты НФ, входящих в первую группу, следует отметить отсутствие среди них собственных имён. Во фразеологизмах «семантику имён собственных переносят на те образы, которые складываются в нашем сознании как определённые денотаты имён, переходя всецело в экстралингвистическую сферу и уходя от самой сущности семантики» [111, с. 255]. В новых фразеологических единицах собственные существительные не употребляются, возможно потому, что не сложились еще обобщённые культурные стереотипы, связанные с современной действительностью, которые позволили бы отойти от прямого значения имён и переосмыслить их так, чтобы они использовались для отражения значимых для человеческого общества качеств.

Далее, 76 % (бел.) / 79 % (рус.) существительных из НФ первого типа являются конкретными (*смеццевы турыст, таемны пакупнік, асабісты кабінет, разумны горад, крызісны пакой, дорожная карта, політычэскі бройлер*), остальные же 24 % (бел.) / 21 % рус.) – абстрактные (*усенагоднае сяброўства, цифровой амнезия, сацыяльны каннібалізм, гардеробнае поведзенне*). Но семантические изменения, происходящие с компонентами НФ, влияют и на их типичные характеристики. Так, существительное в НФ *кар’ерная рашотка* конкретное, однако НФ имеет обобщённое абстрактное значение. *Бікіні* – это открытый женский купальник, конкретное существительное. НФ *пекінскае бікіні* приобретает значение

абстрактности: «*Выставить напоказ голый живот – то самое «пекинское бикини» – это же совсем другое дело, считают они. <...> Они наденут рубашку с длинным рукавом – чтобы закатать рукава в плечи, а саму рубашку – как можно выше. На обнажившийся живот, чаще всего мешком свисающий над ремнем, они не обращают внимания: ну вырос и вырос, значит, с питанием в стране так хорошо, как лет пятьдесят назад как раз и мечталось* (СБ, 03.08.2019).

Кроме того, можно добавить, что преобладающее большинство субстантивных компонентов (90 % бел. / 85 % рус.) характеризуются категорией неодушевлённости и описывают самые разнообразные явления действительности (*глянцевае жыццё, бирюзовая организация, перхотная дипломатия, холодный звонок*).

Гораздо менее многочисленным, чем первый, является второй структурный тип НФ (24,6 % рус. / 23,5 % бел.). К нему относятся такие НФ, как *перыяд ахалоджвання, эффект Гугл, падатак на Гугл, вочы панды, торговец надеждой, эффект канарейки, вброс на вентилятор* и др. Большая часть НФ этой группы имеет структуру «существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже», предлог не употребляется: *вірус каго? аглядальніка, бокс чаго? бяспекі, фабрыка каго? троллей, донор чаго? безапастанасці*.

Третий и четвёртый типы в совокупности по представленности составляют 4,9 % (рус.) / 6 % (бел.) от общего количества субстантивных неафразем. Сюда входят НФ, состоящие более чем из двух слов и потому не включённые в предыдущие группы (*закон аб дзвюх нагах, хвароба адкушанага яблыка, эффект чистого окна*,), а также те, в составе которых есть другие части речи, кроме существительных и прилагательных (*сыход па ўкраінску, зніжкі па-беларуску, пакаленне ні-ні*).

Обобщая сказанное, можно сделать несколько замечаний. Во-первых, наиболее распространённый структурный тип субстантивных НФ – адъективно-субстантивный. Эта конструкция позволяет не только назвать явление, но и сразу охарактеризовать его с помощью компонента-прилагательного. Во-вторых, компоненты новой фразеологической единицы имеют словный характер, однако в составе НФ частично или полностью утрачивают свои семантические и грамматические особенности, поскольку фразеологическое значение доминирует над значением отдельной лексемы.

3.3 Глагольные неофраземы

3.3.1 Лексико-грамматические особенности глагольных неофразем

Для описания и анализа характерных свойств глагольных НФ будем исходить из того, что основное значение глагола – действие, процесс, состояние; основные категориальные признаки – время, вид, наклонение, лицо; характерная функция в предложении – сказуемое, хотя инфинитив

может быть любым членом предложения. По мнению В. П. Жукова, фразеологизмы, соотносимые с глаголом, являются наиболее морфологически подвижными по сравнению с фразеологизмами, соотносимыми с другими частями речи [38, с. 36–40].

Рассмотрим проявление категориальных глагольных признаков НФ в предложении: *В этой ситуации только сильный мог остановить конфликт, найти компромисс, а не загонять стрелку тахометра в красную зону, доводя ситуацию до абсурда* (Онл., 24.05.2018).

Во-первых, НФ имеет характерное для глаголов значение процессуальности ('доводить состояние дел до критического'). Во-вторых, ключевой грамматический компонент НФ «загонять» является глаголом и характеризуется свойственными данной части речи категориями. Следовательно, и вся НФ как составная единица с целостным значением приобретает глагольные категории времени, наклонения, вида, лица и др. В приведённом примере НФ употребляется в начальной форме, однако вполне возможно варьирование форм её времени (*загоняю / загнал / загоню стрелку тахометра в красную зону*), вида (*загонять / загнать стрелку тахометра в красную зону*), лица (*я загоняю / ты загоняешь / он загоняет / вы загоняете и т. д. стрелку тахометра в красную зону*), рода (*он загнал / она загнала / оно загнало стрелку тахометра в красную зону*). Кроме изъявительного наклонения, НФ может быть употреблена в форме повелительного (*Не загоняй стрелку тахометра в красную зону!*) или сослагательного (*Он не загнал бы стрелку тахометра в красную зону, если бы смог сдержаться*) наклонений. В-третьих, синтаксическая функция НФ (часть составного сказуемого) также является типичной для глагола. Таким образом, по совокупности особенностей значения, грамматических и синтаксической функций представляется возможным говорить о соотношении НФ с глаголом.

Новые фразеологические единицы русского и белорусского языков из авторской картотеки были проанализированы с опорой на описанные выше критерии. В результате было выявлено, что 37 % (рус.) / 30,4 % (бел.) НФ являются глагольными, и по численности они уступают лишь неофраземам, соотносимым с существительными – 54,3 % (рус.) / 56,4 % (бел.). По нашему мнению, это связано с бурным ростом технологий и необходимостью, в первую очередь, экспрессивно-оценочного названия новых явлений действительности, так что наименование действий отходит на второй план. В связи с полученными результатами следует отметить, что в классической фразеологии, наоборот, глагольные фразеологизмы преобладают над субстантивными [38], [68], [117].

Подавляющее количество глагольных НФ (83,5 % рус. / 82 % бел.) описывают действия и процессы (*бить в рельс, есть кактус, открывать личико, уходить в поля, узараць няўдобіцу, браць тайм-аут, пракачваць скіл*), в то время как лишь 16,5 % (рус.) и 18 % (бел.) характеризуют разного рода состояния. Такое соотношение вполне ожидаемо, ведь «в категории глаголов

основным значением, конечно, является только действие, а вовсе не состояние», по утверждению Л. В. Щербы [129, с. 91].

Калі ішлі на тэлебачанне, не было боязі, што вашу працу будуць разглядаць пад мікраскопам, асабліва калегі (Звезда, 12.04.2018) ('тщательно исследовать, критически изучать').

Да, одна из причин – партнёр не заинтересован в сохранении отношений. И он, возможно, уже держит ногу в дверях (Онл., 18.05.2018) (состояние, описывающее готовность изменить сложившуюся ситуацию).

Так вот, я уверен: именно эти величавые люди с ножницами – те самые любители сиротской роскоши. Они виноваты в арках, прикрывающих бардак. Как-то совсем потеряли края в последнее время. Раньше умещались в рамках жилищ, кабинетов и каракулевых шапок, теперь особенно яростно полезли наружу (Онл., 01.11.2018) (о тех, кто не знает меры).

В качестве свободных сочетаний фраземы *держать ногу в дверях, потерять края* обозначают действия, а в процессе метафоризации их денотативные семы деактуализируются и на первый план выходят коннотативные семы, в результате чего изменяется и общее значение сочетания (действие → состояние).

Категория лица позволяет назвать производителя действия или того, кто переживает определённое состояние, причём упоминание самого деятеля не является необходимым, поскольку может акцентироваться лишь с помощью окончаний. Сравним:

Я ўжо адзін раз «злавіў зорку» – гэта было перад чэмпіянатам свету, – і там не змог трапіць у прызы ў асабістых спаборніцтвах (Звезда, 17.06.2020).

Збліжаем полюсы (подзаголовок, Звезда, 02.03.2017).

Если в первом случае субъект действия назван и форма глагола (1-е лицо, единственное число) согласуется с ним, то во втором случае субъект может быть определён по окончанию глагола (форма 1-го лица множественного числа). Отсутствие в предложении названия деятеля, как видим, не затрудняет понимания значения фраземы.

Большинство НФ из нашей картотеки имеет все личные формы, однако есть и те, которые в силу специфики своих компонентов или общего значения не употребляются в некоторых формах.

Так, НФ английского происхождения *фиксить баги* (*fix the bugs*), *сёрфить в интернете* (*surf the net*) содержат глаголы-варваризмы, употребление которых в форме 1-го лица единственного числа вряд ли приемлемо в литературном русском языке. НФ *идти через лунку* также не используется в данной форме, что обусловлено её семантикой ('о ситуации, в которой неосторожные действия могут привести к полному провалу'). Наиболее типичное её использование в данном случае – это глагол в форме 3-го лица: ... *однако это рыночное отношение и этот новый формат не идёт через «лунку» жизни* (СБ, 02.12.2018).

НФ *збліжаць полюсы, дыхаць адной тэмай* могут употребляться в форме любого лица, но только во множественном числе. Это также объясняется семантическими особенностями: НФ называют действия, в которых принимают участие как минимум две стороны: *Мы «дыхаем» адной тэмай. Я не ўяўляю, каб у мяне муж быў нейкай іншай спецыяльнасці – наўрад ці ён бы так мяне разумеў* (Звязда, 14.08.2020).

Категория вида характерна для всех НФ независимо от их формы. Видовое значение описывает развитие действия во времени как ограниченное или не ограниченное каким-то пределом, причём принадлежит не одному глаголу, а всей фраземе как единому целому. Следует учитывать, что «видовое формообразование фразем регулируется не столько видовой парадигмой грамматически стержневого глагольного компонента, сколько характером фразеологического значения, так как вид вообще, будучи общеглагольной категорией, тесно связан с семантикой» [3, с. 135]. Поэтому нередки случаи, когда глагол, употребляясь отдельно, обладает способностью к образованию видовых пар, однако в составе фраземы является одновидовым. Так, НФ *видеть края, есть кактус, биць на руках, дыхаць адной тэмай* имеют форму только несовершенного вида и обозначают процесс, не имеющий временного предела, однако попытки образовать форму совершенного вида неизбежно приводят к распаду фразеологического значения и образованию свободных словосочетаний: например, *видеть края* ‘знать меру’, но *увидеть края* – свободное словосочетание, компоненты которого употребляются в прямом значении и легко заменяются другими (*видеть / увидеть человека / нас / что-то необычное* и т. д.). «Это служит ещё одним доказательством, что видовое значение свойственно фраземе в целом, а не отдельному глагольному компоненту – её грамматическому центру, который в таких случаях следует квалифицировать как системообразующий, а не системоприсоединённый элемент фразеологического уровня языка» [3, с. 138].

В ходе анализа собранного материала было выявлено, что 70 % (рус.) и 73 % (бел.) исследуемых НФ образуют видовые пары:

Эти люди, и в этом их особенность, никогда не пытались приспособиться под политическую или какую-то иную конъюнктуру, «не ловили хайп», а были настоящими подвижниками искусства, послами мира и дружбы (СБ, 16.07.2021).

Хайп поймали, запостились – и все нормально, больше ничего не надо. (СБ, 27.11.2020).

По мнению Н. Ф. Алефиренко, на возможность образования видовых пар фразем влияют следующие факторы: 1) характер фраземообразующего взаимодействия морфологического и лексического уровней; 2) взаимодействие синтаксической модели с типом фразеологического значения; 3) характер соотношения видового значения и способа действия, манифестируемого фраземой [3, с. 138].

Для образования видовых пар используются следующие способы:

1) префиксальный – *рвать / порвать атмосферу, глядзець / паглядзець сваёй опыкай;*

2) суффиксальный – *открыть / открывать личико, отправить / отправлять в бан, выпадаць у асадак / выпасці ў асадак;* иногда наблюдается чередование суффиксов – *получать / получить плюшки, включаць / включыць мозг;*

3) супплетивный – *ловить / поймать хайп, уйти / уходить в поля.*

Некоторое количество НФ являются одновидовыми, т. е. не образуют пар, употребляясь в форме только одного вида.

Все НФ, которые используются только в форме несовершенного вида, обозначают процессы или состояния, не имеющие точного временного периода действия: *бить в рельс, бить по хвостам, гонять пустые бочки, носить диван на плечах, держать ногу в дверях, биць на руках, плаваць у глыбокай вадзе* и др.

НФ, имеющие только форму совершенного вида, напротив, обычно указывают на начало или конец, результат действия, на его единичность и акцентируют изменения в описываемой ситуации.

Сравним:

Местные живут своей жизнью, ходят на работу и носят на плечах диван после ее окончания (Онл., 26.09.2019).

Я очень не люблю... например, Гомель. Или любой другой областной город. Туда едет много пассажиров, которые «откусили минской булки» и сразу стали считать себя коренными жителями столицы. Едут-то домой, но понтов... (Онл., 05.01.2018).

Если в первом примере (несовершенный вид) описывается типичное, характерное, регулярно происходящее действие, то во втором (совершенный вид) НФ указывает на свершившийся факт и, как следствие, – видовая отнесённость фразем.

Категория времени тесно взаимосвязана с категорией вида. Глагольные компоненты несовершенного вида могут употребляться в настоящем, прошедшем и будущем времени, тогда как компоненты совершенного вида имеют формы только двух времен – прошедшего и будущего.

Настоящее время:

А все события и решения последних лет в сфере школьного образования – это «вопросы мнимой важности... общественность гоняет пустые бочки»? (СБ, 22.01.2018);

Калі распачынаем крымінальную справу – «б'ём на руках» дзялкоў, які зарваліся, на сутнасці, рэагуем на факт, які адбыўся (Звезда, 25.04.2018).

Прошедшее время:

До 17 лет я жил обычной спокойной жизнью в Слониме, а потом переключил рубильник (Онл., 20.04.2019);

Сябры, убачыўшы малага жывым (а яны ўжо і «развіталіся!»), што называецца, выпалі ў асадак... (Звезда, 26.07.2018).

Будущее время:

*Это ведь воздух, даже книга хоть как-то да живет, а вчерашняя статья уже завтра **осядет пылью** под ногами (СБ, 22.05.2020);*

*Калі ішлі на тэлебачанне, не было боязі, што вашу працу **будуць разглядаць над мікраскопам**, асабліва калегі, якія імат гадоў працуюць на тэлебачанні, і таксама хацелі б у кадр, але ўзялі вас? (Звязда, 12.04.2018).*

Возможность употребления временных форм зависит не только от вида глагола, но и от присутствия в семантике фраземы оценочного компонента. «Чем выше, ярче значение оценки в семантическом строе того или иного глагольного оборота, тем в меньшей степени такой фразеологизм подвержен морфологической изменяемости» [38], и наоборот.

НФ *есть кактус, затереть пятно на ковре, видеть края, тушить пожар бензином, трапичь над абстрэл, перавозіць наветра* имеют выраженное оценочное значение, характеризуются образностью и экспрессивностью. Эти свойства оказывают влияние на временную парадигму данных НФ: глагольные компоненты несовершенного вида в них не имеют форм будущего и прошедшего времени. А в настоящем времени эти образные выражения не столько описывают действия в широком смысле, сколько дают им характеристику и передают их оценку говорящим.

Вместе с тем, как показывает анализ, наибольшую употребимость в собранных нами контекстах на белорусском и русском языках имеют НФ с глаголом в форме инфинитива. Их количество составляет 55,7 % (рус.) и 41,5 % (бел.), в то время как НФ в настоящем времени было выявлено 18 % (рус.) и 31,7 % (бел.), в прошедшем времени – 22,7 % (рус.) и 19,5 % (бел.), в будущем – 3,6 % (рус.) и 7,3 % (бел.). Такое соотношение объясняется частотным употреблением НФ в качестве части составного глагольного сказуемого, где на форму времени указывают вспомогательные глаголы, или в роли подлежащего:

*Или, как упомянутые выше горе-бизнесмены, пытаются **словить хайп** и **нажиться на чужом горе**? (СБ, 21.02.2018).*

*Лічу, што цяпер лягчэй **пракачаць** свой **скіл** (уменне, майстэрства, навук – Аўт.) (Звязда, 05.12.2018).*

*Яны вучыліся **плаваць у глыбокай вадзе таму**, што не хацелі **расчароўваць сваіх вучняў**, а не таму, што **хтосьці іх прымушаў і кантраляваў** (Звязда, 25.05.2020).*

Категория наклонения описывает, как действие соотносится с действительностью. Оно может быть реальным (изъявительное наклонение), желательным, возможным (сослагательное наклонение), побуждать к чему-либо (повелительное наклонение).

Преимущественное большинство рассматриваемых нами НФ употреблено в форме изъявительного наклонения в настоящем, прошедшем и будущем времени. Были выявлены три НФ в повелительном наклонении либо

в значении повелительного наклонения (*выпусти своего волка, за имот адкажаш, ідзі лесам*). «В целом, возможности использования формы повелительного наклонения очень ограничены, и это объясняется прежде всего тем, что большинство глагольных фразеологизмов качественно характеризует во временных формах лицо или предмет, а повелительное наклонение не имеет форм времени и несовместимо с качественной характеристикой» [68, с. 125]. Форм условного наклонения обнаружено не было.

Теоретически семантика основной массы НФ допускает использование их в любом наклонении (*Переключи рубильник! Отправь его в бан! Калі б яны не сядзелі ў акопах, усё было б хутчэй*), однако результаты анализа неофразеологического материала показывают, что формы сослагательного и повелительного наклонений не являются широко востребованными. Данные факты свидетельствуют о том, что целью образования новых фразеологических единиц и их дальнейшей фразеологизации является отражение объективно существующей реальности.

3.3.2 Структурные особенности глагольных неофразем

С точки зрения структурной организации все глагольные НФ подразделяются на 3 неравнозначные группы:

- 1) глагол + существительное;
- 2) глагол + предлог + существительное;
- 3) глагол + наречие.

Первая группа является наиболее многочисленной. К ней относятся 60 % НФ русского языка и 64,4 % НФ белорусского языка. В её составе преобладают НФ типа «глагол + существительное в вин. п.» (70 % рус. / 79 % бел.): *потерять края, срывать стоп-кран, крутить ленту, нарасіць мускулатуру, збліжаць полюсы*, т.е. сочетания с переходным глаголом. К этой же группе мы относим НФ с расширенным компонентным составом, где общее значение фразеологической единицы раскрывается в том числе с помощью введения дополнительных компонентов (*загонять стрелку тахометра в красную зону, получить канарейку за копейку, цягнуць быка за вымя*).

Во второй группе (38,5 % рус. / 35,6 % бел.) употребляются как непереходные (*выходить из тике, попасть под волну, сядзец у акопах, разглядаць пад мікраскопам*), так и косвенно-переходные глаголы, дополнение при которых может употребляться с предлогом: *бить по хвостам, бить в рельс, біць па руках, залезці ў кішэню*.

Если компоненты НФ первых двух групп связаны с помощью глагольного управления, то в третьей группе используется другой вид подчинительной связи – примыкание. Данный способ образования фразеологических сочетаний не является продуктивным, лишь 1,5 % от общего числа НФ русского языка образованы с его помощью (*ходить ровно,*

проиграть всухую). В белорусскоязычном материале данная группа НФ не представлена.

Во всех рассматриваемых НФ глагол употребляется препозитивно, а остальные компоненты – в постпозиции (*снять заборы, срывать стоп-кран, гартаць стужку, сядзець у акопах*).

Структура простого словосочетания с двумя знаменательными словами-компонентами является наиболее распространённой в обоих языках (80 % рус. / 85 % бел.).

Обобщение результатов анализа собранного материала позволяет описать наиболее распространённый тип глагольных НФ. Во-первых, с точки зрения структуры – это сочетание «глагол + (предлог) + существительное». Во-вторых, что касается формообразования, это фразеологические единицы с полной парадигмой, образующие видовые пары, употребляющиеся преимущественно в изъявительном наклонении во всех временах. Неполная парадигма некоторой части НФ обусловлена их семантическими особенностями, в частности ролью оценочного компонента значения.

МГПУ им. И.П. Шамшуркина

ГЛАВА 4 СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА НЕОФРАЗЕМ

4.1 Тематико-идеографическая классификация неофразеологического материала

Фразеологизм как единица, возникшая в результате косвенной номинации, основывается на свободном сочетании лексем, употребляемых в их прямом значении. Данная особенность находит отражение в специфике фразеологического значения. «С одной стороны, фразеологическое значение характеризуется не прямым, а косвенным обозначением предметов и явлений действительности, а с другой – оно производно от своих фразеологических компонентов (лексических и грамматических)» [3, с. 50]. В структуре фразеологического значения традиционно выделяют три семемы: денотативную, сигнификативную, коннотативную. По мнению М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, следует различать первичные (Д1) и вторичные (Д2) семемы денотативного характера. Так, семема Д1 лежит в основе всей лексической системы, «осуществляя прямую связь с образами денотатов в мыслительной деятельности человека, замещая, манифестируя эти образы в процессе рождения мысли» [51, с. 51]. Первичная семема обозначает ту предметную ситуацию, которая называется свободным словосочетанием, прототипом НФ. Вторичная семема служит для обозначения новой, переосмысленной, ситуации, является основанием образности, которая, по меткому выражению В. Г. Гака, «есть совмещённое видение двух картин» [26, с. 110], первичной и переосмысленной денотативных ситуаций. Семема Д2 неразрывно связана с сигнификативным компонентом значения. «Фразеологический сигнификат представляет собой отражённую в сознании совокупность свойств соответствующей денотативной ситуации (денотата-2). В сигнификате фразеологического значения отражаются лишь некоторые субъективно выделяемые признаки (свойства) переосмысляемой ситуации, на основании которых и происходит “сближение двух картин” и, в конечном счёте, их “совмещённое видение”» [2, с. 262].

Двойная фразеологическая денотация обуславливает необходимость проведения двойной тематико-идеографической классификации, учитывающей:

- тематическую отнесённость переменного сочетания-прототипа НФ;
- понятийную отнесённость переосмысленного сочетания, самой НФ.

Тематико-идеографическая классификация НФ позволяет определить, какие сферы действительности легли в основу новой фразеологии, и проанализировать причины их повышенной фразеологической активности. В. М. Мокиенко считает, что «тематическая классификация фразеологизмов во многих случаях отражает их мотивировку и позволяет выявить комплекс конкретных представлений, которые породили особенные ассоциации мысли, отложившиеся во фразеологии» [77, с. 128].

Для проведения классификации по сфере-источнику происхождения НФ были установлены ключевые семантические компоненты прототипов НФ и определена сфера их тематической отнесённости. В результате были выделены следующие тематические группы:

1. Вода – *злавіць хвалю, бурбалкі на вадзе, хваля схлыне, плаваць у глыбокай вадзе, сойдёт / уляжэцца пена, заплываць за буйкі, пападаць под волну, опускаць на дно.*

2. Движение и транспорт – *ставіць на автопилот, браць крэн, злавіць паравоз, біць в рельс, впісацца в поворот, вызываць эканом, выходіць из пике, гоняць по кругу, заганяць стрелку тахометра в красную зону, зеленая парковка, інновацыйны ліфт, пераключыцца на низкія перадачы, раскачваць лодку, синдром водзіцеля аўтобуса, срываць стоп-кран, срывацца в пике, транспартны след, удар ніжэ ватерліній, взлётны режим, тормозной путь.*

3. Современные технологии и средства коммуникации – *аператыўная памяць / оперативная память, эфект Гугл, мабільны дадатак, падатак / налог на Google, ісці па першай спасылцы, у адным кліку мышкі, адным кліком / в один клик, Гугл в помощь, без рэгістрацыі і СМС, уйці в айты.*

4. Человек:

- *социальные роли – футбольная ўдава, таксічны халасцяк, таемны пакупнік, плюшавыя хлопцы, салдаты харчовай бяспекі, лічбавы мігрант, офісны муж, офісны прывід, донар бяспекі, тайны пакупатэль, тонкі кліент, торговец надзеждой, жалезныя браты, вежлівыя людзі, зялёныя чалавечкі, красны дырэктар, мёртвыя фрэндзы, мёртвы ходок, муж на час, портфельны інвестар, прихожане на колёсіках, лічбавы абарыген, мусорны турыст;*

- *внешность и анатомия – галасаваць нагамі, пунавіна не перасохла, нарасіць мускулатуру, офісныя рукі, лавіць нерв, грыжа на лыжы, біць па руках / біць по рукам, в ручном режиме, есці мозг, выкручваць рукі, ногамі зробана, адкрыць личіко, пераломіць через колена, дэргаць ногу в дзвярэх, перемакляж в полёте, поламаць рёбра, рукі из плеч, убрать жир;*

- *поведение, отношения, состояние – уключаць мозг, уключаць бландзінку, зялёныя пахаванні, глянцавае жыццё, дыхаць адной тэмай, гардеробное поведенье, іспанскі стыд, піпл хаваец, усталось от паролей, упадаць у ступар, ловіць хайп, перабутыцца в воздухе;*

- *физические и умственные способности – пракачваць скіл / прокачиваць скіл, мікрахвалёвае мысленне, мяккія навывкі, колхозны менталітэт;*

- *разница в поколениях – пакаленне гугл, пакаленне лайкаў, пакаленне вялікага пальца, пакаленне XL, пакаленне Reset, пакаленне text, пакаленне снежынок, пакаленне большаго пальца, пакаленне Ni-Ni, лічбавае пакаленне.*

5. Финансы и экономика, торговля, бизнес – *ціхая каса, зніжскі па-беларуску, мець дывідэндзы / бонусы, elevator speech, бірюзовая арганізацыя, адкатаць процэнт, атрымаць плюшкі / дывідэндзы, слепыя пакупкі, сорваць банк.*

6. Военные действия – *выбудоўваць лінію абароны, сядзець у акопах, прастрэльвацца з усіх бакоў, смеццевая вайна, бархатная акупацыя, бить в одну цель, ковровая бомбардировка.*

7. Пища – *інфармацыйны фаст-фуд, красная икра, масло на голове, мешать боб с горохом, откусить минской булки, пасхальное яйцо, полный фарш, превращать сметану в масло, резать лук, пить шампанское.*

8. Здания и сооружения, интерьер – *асабісты кабінет, прабіць сцяну, крызісны пакой / крзісная комната, жилищная лестница, ключ в замок, ключ ко всем дверям, попутать калитки, пробросить мельницей, снять заборы, срываться с петель, стеклянный потолок, умный дом, чистое окно, прильнуть к большому театру.*

9. Медицина – *хвароба адкушанага яблыка, фінансавае аздаравленне, сеціўная кома, кар’ерны лунатызм, сіндром святочнага сэрца, зеркальная болезнь, уколы красоты, хронический завтрит, чесночно-имбирный психоз.*

10. Орудия труда, механизмы, рабочий процесс – *шасцярэнькі круцяцца, падліць масла ў шасцярэнькі, в одном плуге, попасть в чёс, пройтись катком по ч.-л., сидеть на гвозде, включить рубильник, переключить рубильник, ломать предохранители.*

11. Общие отношения – *усепагоднае сяброўства, бацькоўскі кантроль, наказальная лупцоўка, смеццевая паліцыя, сустрэча без абцасаў, сярэбранае валанцёрства, тайговы саюз, пластмасавая культура, рэстаранны каталіцызм, кліматический экстремизм, перезагрузка отношений, перхотная дипломатия, принуждение к миру, потребительский терроризм / экстремизм, респираторный этикет, социальный каннибализм, телесный фашизм, углеродный шовинизм.*

12. Время – *10 сентября, сайдынговая эпоха.*

13. Пространство – *SOS-дзіцячая вёска / детская деревня, разумны горад, вузкае месца, втхивать квадрат в круг, красная линия / черта, потерять края, прыжок в бездну.*

14. Природный мир:

- *живая природа – чорны лебедзь, у рэжыме верблюда, вочы панды, тараканы ў галаве, бить по хвостам, выпускать волка, ехать на мёртвой лошади, политический бройлер, получают канарейку за копейку, раздавить бабочку, распустить цупальца, хромяя утка, эффект канарейки;*

- *неживая природа, география – (быць) ад зямлі, востраў бяспекі, збліжаць полюсы, мязотна-кантынентальны клімат, на лінії разлому, перавозіць наветра, разносіць у пыл, расхлёбваць бруд, дарожная карта, узараць няўдобицу, дать огня, есть кактус, идеальный шторм, прыгаты по кочкам, тектонические сдвиги, уезжать в закат, уходить в поля.*

15. Предметный мир, результат труда человека – *адкрыты мікрафон, жоўтыя камізэлькі, з кожнага праса, зверыць стрэлкі компаса, перадаць партфель, разумны кошук, белая кніга, вброс на вентилятор, гонять пустые бочки, ослаблять возжжи, ракетный ранец, умные часы.*

16. Спорт – *браць тайм аут (бел.), войти в клинч, идти через лунку, на грани фола.*

17. Физика, химия, математика – *выпадаць у асадак, опытка збілася, паглядзець сваёй опыкай, пакідаць па-за дужкамі, надаць імпульс, інфармацыйны вакуум, перыяд ахалоджвання, разглядаць пад мікраскопам, задача/уровень со звёздочкай, минус / плюс в карму, наўчыць жалезо плаваць, перазагрузка матрыцы.*

18. Игра – *пасьянс / пазл (не) складваецца, праігрываць всухую, ставка сыграла.*

19. Образ действия – *тэставы рэжым, у жывым фармаце, пілотная версія, в онлайн-режиме.*

Полученные результаты свидетельствуют о выраженном антропоцентризме новой фразеологии, в котором «эксплицитно провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с бытием человека» [49, с. 61]. Основой для фразеологического переосмысления чаще всего становится человек как индивид во всём многообразии своих проявлений и общество как коллектив, результат совместной деятельности, сосуществования индивидов. Тематическая группа «Человек» включает сочетания, компоненты которых называют части тела человека (*глаза, лицо, ноги, руки, рёбра, зубы, пуповина* и др.), описывают его характер, чувства и эмоциональное состояние, статус, способности, возрастные особенности – всё то, что без труда идентифицируется и интерпретируется человеком исходя из его опыта.

Особенность современного мира – повсеместное распространение новых информационных технологий, присутствие их во всех сферах жизнедеятельности человека до такой степени, что порой отсутствие интернета, сотовой связи может остановить все рабочие процессы. Современные технологии и средства коммуникации стали неотъемлемой частью жизни, и потому их роль в создании новой фразеологии возрастает. Ссылаясь на закон, сформулированный немецким лингвистом Г. Шпербером, В. Г. Гак писал: «Если в данное время какой-либо комплекс идей имеет большое значение в жизни данного общества и одно слово из этого круга идей изменило значение, то и другие слова того же семантического поля следуют за этим словом. С другой стороны, понятия этого комплекса идей постоянно притягивают к себе новые наименования» [26, с. 114]. Таким образом, рост НФ, материалом для которых становится лексика из сферы информационных технологий, вполне закономерен, и в соответствии с данными нашей классификации, количество лексем, относящихся к данной тематической группе, уступает лишь группе «Человек».

В основу тематико-идеографической классификации переосмысленных сочетаний, самих НФ, легла их понятийная отнесённость. По полученным данным, наиболее отчётливо прослеживаются 2 макрополя: «Человек» и «Действительность», в структуре которых выделяются группы более конкретного порядка. Результаты классификации приведены ниже.

Человек:

- внешность,
- карьера и занятость,
- индивидуальные свойства (возрастные, психологические, умственные),

- эмоциональное состояние,
- взаимоотношения,
- поведение.

Действительность:

- экономика, политика,
- торговля,
- информатизация, технологии,
- общественные отношения,
- банк, деньги, выгода,
- явления, события, процессы и их характеристика,
- экология.

Отнесение НФ к той или иной понятийной группе не всегда однозначно. В составе её значения зачастую присутствуют компоненты, позволяющие соотносить НФ с несколькими тематическими полями. НФ *плюшавыя хлопцы*, например, описывает внешность человека – это молодые мужчины с бородой, но коннотативный компонент значения НФ добавляет информацию о наличии у них определённых личностных качеств – пассивности, мягкости, нерешительности. НФ *helicopter parents / родители на вертолётке / бацькі-верталёты* относится не только к сфере родственных отношений, но и передаёт особенности поведения родителей, которые не упускают своих детей из вида, следят за их действиями, что позволяет провести аналогию с патрулированием военными территории на вертолётах.

По отношению к выделенным макрополям НФ русского и белорусского языков показали практически идентичную отнесённость: к сфере «Человек» относится 47,75 % НФ русского языка и 45 % белорусскоязычного материала. В отношении сферы «Действительность» соотношение составило 52,25 % и 55 % соответственно.

Количественная отнесённость НФ к тематическим группам в пределах макрополя «Действительность» отражена в таблице 4.1.

Таблица 4.1 – Процентное соотношение тематических групп макрополя «Действительность»

Название тематической группы	НФ русского языка	НФ белорусского языка
1. Информация, технологии	19 %	18 %
2. Явления, события, процессы и их характеристика	45 %	40 %
3. Экономика, политика	12 %	15 %
4. Торговля	1,5%	5 %
5. Общественные отношения	15,5 %	16 %
6. Экология	3,5 %	3 %
7. Деньги, выгода	3,5 %	3 %
	100 %	100 %

В макрополе «Действительность» наиболее рельефно выделяется группа «Явления, события, процессы и их характеристика» (45 % рус. и 40 % бел.). В неё включены НФ, тематическую отнесённость которых указать с точностью не представляется возможным, поскольку они используются для обозначения универсальных явлений, общих для всех сфер действительности, не привязанных к конкретному тематическому полю (*задача / уровень со звёздочкой, идеальный шторм, прыжок в бездну, удар ниже ватерлинии, тестовый режим* и др.). НФ *идеальный шторм / ідэальны шторм*, например, описывает обстоятельства происходящего: ‘совокупность неблагоприятных обстоятельств, приведших к обострению критической ситуации’:

Также надо понимать, что грядущий экономический кризис – это нечто экстраординарное. Подобного «комбо» или, как сейчас модно говорить, «идеального шторма» не случалось с начала 90-х (Онл., 23.03.2020).

Трагічныя падзеі ў “гарачых” пунктах планеты разносяцца сапраўдным рэхам бяды. Ідэальны шторм (подзаголовок) (СБ, 28.10.2016).

В данной группе чётко различаются две основные подгруппы:

1) НФ, называющие, идентифицирующие сами явления, события, процессы (*ковровая бомбардировка, тормозной путь, красная икра, пасхальное яйцо, дать огня, 10-е сентября, пазл складваецца, злавіць паравоз* и др.);

2) НФ, описывающие, как происходят эти явления, события, процессы, т. е. характеризующие их образ действия, способ протекания (*без регистрации и СМС, в два клика, в ручном режиме, в одном плуге, фоновый режим, на грани фола, на аўтапілоце, у рэжыме верблюда* и др.).

Группа «Информатизация и технологии» также широко представлена (19 % рус. и 18 %), что объяснимо эволюцией средств коммуникации и резким расширением использования информационных технологий, внедряемых во все области жизнедеятельности как отдельных индивидов, так и общества в целом. Познавая новую цифровую реальность, возможности использования новых приспособлений и приложений, человек называет всё новое, с чем имеет дело, описывает свой опыт, выражает оценку и даёт характеристику, стимулируя тем самым неологизацию лексики и фразеологии. Так, обилие доступной информации привело к необходимости соблюдения *цифровой гигиены / лічбавай гігіены*. Автоматизированные поисковые системы создают *информационные пузыри / інфармацыйныя пузыры* под запросы каждого конкретного пользователя, организуя систему фильтров для отбора интересующей его информации. На стыке понятий «Человек» и «Цифровизация» находятся НФ *цифровой абориген / иммигрант / кочевник* (рус.); *лічбавы абарыген / мігрант* (бел.). Все они описывают новый тип людей, возникший в результате повсеместного внедрения новых технологий:

Усе мы дзелімся на лічбавых мігрантаў і абарыгенаў. Першыя – гэта людзі больш сталага ўзросту, пасля сарака, якія не так даўно адкрылі для сябе інфармацыйныя тэхналогіі. А другія – новае пакаленне, якое нарадзілася са смартфонам у руках (Звезда, 03.01.2020).

Вместе с тем растущие масштабы рынка удаленки ведут за собой и новые вызовы. В частности, появился новый термин – «цифровые кочевники». Это те, кто работает удалённо, меняя при этом место жительства на экзотические страны (СБ, 02.08.2019).

Количественная отнесённость НФ к тематическим группам в пределах макрополя «Человек» отражена в таблице 4.2.

Таблица 4.2 – Процентное соотношение тематических групп макрополя «Человек»

Название тематической группы	НФ русского языка	НФ белорусского языка
1. Внешность	2 %	3 %
2. Карьера и занятость	8 %	9 %
3. Индивидуальные свойства	15 %	19 %
4. Состояние	18 %	16 %
5. Поведение	45 %	40,5 %
6. Взаимоотношения	12 %	12,5 %
	100 %	100 %

В макрополе «Человек» явно доминирует группа «Поведение», к которой относится 45 % (рус. яз.) / 40,5 % (бел. яз.) исследуемого материала. Понятие поведения является «ядерным в любой концептуальной картине мира», по мнению исследователя Л. И. Гришаевой [32, с. 24]. А наиболее адекватными средствами для его описания оказываются фразеологические единицы, «поскольку, будучи дискурсивными по своей семантике, они способны развернуть в динамике различные “сценарии” поведения и представить его как тип социального взаимодействия» [104, с. 1160]. В структуре понятия ‘поведение’ находит отражение информация об образе жизни человека, его отдельных поступках, действиях, осуществляется их оценка: «Поведение человека есть его взаимодействие с окружающей средой и самим собой. <...> Каждый поведенческий акт обусловлен совокупностью двигательных, эмоциональных и высших психических процессов личности, то есть транслирует идею единства бытия и сознания» [85, с. 22]. По мнению Н. В. Обидиной, «основными компонентами денотативного аспекта значения ФЕ о поведении являются: действие, способ его реализации, субъект и объект, воздействие, сравнение с другими людьми» [85, с. 11].

В исследуемом нами материале заметно выделяются НФ со значением «воздействие», причём воздействие не психологическое, интеллектуальное, а физическое, с применением силы. Данная особенность наиболее ярко проявляется на материале русского языка: *бить по рукам, мочить в сортире, переломить через колено, пробить фанеру, пробовать на зуб, порвать на тряпки, пробросить мельницей, пройтись катком, опустить на дно* и др. Информационная агрессивность, транслируемая посредством фразеологии, апеллирует к природе человека, создаёт напряжённый эмоциональный фон, вызывает повышенный интерес к содержанию статьи. Задача журналиста

по привлечению внимания читателей выполняется, однако общий создаваемый эффект от подобного рода эмоционально окрашенных единиц скорее негативен, даже деструктивен, поскольку не способствует созданию гармоничной личности, а, наоборот, постоянно поддерживаясь в СМИ, формирует негативное восприятие действительности, недовольство, раздражённость, агрессию.

Эмоциональное состояние человека также находит широкое отражение в неофразеологии. Н. С. Ильющенко утверждает, что всем фразеологическим единицам, характеризующим человека, органически присущ оценочный компонент значения [40, с. 143]. Е. Ф. Арсентьева объясняет это следующим образом: «Оценочный компонент, то есть одобрительная или неодобрительная оценка, заключенная в значении фразеологизма, является основным в коннотативном значении ФЕ в силу его социолингвистической природы. <...> Субъективно-оценочный элемент фразеологического значения может быть объяснён дифференцированной реакцией людей на положительные и отрицательные явления и является интегральным в семантической структуре ФЕ» [7, с. 40]. Проанализировав оценочный компонент значения НФ из тематической группы «Состояние», мы классифицировали НФ русского и белорусского языков в соответствии с передаваемой оценкой:

1) отрицательная (70 % рус. / 68,5 % бел.) – *сидеть на гвозде, есть кактус, испанский стыд, выученная беспомощность, выпустить волка, дахадзіць да кандыцыі, упадаць у ступар*;

2) положительная (10 % рус. / 10,5 % бел.) – *видеть края, пить шампанское, смотреть за край тарелки, включать мозг*;

3) нейтральная (20 % рус. / 21 % бел.) – *переключиться на низкие передачи, резать лук, держать ногу в дверях, тумблер шчоўкнуў*.

Как свидетельствуют полученные результаты, наблюдается явное преобладание НФ с отрицательной оценкой. По-видимому, внимание субъекта речи склонно фокусироваться на негативных явлениях, нетипичных реакциях, крайностях, а положительное считается нормой и потому не получает столь живого отражения в речи. Е. Г. Беляевская пишет: «Общая семантическая асимметрия фразеологической системы (сдвиг в сторону отрицательных значений) может быть объяснена более острой и дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых, т. е. резко отрицательных эмоциональных состояний, тенденцией к использованию готовых речевых форм и в том числе устойчивых словесных комплексов» [20, с. 62].

Отрицательной оценке подвергаются пассивность и нежелание предпринимать что-либо для исправления ситуации (*сидеть на гвозде, есть кактус, ехать на мёртвой лошади*), эмоциональная нестабильность (*потерять края, загонять стрелку тахометра в красную зону, заплывать за буйки, срываться с петель, зносіць дах*), слабость, подверженность негативному восприятию мира (*выученная беспомощность, чесночно-имбирный психоз*,

упадаць у ступар). Положительно оцениваются благоразумие и дальновидность (*уключаць мозг, видеть края, смотреть за край тарелки*).

Группа «Состояние» является второй по численности в русском языке, а в белорусскоязычном материале это место занимает группа «Индивидуальные свойства». Здесь преобладают НФ, подчёркивающие разницу между представителями разных возрастов, принадлежащих к разным поколениям: *пакаленне вялікага пальца, лічбавае / аналагавае пакаленне, пакаленне text, пакаленне гугл, пакаленне лайкаў, пакаленне RESET*. Столь пристальное внимание к данной области обусловлено, по нашему мнению, сменой технологического уклада, что привело к появлению у новых поколений способностей, умений, качеств, не присущих представителям старшего поколения, которые не были знакомы с возможностями цифровых технологий, мобильной телефонии и т. д. Следствие этого – акцент НФ на явных различиях поколений. Кроме того, в этой группе представлены НФ, описывающие особенности мышления и восприятия (*мяккія навькі, мікрахвалёвае мысленне, эфект Гугл (бел.), апэратыўная памяць, колхозны менталітэт*), черты характера (*хронічны завтріт, тараканы ў галаве*), физические способности (*рукі из плеч, прокачивать скилл / пракачваць скіл*).

НФ, описывающие занятость человека, – это зачастую перифразы, акцентирующие внимание на тех или иных аспектах деятельности. Так, *вежливые люди / зелёные человечки* – это военнослужащие в камуфляже зелёного цвета. *Салдаты харчовай бяспекі* – это работники сельского хозяйства, своим ежедневным трудом обеспечивающие продовольственную независимость страны. НФ *муж на час, антыкрызісны кіраўнік* дают представление о роде деятельности человека, о сфере его активности.

Особенности внешнего вида человека также нашли отражение в неофразаологии, причем их отличительная черта – наличие выраженной отрицательной коннотации. Привлекательная внешность, физическая развитость практически не являются объектом неономинии. Критической оценке подвергается наличие лишнего веса (*пекинское бикини, зеркальная болезнь, святочные кілаграмы*), стремление улучшить внешность с помощью технологий (*дизайнерские дети, уколы красоты*), внешность, не соответствующая ценностным ориентирам общества (*офісныя рукі, плюшавыя хлопцы, вочы панды*).

Сопоставительный анализ сфер-источников НФ и сфер их актуального применения показал, что между ними отсутствует прямая корреляция. Свободное словосочетание-прототип НФ возникает в сфере своей прямой денотативной отнесённости, а в результате переосмысления в большинстве случаев приобретает новые семы и, соответственно, изменяется сфера-реципиент. Так, например, сферы ‘вода’, ‘транспорт’, ‘пища’, ‘военные действия’ и др. являются богатыми источниками НФ, однако ни одно из зафиксированных нами переосмысленных сочетаний, связанных с ними, к этим сферам не относится. Первоначальные, исходные семы деактуализируются, и на передний план выходят потенциальные семы.

Бурбалкі на вадзе – это пузырьки воздуха в прямом значении, т. е. оболочка без содержания. В переосмысленном, фразеологическом значении актуализируется сема пустоты: НФ обозначает нечто незначительное, не стоящее внимания, не имеющее смысла (вода → явление): *Адукаваны, самадастатковы, проста разумны чалавек усё ўзважыць, прааналізуе і, урэшце, абавязкова зразумее, дзе праўда, а дзе – бурбалкі на вадзе* (Звязда, 07.06.2015).

Заплываць за буйкі – в прямом значении значит ‘заплывать дальше разрешённого’. Пребывание за буйками небезопасно, и человек сознательно подвергает себя опасности. В НФ данное значение расширяется так, что становится применимым к любой деятельности в смысле ‘пересекать границы дозволенного’ (вода → поведение): *«Абрамович, олигарх, сказаў, когда пасаділі Евтушенкова, олигарха, што тот заплыў за буйкі», – казалось бы, вот он, ответ* (СБ, 14.05.2020).

Кроме того, представляется возможным дать обобщённую характеристику сфер-источников и реципиентов НФ. Источниками НФ являются те сферы, которые в данный период времени актуальны для людей, проживающих на изучаемом пространстве. Если в Беларуси активно внедряется цифровизация всех областей жизнедеятельности, распространяются и становятся доступными всевозможные виды транспорта, то эти сферы оказываются объектом пристального внимания, и лексика, их называющая и характеризующая, входит в обиход и как следствие широкого хождения подвергается семантическим преобразованиям. А такие сферы, как пища, медицина, общественные отношения, качества человека, его поведение, внешность, взаимоотношения и др. традиционно близки человеку, являясь частью обыденной жизни. Итак, прототипы НФ появляются в сферах наиболее близких и понятных человеку, а сами НФ употребляются в сферах, вызывающих наибольший эмоциональный отклик, причем в процессе фразеологизации развивается преимущественно отрицательная оценочная коннотация.

4.2 Метафоризация как основной источник неофразеологии

Преобразование свободного сочетания слов во фразеологизм, развитие фразеологического значения, отличного от прямого значения переменного словосочетания-прототипа фразеологической единицы, происходит в результате семантических преобразований, появления новых компонентов значения, коннотаций. «Семантическое обновление наступает обычно в силу всё более вольного, переносного употребления: от конкретного значения к абстрактному, от частного случая к обобщению» [62, с. 143]. Основным механизмом развития вторичных значений, позволяющим провести аналогии между явлениями реальности и «вписать» в них добавочные смыслы,

является метафора. Она позволяет «обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы» [112]. Б. А. Ларин, наблюдая за закономерностями развития фразеологических единиц из переменных словосочетаний, делает вывод о том, что «самым существенным и решающим условием преобразования простого речения в идиоматическое было семантическое обогащение, называемое метафоризацией, сущность которого в расширении и обобщении значения в сторону образной типичности» [62, с. 145]. О продуктивности метафоры во фразеологии высказываются многие лингвисты. Н. Ф. Алефиренко утверждает: «Во фразеологии единодушно признано, что метафора – основной источник фразеологизации» [3, с. 164]. По мнению В. Н. Телия, «метафоризация является универсальным средством пополнения языкового инвентаря – как лексического, так и грамматического, формирующегося в процессах вторичной номинации ...» [112]. Как отмечает А. В. Кунин, «метафорическое переосмысление является самым распространённым видом переосмысления» [57, с. 75].

Популярность метафоры объясняется её практически ничем не ограниченными потенциями. Использование метафоры позволяет не только сопоставить явления, имеющие хотя бы одну схожую характеристику, но и показать общее у разнородных сущностей, провести аналогии между явлениями окружающей среды и абстрактными понятиями, назвать прежде не существовавшие объекты, выразив при этом их оценку и передав эмоциональное отношение. Дж. Лакофф и М. Джонсон, основатели теории концептуальной метафоры, считают, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причём не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична. <...> Метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека» [61, с. 25–27]. Таким образом, появление метафоры в языке лишь вторичное явление, проявление концептуальной мыслительной деятельности, являющейся результатом взаимодействия с окружающим миром и ответом на его стимулы.

Итак, придерживаясь теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, мы считаем, что появление метафор в языке и, в частности, фразеологизмов, основанных на метафорическом переносе значения, есть результат не столько потребности в них, сколько реализация особенностей мышления, в основе которых лежат мыслительные операции сопоставления, аналогии, синтеза нового знания. Данная идея выражена у Е. В. Сенько: «Метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее не обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковая» [100, с. 78]. Чем выше языковая компетенция говорящего, чем больше естественных видов опыта приобрёл человек в процессе жизнедеятельности, тем выше способность его мышления прибегать к концептуализации, выражающейся в повышенной метафоричности мышления и, как следствие, речи.

Суть когнитивной теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона заключается в идее о том, что «в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки знаний – фреймов и сценариев» [61, с. 9]. С помощью метафоры передаются существенные признаки одного вида в терминах, присущих другому виду, т. е. в ней пересекаются знания из разных концептуальных сфер. В зависимости от того, принадлежит метафора нашей обыденной понятийной системе или находится вне неё, учёные выделяют две большие группы метафор: конвенциональные (повседневное употребление языка) и образные / творческие (дают новое понимание имеющегося опыта). Конвенциональные метафоры подразделяются на следующие типы: 1) пространственные / ориентационные; 2) онтологические – порождены опытом обращения с материальными объектами (особенно с телом человека); 3) структурные – одно высокоструктурированное понятие используется для структурирования другого [61, с. 35–97].

Классификации метафор по различного рода основаниям предлагают В. Н. Телия [112] (выделяемые типы метафор – идентифицирующая, когнитивная, образная), Н. Д. Арутюнова [10, с. 366] (номинативная, образная, когнитивная, генерализующая метафоры), Г. Н. Скляревская (ассоциативная, синкретическая и мотивированная метафоры) [105, с. 29–64] и многие другие учёные. Весьма распространёнными являются классификации по тематической принадлежности метафоры, причём представляется возможным классифицировать её как по сфере-источнику метафоры, так и по сфере, к которой относится готовое переосмысленное образование (В. П. Москвин [80, с. 112–114], В. Д. Старичёнок [106, с. 20–132] и др.

Н. Ф. Алефиренко пишет, что метафора – лишь первый этап на пути к появлению фразеологизма. Второй этап – собственно фразеологизация, в ходе которой «возникают новые коннотативные и потенциальные семы, которые и определяют сущность фраземы как качественно новой номинативной единицы» [3, с. 171]. Результатом метафоризации являются многозначные слова / словосочетания, а фразеологизация приводит к появлению различных по семантике фразем.

Рассмотрим на примерах, как метафорическое переосмысление приводит к появлению НФ.

Выражение *снять седло* в своем прямом значении употребляется по отношению к лошадям. *Седло* – часть снаряжения для верховой езды, которое используется всадником для более удобной посадки на животном. На свободном, диком животном седла не может быть, его наличие – символ использования, эксплуатации лошади человеком в определённых целях. Когда седло снимают, это значит, что животное в данный момент больше не будут использовать для езды на нём, т. е. без седла оно становится относительно свободным.

Описанная ситуация стала основой для метафорического переосмысления и появления НФ *снять седло*. Дифференциальная сема ‘*освобождение от эксплуатации*’ актуализировалась в семантически преобразованном

выражении. Употребляемая по отношению к человеку, НФ приобрела значение 'освободиться от чьего-либо влияния, прекратить эксплуатацию кем-либо'. В статье о давлении матери на дочь, психологической зависимости ребенка от взрослого находим: *Да нет, седло можно и снять, но – тут психолог права – процесс небыстрый* (СБ, 06.03.2020).

На примере данной метафоры можно проследить, что с точки зрения различных классификаций «чётко отграничить один вид языковой метафоры от другого не всегда представляется возможным» [105, с. 48], или, как отмечает В. Н. Телия в отношении своей классификации, «можно выделить только сферы доминанции той или иной из ... функций» [112]. Так, с точки зрения классификации Г. Н. Складневской, данная метафора является мотивированной и ассоциативной: она базируется как на аналогии между жизнью животных и человеческими отношениями, так и на ясно понимаемом образе, лежащем в её основе. По классификации, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, рассматриваемая метафора имеет признаки всех трёх выделенных авторами типов. Во-первых, её можно отнести к пространственным по параметру «на поверхности – с поверхности». Седло находится на спине лошади, сидящий в нем располагается таким образом над животным, руководит им, направляет его. Переосмысление процесса снятия седла приводит к появлению добавочного значения 'избавление от ноши, груза, давления; освобождение от контроля'. Движение с поверхности здесь – уход от подконтрольного состояния. Во-вторых, метафора *снять седло* – онтологическая, она является следствием опыта взаимодействия человека с объектами окружающей среды. Разведение лошадей, их использование в ведении хозяйства, в спорте – давно укоренившаяся традиция, и даже в современном урбанистическом мире использование метафоры, основанной на знании особенностей этих животных, не представляет трудностей для интерпретации. В-третьих, данная метафора относится к структурному типу. Как пишут сами авторы классификации, «тенденция к структурированию наиболее отчётливо проявляется по отношению к менее конкретным и по сути более неопределённым концептам (таким, например, как эмоции), которые осмысляются в терминах более конкретных понятий, более ясно выделяющихся в нашем опыте» [61, с. 144]. Сфера межличностных отношений, весьма размытая и разносторонняя, структурируется в конкретных терминах «животного» происхождения, что облегчает понимание сказанного. Таким образом, по сфере-источнику данная метафора – зооморфная, по сфере прибытия – антропоморфная.

Помимо переосмысления значения свободного словосочетания-прототипа НФ, её характерной особенностью является развитие коннотаций. Что касается обсуждаемой единицы, можно говорить о присутствии в структуре её значения национально-культурного и эмоционально-оценочных компонентов. Проявление особенностей нации в первую очередь связано именно с выбором животного для сопоставления его с человеческими ощущениями. На протяжении многих веков славяне занимались преиму-

шественно сельским хозяйством и наличие лошади было необходимостью для обработки земель. На лошадях перевозили грузы, передвигались на большие расстояния. Поэтому особенности поведения этих животных, их снаряжение были знакомы многим, причём эта информация хранится и в памяти народа как часть его культурного кода. Именно символ лошади как спутника и помощника человека является богатым источником метафоры и в наше время. Исследованию метафорического образа коня / лошади посвящена работа Н. А. Илюхиной [41]. Автор описывает семантический потенциал данного образа с опорой на компоненты его структуры (человек, животное, снаряжение) и доказывает, что образ коня является эффективным средством метафорической интерпретации внутреннего состояния человека.

Помимо выражения *снять седло*, были зафиксированы другие НФ, происхождение которых отсылает к теме лошадей (*ехать на мёртвой лошади, гонять по кругу*).

Зооморфной является и метафора, на которой основана НФ *у рэжыме вярблюда*. Верблюд, как известно, выносливое животное. Оно может жить в неблагоприятных условиях, переносить жару и холод, обходиться без воды и еды в течение продолжительного времени. Организм верблюда устроен так, что он способен получать воду из жира, накопленного в горбах, ступать на раскалённый песок и опускаться на него мозолистой кожей колен. Сема выносливости, приспособленности к сложным условиям существования стала доминирующей в новом выражении: *Між тым яе каманда пачала працаваць у рэжыме вярблюда: скарацілі арэндныя плошчы, перагледзелі ўсе выдаткі, шукаюць новыя кірункі работы і пастаянна генеруюць самыя неверагодныя ідэі* (Звезда, 05.05.2020).

На примере данной метафоры можно проследить, что выбор основания для проведения аналогии не всегда предсказуем. В семантической структуре лексемы *верблюд* выделяются следующие семы:

- животное;
- используется человеком;
- перевозит грузы;
- перевозит людей;
- ходит в караване;
- живёт в пустыне (его называют кораблём пустыни);
- ест колючки;
- есть горб;
- неприхотлив и вынослив;
- жуёт жвачку.

В НФ, основанной на зооморфной метафоре, прослеживаются следующие компоненты значения:

- выносливость;
- напряжённая работа в трудных условиях;
- экономия ресурсов;
- поиск ресурсов.

Для выражения прагматических интенций автора метафоры решающей становится именно сема выносливости. Выносливыми являются и другие животные (примером могут служить лошадь, осёл, вол и др.) Однако именно верблюд при этом живёт и трудится в тяжело переносимых условиях окружающей среды (пустыня, жара, холод).

Таким образом, в процессе фразеомобразования происходит перестройка семной структуры и доминирующими становятся дифференциальные семы лексемы-прототипа, причём их выбор зависит как от коммуникативных стратегий говорящего, так и от общего уровня его эрудиции: «допущение на основе принципа фиктивности гипотетического подобия раскрепощает творца метафоры, и он переходит на тот уровень соизмерения нового и уже известного, где возможными оказываются любое сопоставление и любая аналогия, соответствующие представлению о действительности в личностном тезаурусе носителя языка» [112].

По классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора *у рэжыме вярблюда* – онтологическая, отражающая опыт взаимодействия человека с объектами действительности. Знание особенностей животных позволяет проводить аналогии между некоторыми их свойствами и другими объектами или жизненными ситуациями.

С одной стороны, *у рэжыме вярблюда* – метафора идентифицирующая (по В. Н. Телия), или номинативная (по Н. Д. Арутюновой). «Спецификой этого типа метафоры является сходство её обозначаемого и того образа, который становится внутренней формой метафорического значения» [112]. С другой стороны, она не только идентифицирует, называет понятие, но и приводит к появлению нового, абстрактного, значения, что характерно для когнитивной метафоры (в классификации упомянутых авторов).

Большинство НФ полифункциональны: помимо номинативной функции имеют характеризующую, оценочную, экспрессивную и др. функции, т. е. являются одновременно идентифицирующими, когнитивными, образными метафорами в своей первооснове. Однозначно определить тип метафоры, лежащей в основе каждой отдельной НФ, представляется затруднительным. С этой точки зрения классификация Дж. Лакоффа и М. Джонсона представляется нам более удобной и иллюстративной, поскольку даёт возможность в общих чертах представить те сферы естественного опыта общества, которые на данном этапе его развития наиболее метафорически насыщены, отражают особенности когнитивной деятельности современного человека.

Проанализировав НФ русского и белорусского языков, образованных в результате метафорического переноса, мы определили сферы доминирования типов метафоры по Дж. Лакоффу и М. Джонсону и получили следующие результаты:

- ориентационные метафоры – 18 %;
- онтологические метафоры – 58 %;
- структурные метафоры – 24 %.

Поскольку антропометричность – неотъемлемое свойство метафоры, ожидаемо, что преимущественное большинство метафор являются онтологическими, отражающими опыт человека во взаимодействии с окружающими объектами, в том числе частями тела (*носить диван на плечах, вброс на вентилятор, есть кактус, открывать личико, пасхальное яйцо, попутать калитки, убрать жир, злавіць паравоз, плюшавыя хлопцы, расхлёбваць бруд, перавозіць наветра* и др. Количество ориентационных метафор не столь значительно (*гонять по кругу, вписаться в поворот, втиснуть квадрат в круг, жилищная лестница, опустить на дно, попасть под волну, удар ниже ватерлинии, плаваць у глыбокай вадзе, збліжаць полюсы* и др.) Ориентация в пространстве, таким образом, менее востребована в метафорическом осмыслении мира, чем переосмысление материальных отношений. Современный человек – существо в большой степени практичное, ориентированное на потребление, и сфера осязаемого ему ближе и понятнее, нежели абстрактные сущности.

Что касается структурных метафор, то выделенное количество (24 %) отражает лишь те из них, где четко прослеживается принадлежность к понятию высшего порядка. Однако, по нашему мнению, любая метафора по сути своей структурна, т. е. является частью другого концепта, поскольку в языке нет изолированных компонентов. Ключевое свойство языка – его системность, и все части этой системы взаимосвязаны и взаимозависимы, в том числе находятся в отношениях гиперонимии и гипонимии. Приведём примеры структурных метафор и концептов, к которым они относятся:

- управление – это движение транспорта (*рабіць на аўтапілоце, узяць крэн, вписаться в поворот*);
- противостояние – это спорт (*войти в клинч*);
- образ жизни – это движение транспорта (*переключиться на низкие передачи*);
- обстоятельства – это море (*попасть под волну, хваля схлыне, плаваць у глыбокай вадзе, идеальный шторм*);
- обстоятельства – это птицы / животные (*черные лебеди, у рэжыме верблюда*);
- давление – это насилие (*поломать ребра, мочить в сортире, переломить через колено*);
- бессмысленность – это пустота (*гонять пустые бочки, перавозіць наветра*).

Рассмотренные выше классификации с учетом их неоднозначности не дают абсолютно достоверных результатов применимо к исследуемому материалу, а скорее описывают общую картину, дают представление об особенностях процесса метафоризации и функционировании полученных метафор. На наш взгляд, наиболее надежные результаты показывает классификация, в основе которой – мотивационная сфера метафоры. Исходя из её интерпретации, представляется возможным выделить те сферы действительности, которые имеют наибольшую значимость для современного

человека и, следовательно, являются основой для переосмысления и обла- дают повышенной метафорической производительностью.

Анализ метафор, на основе которых образованы подвергаемые исследованию НФ, позволил выделить следующие их типы:

1) транспортная – *вписываться в поворот, выходить из тике, загонять стрелку тахометра в красную зону, переключиться на низкие передачи, взлётный режим, срывать стоп-кран, бить в рельс, тормозной путь, ставить на автопилот, злавіць паравоз, браць крэн, на аўтапілоце, бацькі-верталёты / helicopter parents;*

2) анималистическая – *ехать на мёртвой лошади, распускать шупальца, снять седло, бить по хвостам, выпускать волка, хромя утка, вочы панды, у рэжыме верблюда;*

3) антропоморфная – *наращивать мускулы / нараціць мускулатуру, открывать личико, переломить через колено, ломать рёбра, выкручивать руки, бить по рукам / біць па руках, пупавіна не перасохла;*

4) пищевая – *есть кактус, красная икра, мешать боб с горохом, пасхальное яйцо, пить шампанское, пад іншым соусам, укідваць смажанае;*

5) компьютерная – *в ручном режиме, крутить ленту, сбой программы, оперативная память, ісці па першай спасылцы, у адным кліку;*

6) военная – *удар ниже ватерлинии, прастрэлявацца з усіх бакоў, выбудоўваць лінію абароны, сядзець у акопах;*

7) математическая – *пакідаць па-за дужкамі;*

8) физическая – *оптыка збілася, надаць імпульс, паглядзець сваёй оптыкай, перыяд ахалоджвання;*

9) сельскохозяйственная – *в одном плуге, узараць няўдобицу;*

10) спортивная – *входит в клинч, идти через лунку;*

11) игровая – *пазл складаваецца / пазл складваецца, пасьянс складваецца, ставка сыграла;*

12) метафора природных стихий – *попадать под волну, давать огня, плаваць у глыбокай вадзе, перавозіць паветра, лавіць хвалю, гуляе скразняк;*

13) географическая – *дорожная карта, тектонические сдвиги, идеальный шторм, збліжаць полюсы, зверыць стрэлкі компаса, на лініі разлому;*

14) пространственная – *узкое месца, потерять края, прыжок в бездну;*

15) предметная – *вброс на вентилятор;*

16) техническая – *переключать / включать рубильник, падліваць масла ў шасцярэнькі, тумблер шчоўкнуў.*

Самыми распространёнными типами метафор, по результатам анализа нашего материала, являются антропоморфная и транспортная. Доминирование антропоморфной метафоры объясняется антропометричностью метафоры как её базовой характеристикой. Человек – творец метафоры – соизмеряет сущее с тем, что ему наиболее знакомо и понятно. Собственное тело в данном отношении превосходит остальные предметные области. Широкое распространение транспортной метафоры как основы для обра-

зования фразем мотивировано особенностями современных реалий, которые характеризуются доступностью разнообразных видов транспорта, их стремительным развитием и быстрым ростом их количества. Кроме того, основное свойство транспорта – это движение, в котором отмечается множество возможных процессов – старт, набор скорости, движение на разных скоростях, переключение передач, торможение, остановка, нарушение или соблюдение правил дорожного движения, общение с сотрудниками ГАИ и другими водителями и т. д. Более того, сама машина – это сложный механизм, состоящий из множества частей, работа которых должна быть согласована. Машину нужно заправлять, обслуживать, ремонтировать, обновлять; она может служить показателем достатка, может использоваться для перевозки и пассажиров, и грузов. Таким образом, тема транспорта представляет из себя богатый материал для переосмысления и справедливо становится источником большого числа неометафор.

Итак, для исследования НФ, образованных в результате метафорического переосмысления исходного словосочетания, необходим комплексный анализ метафоры, учитывающий сферу её возникновения, когнитивные процессы, вызвавшие её к жизни, особенности номинирования и функционирования.

4.3 Роль метонимизации в появлении неофразем

Наряду с метафоризацией, одним из наиболее распространённых способов фразеомобразования является метонимизация. По определению выдающегося теоретика лингвистики А. А. Потебни, метонимия есть «всякое изображение или представление явления (вещи, действия и состояния, качества) в виде одного из его моментов, в том числе и в виде впечатления» [90, с. 247]. Данное определение конкретизировано Н. Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Метонимия – троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлечённости в одну ситуацию» [131, с. 300]. Л. Б. Савенкова подчёркивает, что на фразеологическом уровне метонимия выступает в виде специфического «фразеологического способа представления связей и отношений между предметами и явлениями действительности» [98, с. 7], причём, по замечанию О. А. Титовой, формирование фразеологического образа на основе метонимии является менее сложным процессом по сравнению с метафорой, поскольку «не затрагивает глубинной сущности исходного значения» [114, с. 163].

Анализируя фразеологические единицы, в которых перенос значения основан на метонимии, Ю. А. Гвоздарёв описал наиболее распространённые типы метонимического переноса:

1) называние неодушевлённых предметов по одному из несущественных признаков (*белый билет*);

2) называние человека по детали его одежды (*голубые мундиры*);

3) выражение внутреннего состояния человека путём называния внешнего, наблюдаемого признака, сопровождающего такое состояние (*делать большие глаза – удивляться*);

4) называние предмета, связанного с определённым временем в жизни человека или общества, для обозначения соответствующего времени (*до седых волос*);

5) характеристика человека через называние времени (*человек двадцатого числа*);

6) называние действия, основанного на символических действиях, национальных ритуалах (*выносить вперёд ногами – хоронить*);

7) называние впечатления вместо действия, признака, предмета, его вызывающего (*кошка между (кем-то) пробежала*) [29, с. 108–113].

А. А. Реформатский [96, с. 47–48] описал 12 типов метонимического переноса (одно в другом, одно на другом, материал – изделие, орудие – продукт, имя – изделие, место – историческое событие и др.). А. Х. Мерзлякова выделила 4 вида метонимий: каузальную, конверсивную, метонимию вторичного типа и синекдоху [72, с. 91–107]. Для устранения атомарности типов метонимического переноса и укрупнения ракурса их изучения Н. А. Илюхина опирается на категории когнитивной лингвистики и вводит понятия фреймового, пропозиционального и сценарного типов метонимии [42, с. 36–47].

Большое количество подходов к определению типов метонимических переносов производит впечатление чрезвычайного их многообразия, однако суть метонимии сводится к одной глобальной идее – представление объекта по одному из его признаков.

Рассмотрим новые фразеологические единицы, значение которых основано на метонимии.

Называние человека / группы людей по заметной детали одежды лежит в основе НФ *жёлтые жилеты / жоўтыя камізэлькі*. Жёлтыми жилетами называют протестующих во Франции, которые изначально выступали за снижение цен на топливо и, будучи автомобилистами, надевали светоотражающие жилеты жёлтого цвета, которые в соответствии с французским законодательством должны быть в каждой машине.

Закривці підприємстваў з-за акцый “жоўтых камізэлек” або іх аднаўленне пасля пагромаў прывяло да частковага беспрацоўя 75 тыс. работнікаў па ўсёй краіне (Звезда, 15.11.2019).

Значение НФ *зелёные человечки* ‘военнослужащие в униформе’ также обусловлено цветом обмундирования. Ю. А. Гвоздарёв отмечает, что выражения подобного рода часто закрепляются в языке, но существуют, как правило, недолго [29, с. 109]. Изменение формы, цвета одежды, затухание общественных процессов могут приводить к деактуализации подобных НФ.

А дальше, возвращаясь к потенциальной роли «зелёных человечков», Веллер моделирует два сценария развития ситуации, которые могут быть реализованы при их силовой поддержке (СБ, 04.08.2020).

Для называния людей также могут использоваться особенности их поведения (*вежливые люди, красный директор*) и внешности (*уклюжица, бландзінку*).

Метонимический перенос ‘действие → результат’ наблюдается в НФ *резать лук, вбрасывать / вброс на вентилятор*. Типичная ситуация, возникающая при нарезании лука, – появление слёз, поэтому возникает логичная ассоциация по связи: *резать лук – плакать*.

Вот в этом тексте комментаторы массово делают вид, что просто «режут лук». Здесь собраны случаи, когда читатели помогали другим читателям, попавшим в беду (Онл., 17.02.2020).

Лопастей вентилятора при работе вращаются с большой скоростью, при попадании на них вещество может быть разнесено по большой площади. Следовательно, *вбрасывать на вентилятор* – способствовать быстрому распространению чего-либо, преимущественно негативной информации.

Фейки в сети уже давно прозвали вбросами на вентилятор. Ведь всё точно так же – грязи ложка, а всем в пору вытираться (СБ, 13.03.2019).

НФ *эффект Гугл / Google, налог / падак на Гугл / Google, накаленные Гугл, эффект CNN* основаны на синекдохе – разновидности метонимии, состоящей в назывании общего через частное, или наоборот. Гугл здесь – частное от более общего понятия ‘интернет’, а CNN – частное от телевидения вообще.

Большасць дэпутатаў іспанскага парламента прагаласавала за прыняцце направак да закона аб інтэлектуальнай уласнасці, згодна з якімі інтэрнэт-карыстальнікі будуць павінны плаціць за кантэнт, знойдзены ў пошукавых сістэмах, паведамляе The Local. У Іспаніі гэты закон ужо назвалі “падаткам на Google” (Звезда, 01.11.2014).

Эффект Google. Пожалуй, это самая распространённая болезнь, потихоньку поразившая всех пользователей интернета, независимо от пола и возраста. Её симптомы – нежелание получать новые знания посредством посещения специализированных курсов или чтения умных книжек. Зачем? Ведь сегодня любая информация находится от нас на расстоянии всего пары кликов в Google (СБ, 26.10.2013).

Обратим внимание, что метонимические преобразования могут касаться как отдельных компонентов НФ (*падак на Гугл*), так и всего свободного словосочетания-прототипа НФ (*резать лук*).

Итак, метонимия является продуктивным средством образования новых фразеологических единиц. Называние предметов, процессов, людей по их отличительным признакам облегчает интерпретацию НФ: первичное и метонимически преобразованное значение имеют прямую легко выводимую логическую связь.

4.4 Аллюзия как основа для образования неофразем

Аллюзия как особый стилистический приём содержит намёк, скрытую или прямую отсылку к известным историческим, литературным, мифологическим фактам. «Основная цель аллюзии как стилистического приёма заключается в придании важности и аргументированности какому-либо сообщению через обращение к истории человечества, наиболее значимым культурным феноменам, в частности текстам», – утверждает Т. И. Ларина [63, с. 1].

Подобно другим тропам, аллюзия также способна становиться источником фразеомобразования. По мнению советского лингвиста И. Р. Гальперина, «аллюзии и цитаты становятся фразеологическим сочетанием только в том случае, если ... они соотносимы с теми произведениями, где они были использованы впервые. Иными словами, составные части свободного словосочетания в тексте, на который делается ссылка, становятся связанными, если они используются в другом контексте» [27, с. 176]. Таким образом, аллюзия становится средством создания межтекстовых связей и её понимание, интерпретация должны опираться на способность читателя определить источник аллюзии и соотнести её употребление с новым контекстом. «Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами, – писал философ и литературовед М. М. Бахтин. – Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперёд, приобщающий данный текст к диалогу» [18, с. 384]. Как подчёркивает И. Г. Потылицина, «полное декодирование аллюзии предполагает обязательную подключенность адресата к мировой культуре, его “интертекстуальную компетенцию”, позволяющую не только узнавать аллюзивную единицу, но и идентифицировать её содержательно-смысловое наполнение. В основе “интертекстуальной компетенции” лежат предварительные знания: совокупность сведений культурно-исторического и прагматического характера, составляющие фоновое знание, и связанный с ним вертикальный контекст» [92, с. 151].

Рассмотрим примеры новых фразеологических единиц, в основе которых лежит аллюзия.

«Белое солнце пустыни» – известный советский фильм, многие фразы из которого стали крылатыми. «Гюльчатай, открой личико!» – слова персонажа Петрухи из фильма, который был влюблён в девушку и хотел увидеть её лицо. В наше время выражение *открыть личико* распространилось в значении ‘зарегистрироваться, указать свои личные данные’. Аллюзия на известную фразу из кинофильма позволяет верно интерпретировать интенцию автора: *Напомним, уже начиная с этой субботы всем, кто пишет сообщения и комментарии на всевозможных белорусских форумах, придется «открыть личико»* (СБ, 28.11.2018).

«Песня про канарейку» А. Воропаева стала основой, к которой обращается автор фраземы *получить канарейку за копейку*:

*Эх, купить бы канарейку,
За копейку, за копейку,
Чтоб она почти не ела,
Только пела, пела, пела!
Ведь поет же соловей,
Задарма среди ночей
Наш российский, голосистый,
Голосистый соловей! ... [139].*

В стихотворении высмеивается желание получить что-либо, не прилагая усилий, не растрачивая физические и финансовые ресурсы. Именно это значение имеет НФ, возникшая в результате аллюзии на приведённые выше строки: *«Человечество должно освоить умение платить названную цену. И это касается не только оплаты вещей, но и оплаты труда, потому что, если работа пекаря стоит 50 рублей в день, не надо ставить его в такие условия, что он будет работать за 10. А я часто именно с этим и сталкиваюсь, с такой хитростью – как бы это **получить канарейку за копейку**»* (СБ, 24.08.2018).

Существуют НФ-аллюзии на притчи. Они являются средоточием смысла притчи, в нескольких словах передают её содержание и поучение. Притча о мышах, попавших в кувшин с молоком, стала основой НФ *превращать сметану в масло*: *Осознавая, как ужасен такой быт, я **превращала сметану в масло**, чтобы выбраться из горшка, сегодня моя семья живет иначе* (СБ, 28.09.2018).

В любой ситуации человек сам решает, как ему себя вести: пассивно, отдаваясь воле судьбы, или активно, становясь творцом своего будущего. *Превращать сметану в масло* – значит вести себя как мышь из притчи, которая изо всех сил старалась выбраться из кувшина и усердно работала лапками, пока не взбила молоко в масло. Читатель, знакомый с содержанием притчи, идентифицирует НФ и верно интерпретирует её значение. Автор, используя данное выражение, рассчитывает на узнавание и верное толкование его читателем, поскольку содержание притчи является частью общих фоновых знаний носителей славянской культуры.

Ещё одна притча – про мышей, которые хотели стать ежами, стала основой НФ *есть / кушать кактус* ‘упорно продолжать делать что-либо неприятное, приносящее урон, обречённое на неудачу’. Мыши в своём стремлении стать колючими, как ежи, послушались совета совы и плакали, кололись, но не переставали есть кактус в надежде, что у них всё-таки вырастут иголки. Выражение *есть кактус* близко по значению фразеологизму *наступать на одни и те же грабли* ‘повторять одну и ту же ошибку раз за разом’. В прототипах обеих фразем акцентируется сема болезненного физического воздействия, характерного для производимого действия (колючки кактуса колются, а ручка граблей может ударить человека, если он

наступит на их основание). Во фразеологическом же значении сема конкретно физического воздействия растворяется в более общем значении неприятных для человека последствий.

А вот ходить в одну и ту же фирму и «есть кактус» – это, как минимум, странно (Онл., 16.09.2019).

Внимание, вопрос: почему люди продолжают кушать этот колючий кактус под названием «пойду учиться в мед, стану врачом»? Мазохисты? (Онл., 19.11.2019)

Основой для фразеологической аллюзии могут становиться популярные телепередачи. «Поле чудес» – российская телеигра, впервые вышедшая в 1990 г. и привлекающая широкие зрительские аудитории и в наше время. По правилам игры участники поочередно крутят барабан, на котором могут выпасть разные сектора, в том числе сектор «приз». Участник суперигры имеет возможность выиграть суперприз. Значение 'щедрый подарок' реализуется в НФ-аллюзии *суперприз на барабане: Але гэта было яшчэ не ўсё! «Та-дам! Суперприз на барабане! Жамчужына нашай калекцыі!» – Паша ўрачыста выцягнуў з пакета яркі пачак з нажамі (Звезда, 28.01.2021).*

Эффективность и целесообразность введения аллюзивного высказывания в текст во многом зависит от верного восприятия автором компетенции читателей. Все приведённые выше НФ-аллюзии употреблялись без прямой отсылки к текстам-источникам, что обусловлено их достаточно широкой распространённостью. С учётом этого авторы имеют основание полагать, что аллюзия будет распознана и верно декодирована. И. Р. Гальперин [27, с. 176] отмечал, что аллюзия не сопровождается указанием на источник и обычно делается на широко известные литературные факты. Существуют, однако, и другие случаи, когда автор ссылается на малоизвестные произведения или факты и ввиду этого для обеспечения понимания читателем упоминает произведение и контекст, на который ссылается. Это необходимо, поскольку иначе авторская интенция, идея не будет донесена до адресата. Рассмотрим, как авторы вводят в текст НФ-аллюзии на произведения, которые могут быть не знакомы читателю.

Автор до перехода к основной теме статьи знакомит читателя с содержанием произведения, на которое ссылается, использует цитату, которая способствует раскрытию значения НФ.

До экономических рассуждений позволю читателю напомнить сюжет научно-фантастического рассказа Рэя Брэдбери «И грянул гром...» 1952 года. В нем охотников из настоящего на машине времени могут доставить в любое время с обязательным условием. Убивать можно только то животное, которое и без того может вот-вот погибнуть. Руководитель сафари говорит: «Раздавите ногой мышь – это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека – смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве... Наступите на мышь – и вы сокрушите

пирамиды. Наступите на мышь – и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдет Делавер. Соединённые Штаты вообще не появятся. Так что будьте осторожны. Держитесь тропы. Никогда не сходите с неё!» Во время охоты на тираннозавра главный герой случайно давит бабочку. Горе-охотников возвращают в их время, но... (Онл., 28.03.2020).

Прочитав подобное введение в тему, читатель наверняка сможет верно интерпретировать последующее употребление НФ в тексте статьи, идея автора будет раскрыта: *Если вдруг мы «раздавим бабочку», давайте представим, какой ущерб через безработицу или невозможность устроиться на работу в будущем это может принести* (Онл., 28.03.2020).

Опора на прецедентные тексты, построение «вертикального контекста» с отсылкой к более раннему произведению позволяет сопоставить известное с неизвестным, старое с новым, провести параллели, актуализировать фоновые знания читателя и в результате образовать новое выражение с фразеологическим значением, основанное на ранее известных фактах. «Аллюзия служит определённым “мостом”, который соединяет предыдущее со следующим, представляет собой своеобразный способ обращения мыслей к прошлому и помогает осмыслить и категоризировать знания о мире» [83, с. 69]. Если в русскоязычном исследуемом материале НФ-аллюзии представлены довольно широко, то среди белорусскоязычных НФ отмечены лишь единичные аллюзивные единицы. Данный факт можно объяснить стремлением авторов приводить тексты в соответствие с уровнем языковой компетенции широкого круга читателей: более широкая распространённость русского языка по сравнению с белорусским языком в Беларуси приводит к невысокому уровню владения белорусским языком большей части населения. Употребление же аллюзий должно опираться на предыдущий опыт, языковой в том числе.

Декодирование значения НФ, основанной на аллюзии, предусматривает несколько этапов:

- 1) узнавание, т. е. вычленение её в структуре текста;
- 2) соотнесение её с текстом-источником;
- 3) интерпретация фразеологического значения.

С учётом наличия или отсутствия у читателя фоновых знаний, необходимых для понимания аллюзии, возможны два варианта успешного введения НФ-аллюзии в текст:

а) без пояснений, когда читатель обладает необходимыми знаниями, достаточными для распознавания аллюзии, осмысления её связи с предшествующим текстом и способен определить значение новой фразеологической единицы;

б) с пояснениями автора – данный путь избирается автором в случае, если произведение, на которое он ссылается, малоизвестно, либо существует вероятность неверной трактовки аллюзии читателем.

4.5 Прагматический потенциал неофразем

Семантические особенности НФ, их способность сообщать дополнительную экспрессивную, оценочную информацию за счёт коннотативного компонента значения делают их важным средством для передачи коммуникативно-прагматических интенций автора.

Антропоцентрическая парадигма, ставшая доминирующей в лингвистических исследованиях нашего времени, актуализировала изучение прагматических функций языковых единиц разных уровней. Под прагматикой понимается «закреплённое в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности; 2) к содержанию сообщения; 3) к адресату» [6, с. 136]. Прагматика «изучает поведение знаков в реальных процессах коммуникации» [9, с. 21], «отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют отправитель (адресант) и получатель (адресат) текста» [103, с. 3].

Анализируя прагматику текста, В. Н. Комиссаров пишет, что любой текст коммуникативен в том смысле, что в нём передаётся информация от Источника к Рецептору, причём она носит двоякий характер: 1) интеллектуальный (текст – лишь источник сведений); 2) эмоциональный (информация вызывает эмоциональный отклик, побуждает к действию). «Способность текста производить подобный коммуникативный эффект, вызывать у Рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации, называется прагматическим аспектом или прагматическим потенциалом (прагматикой) текста» [50, с. 209]. Учёный подчёркивает, что «прагматический потенциал текста является результатом выбора Источником содержания сообщения и способа его языкового выражения» [50, с. 209]. НФ как средство языкового выражения интенции автора, её «материальная оболочка», являются объектом нашего изучения. Основываясь на определении, данном В. Н. Комиссаровым, мы называем прагматическим потенциалом НФ их способность осуществлять воздействие на получателя информации, вызывая определённую эмоциональную реакцию.

Высокий прагматический потенциал НФ обусловлен их структурно-семантическими особенностями. Е. Ю. Белозерова называет основными прагматическими параметрами фразеологизмов их экспрессивность, концептуальность и подтекстовую информацию [19, с. 93]. По мнению Е. Г. Панфиловой, основой прагматического потенциала фразеологизмов являются средства, создающие их экспрессию. К ним автор относит образность, особенности компонентного состава и синтаксической структуры фразем [87, с. 305]. Е. И. Симоненко считает, что коммуникативно-прагматический потенциал фразеологических единиц определяется их «устойчивостью в языке и воспроизводимостью в речи, возможностью семантической

трансформации (переосмысления), а также структурной лабильностью фразеологических единиц, состоящих более чем из одного слова, осложнённых этнокультурными смыслами, обладающих раздельнооформленностью, экспрессивностью и эмоциогенностью, способностью к структурной вариативности и индивидуально-авторским новообразованиям» [103, с. 10]. По нашему мнению, данный перечень является исчерпывающим, поскольку в нём наиболее полно учитываются особенности фразеологизма как единицы особого уровня языка, позволяющие использовать его в прагматических целях.

Отметим, что «в центре прагматического анализа фразем находится идея интенциональности текста. Существенно важно то, что обращение к интенциональному осмыслению речевых действий коммуникантов позволяет раскрывать прагматический потенциал фразем, выяснять его истоки...» [103, с. 10]. Рассмотрим, как выделяемые свойства фразеологизмов используются авторами для реализации их коммуникативных интенций.

Одним из важнейших свойств НФ, создающим их прагматическую нагруженность, является образность. В. М. Мокиенко определяет её как «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» [77, с. 123]. Источником возникновения фразеологического образа является значение переменного словосочетания, в ходе переосмысления которого развивается фразеологизм.

В основе НФ *входить в клинч / уваходзіць у клінч* – свободное словосочетание, связанное с миром спорта. В боксе клинч – это запрещённый приём, ситуация, когда противники удерживают друг друга, что не даёт продолжить бой. В основе образа следовательно – противостояние двух сильных соперников, где дальнейшие действия блокируются с обеих сторон. Переосмысление ситуации приводит к переносу значения с области спорта на любое тупиковое состояние дел:

А потом в мир пришел коронавирус, Россия вошла в клинч со странами ОПЕК, цена барреля нефти упала более чем резко, рентабельность добычи со временем вообще ушла в минус, и трейдеры готовы на все, лишь бы продать товар, ставший вдруг почти что неликвидом (СБ, 21.05.2020).

Ліза і яе найўнае ўспрыманне вёскі ўваходзяць у клінч з Уладзімірам Субатам – гэта вопытны журналіст, мэтр, які глыбока ведае тэму і які дастаткова жорстка «троліць» прыгоды гарадской дзяўчынкі. (Звязда, 01.11.2018).

Следует заметить, что образность порождает экспрессивность языковых средств. По определению А. В. Кунина, «экспрессивность – это обусловленные образностью, интенсивностью или эмотивностью выразительно-образительные качества слова или фразеологизма» [57, с. 93]. Создавая образ той или иной ситуации, НФ представляют собой выразительные средства, способствующие более глубокому восприятию описываемой ситуации. Будучи единицами косвенной номинации, они не только воссоздают образ ситуации, лёгшей в основу фразеологизма, но и актуализируют допол-

нительные значения, коннотации, связанные с переосмыслением ситуации-прототипа в субъективном сознании автора и усиленные осознанной интенцией, направленной на воздействие на адресата. Субъективное и объективное в прагматическом использовании НФ неразрывно связаны. Выбирая определённую объективно существующую или воображаемую ситуацию для переосмысления, автор опирается на своё видение происходящего, свою субъективную оценку и свой эмоциональный отклик, возникающий при реакции на данную ситуацию. Весь этот комплекс субъективных ощущений передаётся в коннотациях и в случае успешного выполнения коммуникативно-прагматических интенций без искажения воспринимается адресатом. Ш. Балли во «Французской стилистике» в 1951 г. отметил, что «говорящий почти всегда стремится донести до слушателя и навязать ему не столько логическое содержание мысли, сколько её субъективную сторону, и это даже не тогда, когда речь вовсе не идёт о каких-нибудь реальных интересах, а самому говорящему его мысль представляется вполне объективной» [13, с. 331]. «Поэтому как в картине художника или в рисунке кроме мысли передается настроение, так и в большинстве фразеологизмов, сохранивших образность, передаются чувство, настроение, экспрессивная оценка предмета мысли, которые соотносятся в речи с экспрессией всего высказывания» [79, с. 204], – обобщает исследователь Е. А. Молодых.

Образ НФ *переобуваться в прыжке / в воздухе* без труда строится в сознании: человек подпрыгивает и, находясь в воздухе, меняет обувь. Таким образом, движение в воздухе начинается в одной обуви, а заканчивается в другой. Основная характеристика такой ситуации – стремительность, крайне ограниченный отрезок времени, в течение которого нужно произвести действие. Кроме того, акцентируются происходящие изменения, имеющие кардинальный характер. Данные особенности стали основой для метафорического переосмысления переменного словосочетания, в результате чего образовалась фразема со значением ‘резко менять мнение, причём чаще всего – на противоположное первоначальному’. К основному значению добавляется оценочное, ведь «наша мысль (и в этом одна из причин её величайшей слабости) постоянно и непреднамеренно добавляет к малейшему восприятию элемент оценки; смутный инстинкт самосохранения соотносит все явления окружающего мира с нашим “я”, с нашей жизнью и благополучием» [13, с. 183]. Резкое радикальное изменение мнения традиционно вызывает отрицательную оценку, поскольку любые решения должны быть обдуманными и взвешенными.

Использование НФ в тексте статьи подчиняется прагматическим интенциям автора, который транслирует своё видение ситуации и свою оценку происходящего читателю.

Я бы на месте Дали Грибаускайте (не говоря уж о месье Макроне) даже обиделся – но для тех наших, для которых она «все делала», переобуваться прямо в воздухе не впервой (СБ, 22.06.2019).

Учителя справились с дистанционной формой и даже «максимально эффективно наладили учебный процесс». СМИ элегантно **переобулись в прыжке** (кр.бу, 25.04.2020).

В обоих приведённых примерах общая тональность контекста статьи открыто негативная, что проявляется как в способе подачи информации, так и в выборе лексического материала. Употребление НФ в сочетании с лексемой *элегантно* добавляет экспрессивности: способность элегантно делать что-либо обычно воспринимается одобрительно, является положительной характеристикой. Однако в данном контексте автор использует ее для усиления отрицательного значения НФ.

Отметим и вариативность исследуемой НФ. Наряду с вариантами *переобуться в воздухе / в прыжке* существует и фраза *переобуться на ходу*. Её значение незначительно шире первых двух, поскольку предполагает изменения, происходящие в процессе движения, что расширяет временной период, в котором протекает действие. Нахождение в воздухе подразумевает стремительные изменения, поскольку опуститься нужно уже преобразованным. Вариант с изменением по ходу движения не требует столь резких, молниеносных изменений, поскольку они не ограничены такими тесными временными рамками. В зависимости от ситуации авторы используют необходимые для их целей варианты НФ.

*Вроде бы дело осталось за малым: наштагивать имеющиеся предприятия датчиками, контроллерами и процессорами, и процесс пойдет. В Беларуси уже выбрали две пилотные промышленные площадки для их цифровизации. Но во время дискуссии выяснилось: **на ходу** в цифровизацию не **переобуешься*** (СБ, 24.09.2019).

Для повышения экспрессивности текста используется и сходная по значению НФ *перемакияж в полёте*. Её значение и коннотации те же, что у НФ *переобуться в воздухе*, однако возможность варьирования лексического состава, изменения частеречной отнесённости позволяет автору видоизменить исходную фразу для выражения субъективного видения ситуации: *Однако как вам такой **перемакияж в полете**? Сначала радоваться, что твою страну назвали «последней диктатурой Европы» <...> Но когда наступит лихая година и окажется, что на деле демократия – это когда каждый сам за себя, – бежать к этому же государству ...* (СБ, 31.03.2020).

Раздельнооформленность НФ позволяет целенаправленно воздействовать на их структуру и модифицировать её, приспособив традиционную форму и содержание к какой-либо ситуации или явлению действительности, и таким образом добиваться достижения нужного автору коммуникативно-прагматического эффекта.

*Интересно девки пляшут. Особенно если **меняют кружева в полете**, оставаясь, как сказали бы в ранешние времена, простоволосыми* (СБ, 23.07.2020).

В данной ситуации автор не только опирается на основное значение НФ и выражает своё негативное отношение к происходящему, но и подчёркивает, что герой статьи – женщина, употребляя лексему *кружева*, ведь присутствие данного аксессуара присуще именно лицам женского пола. По-видимому, данный факт является для автора значимым, что выражается в выборе лексического материала. Вариативность НФ, таким образом, служит как для повышения прагматического эффекта, так и для более точного отражения описываемой ситуации.

Анализ употребления НФ *переобуться в воздухе / в прыжке* и её производных подтверждает, что прагматический потенциал фразеологизма обусловлен такими свойствами, как образность, экспрессивность, оценочность, структурная расчленённость и, как следствие, способность к трансформациям, вариативности.

Высокий прагматический потенциал ряда НФ обусловлен возможностями вторичной транспозиции, которую Ю. А. Гвоздарёв определяет как «образование новой фразеологической единицы на базе другой фразеологической единицы этого же языка» [29, с. 91]. Если в случае первичной транспозиции, т. е. образования НФ на базе свободного словосочетания, образность основывается на совмещении двух картин, отражённых в прямом и фразеологическом значении словосочетания, то при вторичной транспозиции образность усиливается и подкрепляется дополнительными картинками и смыслами, связанными с переосмыслением фраземы-прототипа.

Фразема *выпадаць у асадак* зафиксирована во фразеологическом словаре И. Я. Лепешева в двух значениях: 1) ‘размерна здзіўляцца, востра рэагуючы на што-н. недарэчнае, дзіўнае, смешнае’, 2) ‘цярпець крах’ [66, с. 251]. В речи реализуется чаще первое значение, описывающее крайнее удивление: *Сябры, убачыўшы малага жывым (а яны ўжо і «развіталіся»!), што называецца, **выпалі ў асадак**, а потым, пачуўшы, як і што там было, вырашылі... адпомсціць* (Звезда, 26.07.2018).

Однако основой для вторичной транспозиции стало второе значение фраземы. В химических реакциях, где с помощью подходящих реагентов проводится очистка сложного вещества от примесей, нерастворимый компонент в результате выпадает в осадок. Его можно удалить и получить очищенное вещество. В таких реакциях осадок – лишь побочный продукт, нечто второстепенное, ненужное. На основе данного значения развилась фразема *выпадаць у асадак* ‘цярпець крах’. Сема ненужности, неудачи, утраты чего-либо акцентировалась при вторичной транспозиции: *Мая знаёмая з Германіі кажэ, што мастакі, як, уласна, і музыкі, і тэатральныя дзеячы, увогуле **выпалі ў асадак** – іх не купляюць, нікуды не запрашаюць* (Звезда, 26.06.2020).

НФ здесь имеет значение ‘стать забытым, ненужным; потерять актуальность’. Экспрессивность интенсифицируется за счёт того, что речь идёт не о некоей неодушевлённой субстанции, а о людях, нужность и важ-

ность которых перестали быть значимыми. Интенция автора заключается именно в акцентировании изменений в статусе, резких и огорчительных для тех, кто их претерпевает.

Фразема *злавіць паравоз / собрать паровоз* используется в автомобильном сленге для обозначения ситуаций, когда в дорожное происшествие попадает сначала одна машина, а в неё по инерции врезаются несколько следующих. Образ паровоза здесь отождествляется машиной, ставшей виновником ДТП, а остальные, попавшие в аварию из-за её резкой остановки, – вагоны: *То упираюсь в попутку, то вижу чье-то авто у самого багажника, в зеркале заднего вида, то чуть не натыкаюсь на фуру, идущую на обгон и вылетающую мне прямо в лоб. <...> При такой видимости легко собрать “паровоз” из идущих сзади машин* (СБ, 18.05.2018).

Переосмысление данной фраземы породило НФ со значением ‘вызвать аплодисменты, которые, начавшись, всё никак не смолкают’: *Команда факультета прикладной математики і інформатики БДУ «Дзеці Цьорынга» не толькі здолела прабіцца ў Вышэйшую лігу Клуба вясёлых і знаходлівых, але і літаральна «парвала залу» ў сваёй першай гульні, здзейсніўшы мару многіх КВЗэшнікаў, – «злавіла паравоз» – доўгія аваяцкі, якія не спыняюцца, а толькі нарошчваюць тэмп* (Звезда, 12.03.2020).

Хотя ассоциации с движущей силой и движимыми объектами логичны, однако без объяснения автора в данном случае НФ имеет мало шансов на адекватное понимание читателем. Поэтому всякая новая единица, вводимая в текст, оценивается автором с точки зрения выводимости её значения и при необходимости объясняется непосредственно при её употреблении. Данный подход необходим для достижения коммуникативно-прагматических интенций автора.

Фразема *вписаться в поворот* также относится к сфере, связанной с транспортом, и определяется как ‘управляя автомобилем, совершать поворот в соответствии с изгибом дороги’ [74, с. 507]. Авторское переосмысление привело к расширению её значения. Поворот понимается автором как любое значимое изменение в жизни человека, которое нужно пройти достойно и правильно. В контексте статьи он пишет о старении и принятии своего возраста: *Главное тут, выражаясь терминологией автомобилистов, вписаться в поворот. Без потерь для себя заметить переход, где заканчивается одно и начинается другое* (СБ, 19.03.2019).

При анализе прагматического потенциала НФ необходимо учитывать фактор реципиента, получателя информации как обязательного участника информационного взаимодействия. Адекватное восприятие и корректная интерпретация информации напрямую связаны с личными качествами читателя, среди которых Е. И. Симоненко называет его этнокультурную и коммуникативную компетенцию, эмоциональное состояние, социальную принадлежность, возраст и др. [103, с. 16–17]. Авторские интенции могут быть реализованы лишь при должном уровне подготовленности читателя,

а в противном случае возникает коммуникативный барьер, делающий невозможным эффективное взаимодействие в рамках данной коммуникативной ситуации. По мнению Н. В. Бизюкова, преодоление данного барьера заключается в следующем:

- «в адекватной интерпретации текста и отдельных его элементов, соответствующей цели данной речевой ситуации;
- в расшифровке ключевых, определяющих понимание текста фрагментов (если речь идет об адресанте или адресате-носителе другого языка – в корректном языковом переводе);
- в языковой компетентности участников речевого общения, в их способности правильно пользоваться экспрессивными средствами языка и адекватно их понимать» [21, с. 3].

Поскольку авторы статей не имеют возможности непосредственного диалога с читателем в реальном времени, где существовала бы возможность убедиться в корректности понимания сказанного, они минимизируют возможное недопонимание употреблённых НФ следующим образом:

- 1) использование понятных образов, широко известных фактов, аллюзий на популярные фильмы, литературные произведения;
- 2) в случае необходимости введения в текст НФ, имеющей сложную мотивационную структуру или являющейся аллюзией на малоизвестные произведения, их значение объясняется непосредственно в тексте статьи;
- 3) для акцентуации того, что данное выражение используется в переносном значении, используются кавычки, фраза ‘так называемый’;
- 4) при введении в текст НФ-заимствований в непереверждённом виде наряду с ними приводится перевод на язык статьи.

Отметим, что чаще фраземы, и НФ в том числе, используются для облегчения понимания сложных вещей, а не для усложнения структуры текста и его восприятия. Приведём пример того, как доктор объясняет причины возникновения астмы, используя доступный лексический и фразеологический материал.

Калі казаць пра псіхалагічныя прычыны ўзнікнення гэтай хваробы, то імі прынята лічыць немагчымасць чалавека «дыхаць на поўныя грудзі». Часта астма прыходзіць тады, калі наша жыццёвая сітуацыя складваецца такім чынам, што мы шукаем і не знаходзім «аддушыны», жывём у «цяжкай прыгнятальнай атмасферы», не атрымліваючы «глытка свежага паветра», – тлумачыць урач.

Спускавым механізмам развіцця гэтага захворвання можа паслужыць і неспрыяльная абстаноўка на рабоце, дзе, як нам здаецца, нам «перакрываюць кісларод». Ці, напрыклад, сітуацыя, калі дакучлівыя дальнія сваякі, якія пераехалі быццам бы на кароткі час, трывала асталеўваюцца ў нашай кватэры – так, што «не прадыхнуць». Праблемы з дыханнем узнікаюць і ў людзей, блізкія якіх літаральна «душаць» іх сваім клопатам, асабліва ў дзяцей, чые бацькі занадта моцна «сціскаюць іх у сваіх

абдымках». Псіхааналітыкі лічаць, што ў такіх людзей ёсць праблема з адстойваннем сваіх меж і забаронай на выражэнне злосці і агрэсіі (Звязда, 12.05.2020).

Данный текст нацелен на широкую читательскую аудиторию, не связанную с медициной и не владеющую медицинской терминологией. Сложные термины здесь заменены фраземами, те, в свою очередь, выделены кавычками – это способствует получению положительного прагматического эффекта и успешной коммуникации в ситуации «автор – читатель».

Таким образом, прагматический потенциал НФ обусловлен такими их свойствами, как образность, экспрессивность, оценочность, структурная раздельнооформленность, вариативность. Успешная реализация прагматических возможностей НФ зависит как от умения автора использовать их в тексте для достижения своих интенций, так и от индивидуальных особенностей читателя.

МГТУ им. И.П. Шамякина

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. На основе анализа существующих подходов к выделению объёма фразеологии и неологии были определены границы неофразеологии для отбора материала. Уточнён период времени, подвергающийся изучению (начало XXI в.), языковое пространство (язык медиатекстов) и тип языковых единиц (НФ) по теории Н. З. Котеловой и сформулированы основные обязательные критерии, в соответствии с которыми производится отбор НФ:

- 1) структурный (несколькословность и раздельноформленность);
- 2) семантический (семантическая целостность и осложненность значения, понимаемая как полное или частичное переосмысление значения, необразные преобразования значения и др.);
- 3) новизна формы и (или) содержания;
- 4) лексикографический – отсутствие фиксации во фразеологических словарях до изучаемого периода.

Дополнительными критериями признаются образность, устойчивость и воспроизводимость.

Неофраземам не присуща невыводимость, немотивированность значения, поскольку их семантическая нагруженность возникает на современном этапе развития науки и общества и потому понимается носителями языка, которые находятся в актуальном информационном пространстве.

К НФ отнесены как узуальные единицы, так и единицы на стадии их вхождения в язык. Поскольку изучаемый материал разнороден, в его структуре выделены следующие группы:

1) собственно НФ (они обладают всеми выделенными обязательными и дополнительными признаками) – *чёрный лебедь / чорны лебедзь*;

2) неолокации (устойчивые и воспроизводимые единицы, обладающие всеми признаками фразеологичности, кроме образности, поскольку в их основе – необразные преобразования значения) – *зелёные похороны / зялёныя пахаванні*;

3) потенциальные НФ (единожды зафиксированные, индивидуально-авторские образные единицы, которые можно отнести к периферии неофраземного корпуса в силу их переходного статуса от неuzuальных к узуальным) – *второй урожай земляники, запоўніць шуфляды*.

Формирование новых фразеологических единиц происходит под действием причин внешнего по отношению к языковой системе порядка в соответствии с законами внутреннего развития языка. К экстралингвистическим факторам, активно стимулирующим появление НФ начала XXI в. в языковом пространстве Беларуси, относятся всеобщая компьютеризация и информатизация, социально-ориентированная политика государства, рост влияния экологического движения, реформы в сфере образования, развитие

индустрии красоты, возникновение новых технологий и др. Выделяется ряд компонентов, обладающих повышенной фразеоморфологической активностью – *зелёный / зялёны, информационный / інфармацыйны, умный / разумны, цифровой / лічбавы, поколение / пакаленне*.

Поскольку современное общество существует на новом, информационном, этапе развития, это неизбежно приводит к изменению людей, живущих в условиях глобальной информатизации. Возникает новый тип мышления – клиповое мышление, характеризующееся обрывочностью, нелинейностью, фрагментарностью, алогичностью, что приводит к изменению использования человеком языковых средств. Востребованными оказываются единицы, сочетающие высокую информативность наряду с образностью, позволяющие кратко и наглядно обрисовать ситуацию. Собственно НФ и потенциальные НФ отвечают данным требованиям и потому находят широкое применение в условиях стремления к минимизации языковых средств.

По аналогии со «словами-кентаврами» выделяются «НФ-кентавры» (*поколение Ni-Ni, пакаленне text*), в структуре которых присутствует иноязычный компонент. Использование иноязычной части в полной или сокращённой форме способствует экономии языковых средств и позволяет избежать употребления громоздких объяснительных конструкций.

Реакция языка на факторы внешнего воздействия возможна лишь в соответствии с теми внутренними закономерностями, по которым он развивается. Выявлено, что наиболее актуальными законами внутреннего развития языка, влияющими на появление НФ, являются закон языковой экономии и закон противоречий. Закон традиции как тенденция к стабильности, устойчивости, «консервации» имеющихся языковых средств в наименьшей степени оказывает влияние на образование НФ.

2. В результате анализа собранного материала с точки зрения его происхождения было выявлено, что среди НФ русского и белорусского языков наибольшее количество составляют НФ исконного происхождения (61,4 % и 58,5 % соответственно), количество заимствованных НФ – 38,6 % (рус.) и 41,5 % (бел.). Среди заимствований доминирующее большинство – кальки – 33 % (рус.) и 37,5 % (бел.). Таким образом, основу новой фразеологии Беларуси составляют НФ исконно русского и белорусского происхождения и фразеологические кальки.

Исконные НФ русского и белорусского языков отражают современные реалии двух близкородственных государств, Беларуси и России (законы, медицина, социальное обеспечение и др.). В НФ происходит связь языка и культуры, проявляющаяся преимущественно на уровне коннотаций, которые появляются при фразеологизации свободного словосочетания-прототипа фразеологизма. Информация о культурных особенностях рассмотренных НФ проявляется на уровне прямого значения свободных словосочетаний (*узараць няўдобіцу, красны директор*), развившегося у свободных слово-

сочетаний фразеологического значения (*жалезныя браты, торговцы надзейдой*), а также на уровне лексем-компонентов НФ (*оршанский синдром*).

Основным источником исследуемых фразеологических калек является английский язык. Данный факт объясняется его доминированием в сфере информатизации и компьютеризации, мировых экономических и политических отношений. НФ-кальки, происходящие из сферы компьютерных технологий, разделяются на 2 группы: пользовательские (описывают действия пользователя во время работы за компьютером – *сбой программы, камп'ютар завіс*) и технологические (называют составные части компьютерного оборудования, описывают программные операции и работу приложений и др. – *тонкий клиент, бацькоўскі кантроль*).

Большинство фразеологических калек являются точными, т. е. сохраняют все особенности иноязычного аналога (*lame duck* → *хромая утка*). В неточных кальках наблюдаются отличия от фразеологизма-прототипа, среди которых рассмотрены следующие: изменённый порядок слов в кальке, различия в компонентной структуре, перевод иноязычного сложного слова словосочетанием (*snowflake generation* → *поколение снежинок, roadmap* → *дорожная карта*).

3. Для анализа частеречной отнесённости НФ был использован комплексный подход, учитывающий семантический, морфологический и синтаксический критерии. Установлено, что большинство НФ обоих языков являются субстантивными (54,3 % в русском и 56,4 % в белорусском языке), вторая по численности группа – глагольные НФ (37 % и 30,4 % соответственно); наречные, предикативные, адъективные и междометные НФ представлены незначительно.

Соотнесённость с существительными обуславливает наличие у субстантивных НФ категорий рода, числа, падежа, одушевлённости / неодушевлённости. Однако проявление этих категорий в некоторых НФ ограничено семантическими и структурными характеристиками. Выделяется 4 структурных типа субстантивных НФ:

- 1) прилагательное + существительное;
- 2) существительное в именительном падеже + (предлог) + существительное в косвенном падеже;
- 3) существительное + прилагательное + существительное;
- 4) существительное + другие части речи.

Структура «прилагательное + существительное» является доминирующей (73,5 % НФ русского языка и 73,6 % НФ белорусского языка).

Глагольные НФ – это в основном ФЕ с полной парадигмой, образующие видовые пары, употребляющиеся преимущественно в изъявительном наклонении во всех временах. Неполная парадигма некоторой части НФ обусловлена их семантическими особенностями, в частности ролью оценочного компонента значения. Выделяется 3 основных структурных типа глагольных НФ с преобладанием структуры «глагол + существительное»

(60 % рус. / 64,4 % бел.), образованной на основе глагольного управления, где глагол является переходным, а существительное употребляется в винительном падеже.

4. Метафоризация является основным источником новой фразеологии. Появление НФ, основанных на метафорическом переносе значения, есть не столько результат потребности в них, сколько реализация особенностей мышления, в основе которых лежат мыслительные операции сопоставления, аналогии, синтеза нового знания. В процессе метафорического фразеомообразования происходит перестройка семной структуры прототипа НФ и доминирующими становятся дифференциальные семы.

В ходе анализа НФ русского и белорусского языков, образованных в результате метафорического переноса, выявлены сферы доминирования типов метафоры по Дж. Лакоффу и М. Джонсону. К онтологическим относятся 58 % метафор, количество ориентационных и структурных отличается незначительно (18 % и 24 % соответственно).

Классификация мотивационной сферы метафор позволила определить наиболее востребованные в процессе фразеомообразования типы метафор. К ним относятся антропоморфная и транспортная метафоры.

Наряду с метафоризацией, востребованным способом фразеологизации является метонимизация. Анализ исследуемого материала выявил такие типы метонимического переноса, как название человека / группы людей по заметной детали одежды, по особенностям деталей их поведения, внешности, профессии, название результата по действию, синекдоха. Называние предметов, процессов, людей по их отличительным признакам облегчает интерпретацию НФ: первичное и метонимически преобразованное значение имеют прямую, легко выводимую логическую взаимосвязь.

Аллюзия как намёк, отсылка к известным фактам также становится источником неофразеологии. Выявлены и рассмотрены аллюзии на художественные произведения, притчи, кинофильмы, даты (*суперприз на барабане* 'щедрый подарок' – аллюзия на телепередачу «Поле чудес»).

Опора на прецедентные феномены, построение вертикального текста с отсылкой к более раннему произведению позволяет сопоставить известное с неизвестным, старое с новым, провести параллели, актуализировать фоновые знания читателя и в результате образовать новое выражение с фразеологическим значением, основанное на ранее известных фактах. Деконструирование значения аллюзивной НФ предусматривает несколько этапов: 1) узнавание, т. е. вычленение её в структуре текста; 2) соотнесение её с текстом-источником; 3) интерпретация фразеологического значения. С учётом наличия или отсутствия у читателя фоновых знаний, необходимых для понимания аллюзии, возможны два варианта успешного введения НФ-аллюзии в текст:

а) без пояснений, когда читатель обладает необходимыми знаниями, достаточными для распознавания аллюзии, осмысления её связи с пред-

шествующим текстом и способен определить значение новой фразеологической единицы;

б) с авторскими пояснениями – данный путь избирается в случае, если произведение, на которое ссылается автор, малоизвестно, либо существует вероятность неверной трактовки аллюзии читателем.

Для проведения классификации по сфере-источнику происхождения НФ были установлены ключевые семантические компоненты прототипов НФ и определена сфера их тематической отнесённости. В результате были выделены следующие тематические группы: транспорт и движение (*переключиться на низкие передачи*), вода (*бурбалкі на вадзе*), современные технологии и средства коммуникации (*Гугл в помощь*), человек: социальные роли, внешность и анатомия, поведение, отношения, состояние, физические и умственные способности, разница в поколениях (*мёртвый ходок, мяккія навукі*), финансы и экономика, торговля, бизнес (*бирюзовая организация*), военные действия (*ковровая бомбардировка*), медицина (*сеціўная кома*) и др.

Тематико-идеографическая классификация НФ позволила выявить 2 макрополя: «Человек» и «Действительность», в структуре которых выделяются группы более конкретного порядка. По отношению к выделенным макрополям НФ русского и белорусского языков показали практически идентичную отнесённость. В макрополе «Человек» доминирует тематическая группа «Поведение» (*переломить через колено, уключаць бландзінку*). В макрополе «Действительность» наиболее рельефно выделяется тема «Явления, события, процессы и их характеристика» (*тормозной путь; абзвон на прозвішчах*).

Сопоставительный анализ сфер-источников НФ и сфер их актуального применения показал, что между ними отсутствует прямая корреляция. Наблюдается явное преобладание НФ с отрицательной оценочной коннотацией.

5. НФ являются важным средством для передачи коммуникативно-прагматических интенций автора. Прагматический потенциал новых фразеологических единиц как способность осуществлять воздействие на получателя информации, вызывая определённую эмоциональную реакцию, обусловлен такими их свойствами, как образность, экспрессивность, оценочность, структурная расчленённость и, как следствие, способность к трансформациям, вариативности.

Высокий прагматический потенциал ряда НФ обусловлен возможностями вторичной транспозиции, при которой образность НФ усиливается и подкрепляется дополнительными картинками и смыслами, связанными с переосмыслением фраземы-прототипа (*выпадаць у асадак* ‘становиться забытым, ненужным; утрачивать актуальность’).

При анализе прагматического потенциала НФ учитывается фактор реципиента, получателя информации, как обязательного участника информационного взаимодействия. Авторские интенции могут быть реализованы

лишь при должном уровне подготовленности читателя, а в противном случае возникает коммуникативный барьер, делающий невозможным эффективное взаимодействие в рамках данной коммуникативной ситуации.

Исследование показало, что фразеологический фонд русского и белорусского языков активно пополняется новыми единицами, отвечающими условиям современной реальности. Требование к высокой информационной и эмоциональной насыщенности медиатекстов, клиповость сознания современного человека, опирающаяся на наглядность, находят выход в применении НФ, чьи характерные свойства (номинативность в совокупности с образностью, экспрессивностью, оценочностью, возможностью передавать разного рода коннотации) делают их тем материалом, который позволяет связать новые условия существования языка и традиционную лексическую систему и добиться реализации коммуникативно-прагматических интенций авторов.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы: а) при разработке лекционных и практических курсов по фразеологии русского и белорусского языков, по лексикологии, медиалингвистике, лингвокультурологии, стилистике, филологическому анализу текста; б) в процессе дальнейшего изучения неофразеологии в психолингвистическом (влияние клиповости) и когнитивном (новые типы когнитивных метафор) аспектах; в) в лексикографической практике при составлении неологических словарей русского и белорусского языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ажигова, Т. М. Неономинии начала XXI века в современном русском языке : на материале региональной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. М. Ажигова. – Ставрополь : Ставроп. гос. ун-т, 2009. – 22 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка: вводный курс : учеб. пособие для филол. спец. / Н. Ф. Алефиренко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2007. – 368 с. – (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности).
3. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 343 с.
4. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова ; предисл. О. И. Бродович. – Изд. 3-е. – М. : URSS : Либроком, 2013. – 208 с.
5. Анисимова, Л. А. Лексические особенности языка современной российской качественной и массовой прессы. Неологизмы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Л. А. Анисимова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2010. – 18 с.
6. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
7. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц : (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : КГУ, 1989. – 126 с.
8. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте : (на материале русского и английского языков) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : КГУ, 2006. – 171 с.
9. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой ; общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI : Лингвистическая прагматика. – С. 3–42.
10. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры» : Кошелев, 1999. – XV, 895 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
11. Ахренова, Н. А. Доминанты современной интернет-лингвистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н. А. Ахренова ; Моск. гос. обл. ун-т. – Мытищи, 2018. – 53 с.
12. Багана, Ж. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния [Электронный ресурс] / Ж. Багана, А. Н. Безрукая, М. В. Тарасова // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalka-i-zaimstvovanie-kak-rezultat-inoazychnogo-vliyaniya>. – Дата доступа: 01.08.2020.

13. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с фр. К. А. Долинина ; вступ. ст. Р. А. Будагова ; под ред. Е. Г. Эткинда. – 2-е изд., стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 393 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

14. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак : А. Кошелев, 2008. – 656 с.

15. Баранов, А. Н. Основы фразеологии: краткий курс : учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2014. – 312 с.

16. Баско, Н. В. Проявление тенденции экономии языковых средств в русском языке на рубеже веков [Электронный ресурс] / Н. В. Баско // Науч. тр. Кубан. гос. технол. ун-та. – 2016. – № 4. – Режим доступа: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0024/0884.pdf>. – Дата доступа: 28.05.2019.

17. Баско, Н. В. Фразеологические неологизмы русского политического дискурса [Электронный ресурс] / Н. В. Баско // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-neologizmy-russkogo-politicheskogo-diskursa>. – Дата доступа: 25.10.2020.

18. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

19. Белозерова, Е. Ю. Реализация прагматической функции фразеологизмов в художественном тексте / Е. Ю. Белозерова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2015. – № 3 (27). – С. 92–95.

20. Беляевская, Е. Г. Оценочная вариативность слов и фразеологизмов в контексте / Е. Г. Беляевская // Английская фразеология в функциональном аспекте : сб. ст. / Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза ; редкол.: А. В. Кунин (отв. ред.) [и др.]. – М. : МГИИЯ им. М. Тореза, 1989. – С. 20–32.

21. Бизюков, Н. В. Семантико-прагматический потенциал фразеологических единиц сферы человеческих отношений современного французского языка : на материале публицистического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н. В. Бизюков ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2008. – 19 с.

22. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 303 с. – (Учебник XXI века).

23. Величко, А. В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка [Электронный ресурс] / А. В. Величко // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-ekonomii-kak-uslovie-funktsionirovaniya-i-razvitiya-yazyka>. – Дата доступа: 29.05.2019.

24. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. рук. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с. – (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).

25. Волостных, А. В. Функции неологизмов в рекламном тексте : на материале русского и французского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Волостных ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 21 с.
26. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология : на материале фр. и рус. яз. / В. Г. Гак. – М. : URSS, 2018. – 264 с.
27. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : URSS, 2016. – 376 с.
28. Ганапольская, Е. В. Неология во фразеологии / Е. В. Ганапольская // Науч.-техн. ведомости С.-Петербур. гос. политехн. ун-та. Сер. Гуманитар. и обществ. науки. – 2010. – № 2 (111). – С. 183–189.
29. Гвоздарев, Ю. А. Основы русского фразообразования / Ю. А. Гвоздарев. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д : Логос, 2010. – 246 с.
30. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание / Ф. И. Гиренок. – М. : Проспект, 2018. – 254 с.
31. Голец, В. А. Неологизмы в современной англоязычной молодежной прессе (1990–2014 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. А. Голец ; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2015. – 27 с.
32. Гришаева, Л. И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения : моногр. / Л. И. Гришаева. – Воронеж : ВГУ, 1998. – 272 с.
33. Даніленка, І. Л. Фразеалагічныя неалагізмы ў мове беларускага перыядычнага друку / І. Л. Даніленка, Я. Я. Іваноў // Даследаванні па германаславянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica : зб. навук. арт. / Магілёўск. дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова ; пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. – Вып. 1 : Фразеалогія. – С. 36–47.
34. Даніловіч, М. А. Слова і фразеалагізм у беларускай мове : зб. навук. арт. / М. А. Даніловіч ; Гродз. дзярж. ун-т імя Я. Купалы, Філар. фак. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2015. – 300 с.
35. Дидковская, В. Г. Клиповое мышление: отражение в современном русском языке и тексте [Электронный ресурс] / В. Г. Дидковская // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-otrazhenie-v-sovremennom-russkom-yazyke-i-tekste>. – Дата доступа: 23.04.2020.
36. Доброва, М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект = Ruské frazeologismy v internetovém diskurzu: funkční aspekty / М. Доброва. – Оломоуц : Ун-т им. Ф. Палацкого, 2019. – 282 с.
37. Жуков, В. П. Русская фразеология : учеб. пособие / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2006. – 408 с.
38. Жуков, В. П. Формоизменение фразеологизмов русского языка [Электронный ресурс] / В. П. Жуков // Лингвотек : бюро переводов. – Режим доступа: <https://lingvotech.com/zhukov-91>. – Дата доступа: 23.11.2019.
39. Іваноў, Я. Фразеалагічныя неалагізмы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове / Я. Іваноў // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich / Uniwersitat Greifswald, Uniwersytet

Opolski ; redakcja naukowa W. Mokijenko, H. Walter. – Opole : Uniwersytet Opolski, 2008. – Т. 3 : Frazeologia. – S. 45–53.

40. Ильющенко, Н. С. Оценочный компонент коннотации фразеологических единиц в английском и русском языках (на материале фразеологических единиц, характеризующих внешние признаки человека) / Н. С. Ильющенко // Вестн. Моск. гос. обл. у-та. Сер. Лингвистика. – 2011. – № 2. – С. 143–148.

41. Илюхина, Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации : моногр. / Н. А. Илюхина. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 321 с.

42. Илюхина, Н. А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа [Электронный ресурс] / Н. А. Илюхина // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tipologii-leksicheskoy-metonimii-v-svete-kognitivnogo-principa/viewer>. – Дата доступа: 02.09.2020.

43. Іўчанкаў, В. Медыятэкст як каталізатар моўных тэндэнцый і заканамернасцей [Electronic resource] / В. Іўчанкаў // Czasopisma Uniwersytetu Opolskiego. – Mode of access: <https://czasopisma.uni.opole.pl/index.php/s/article/view/1746/1304>. – Date of access: 13.12.2020.

44. Каліта, І. Фразеалагічныя інавацыі ў лютэрку інтэрнэту / І. Каліта // Беларуская мова ў лютэрку традыцый і інавацый / І. Каліта, Н. Сівіцкая, В. Ляшчынская ; пад агул. рэд. І. Каліты, Л. Яўдошынай. – Usti nad Labem : PF UJEP, 2019. – С. 3–42.

45. Катлинская, Л. П. Живые способы создания русских слов : учеб. пособие / Л. П. Катлинская. – М. : Прометей, 1995. – 168 с.

46. Ключников, С. Ю. Мастер жизни: психологическая защита в социуме / С. Ю. Ключников. – М. : Беловодье, 2001. – 584 с. – (Ключ к пробуждению).

47. Кодухов, В. И. Общее языкознание : учеб. для студентов филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов / В. И. Кодухов. – М. : URSS, 2021. – 304 с.

48. Колдасов, Г. Д. Клиповое сознание и особенности языка. Обозвали водяных «аквабайкерами», а живодееров посвятили в «догкиллеры»... [Электронный ресурс] / Г. Д. Колдасов // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность : информ.-аналит. служба. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2012/11/12/klipovoe_soznanie_i_osobennosti_yazyka. – Дата доступа: 20.04.2020.

49. Колоколова, Л. П. Ключевые слова в функционально-когнитивной сфере «жизнь человека» / Л. П. Колоколова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 5 (37). – С. 60–72.

50. Комиссаров, В. Н. Теория перевода: (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

51. Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии: проблемы, методы, опыты / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж : ВГУ, 1978. – 143 с.

52. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Златоуст, 2015. – 320 с.

53. Котелова, Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 275 с.

54. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование / Л. П. Крысин // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков / М. Я. Гловинская [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; редкол.: Л. П. Крысин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Яз. славян. культуры, 2008. – С. 167–184.

55. Куклина, И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Н. Куклина ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2006. – 23 с.

56. Куликова, И. С. Введение в языкознание : учеб. для академ. бакалавриата : в 2 ч. / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – М. : Юрайт, 2016. – Ч. 2. – 339 с. – (Бакалавр. Академический курс).

57. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

58. Курасова, Е. В. Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Курасова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 22 с.

59. Кураш, С. Б. О некоторых активных процессах в лексике и фразеологии современного русского языка (из опыта исследований, проводимых в МГПУ им. И. П. Шамякина) / С. Б. Кураш // Филол. регионалистика. – 2016. – № 4 (20). – С. 30–36.

60. Кураш, С. Б. Электронная коммуникация в зеркале неофразеологии / С. Б. Кураш // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – Вып. 1. – С. 186–189.

61. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. М. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Изд. 2-е. – М. : URSS : ЛКИ, 2008. – 254 с. – (Мировой научный бестселлер).

62. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание : избр. работы : учеб. пособие для фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.

63. Ларина, Т. И. Аллюзивный антропоним в публицистическом дискурсе [Электронный ресурс] / Т. И. Ларина // Электрон. б-ка БГУ. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/21411>. – Дата доступа: 29.08.2020.

64. Лебединская, В. А. Взаимодействие семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. А. Лебединская ; Кург. гос. ун-т. – Курган, 1996. – 40 с.

65. Лебединская, В. А. Семантика процессуальных фразеологизмов / В. А. Лебединская, Н. Б. Усачева. – Курган : КГУ, 1999. – 185 с.
66. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 669 с.
67. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 702 с.
68. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для студэнтаў філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.
69. Лозицкий, В. Л. Феномен клипового мышления и информационно-коммуникационные технологии в высшем профессиональном образовании / В. Л. Лозицкий // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Респ. ин-т высш. шк. ; редкол.: В. А. Гайсенюк [и др.]. – Минск : РИВШ, 2016. – Вып. 16, ч. 2. – С. 375–380.
70. Ляшчынская, В. А. Сучасная беларуская мова: фразеалогія : вучэб. дапам. для студэнтаў ВНУ па філал. спец. / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РИВШ, 2010. – 229 с.
71. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 204 с. – (Высшее образование).
72. Мерзлякова, А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» : (на материале английского, русского и французского языков) / А. Х. Мерзлякова. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.
73. Мечковская, Н. Б. Белорусский язык: социолингвистические очерки / Н. Б. Мечковская. – München : Verlag Otto Sagner, 2003. – 163 с.
74. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : Олма Медиа Групп, 2008. – 784 с.
75. Мокиенко, В. М. Динамические тенденции в современном русском языке [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskie-tendentsii-v-sovremenном-russkom-yazyke>. – Дата доступа: 03.06.2020.
76. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., перераб. – СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2007. – 255 с. – (Русская словесность).
77. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 287 с.
78. Мокиенко, В. М. Современная славянская неофразеология: сходства и различия / В. М. Мокиенко // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Респ. Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле ; редкол.: Е. В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 137–146.

79. Молодых, Е. А. Коммуникативно-прагматическая роль фразеологизмов при трансляции языковой картины мира В. Скотта / Е. А. Молодых // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 204–209.

80. Москвин, В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.

81. Москвина, М. А. Лексико-фразеологические инновации в публицистике конца XX – начала XXI века: семантика, стилистика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. А. Москвина ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 27 с.

82. Наумова, И. О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке : (на материале публицистики) : моногр. / И. О. Наумова. – Харьков : ХНАГХ, 2012. – 213 с.

83. Никашина, Н. В. Аллюзия как стилистический прием в англоязычной литературе [Электронный ресурс] / Н. В. Никашина, Н. Д. Супрун // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/allyuziya-kak-stilisticheskiy-priem-v-angloyazychnoy-literature>. – Дата доступа: 30.08.2020.

84. Новые тенденции в русском языке начала XXI века : кол. моногр. / Т. Б. Радбиль [и др.] ; под ред. Л. В. Рацибурской. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 302 с.

85. Обидина, Н. В. Фразеологизмы, содержащие характеристики поведения человека в современном русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. В. Обидина ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2008. – 24 с.

86. Палей, Е. В. Проблема ценности: социально-онтологический аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. В. Палей ; Иван. гос. хим.-технол. ун-т. – Иваново, 2007. – 22 с.

87. Панфилова, Е. Г. Прагматика номинативных фразеологизмов разной частеречной принадлежности : (на материале русского, белорусского и немецкого языков) / Е. Г. Панфилова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 305–309.

88. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 544 с. – (Классики отечественной филологии).

89. Попова, Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. – Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2005. – 96 с.

90. Потеня, А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потеня. – М. : Книга по Требованию, 2011. – 664 с.

91. Потеня, А. А. Слово и миф / А. А. Потеня. – М. : Правда, 1989. – 624 с.

92. Потылицина, И. Г. Основные направления в исследовании аллюзии (обзор) [Электронный ресурс] / И. Г. Потылицина // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/2006-04-023-osnovnyie-napravleniya-v-issledovanii-allyuzii-obzor>. – Дата доступа: 28.08.2020.

93. Пустошило, Е. П. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб.-метод. комплекс по рус. яз. для студентов пед. спец. / Е. П. Пустошило. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2011. – 141 с.

94. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии : учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / А. Д. Райхштейн. – М. : Высш. шк., 1980. – 143 с. – (Библиотека филолога).

95. Рацибурская, Л. В. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова // Новые тенденции в русском языке начала XXI века : кол. моногр. / Т. Б. Радбиль [и др.] ; под ред. Л. В. Рацибурской. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2015. – С. 134–221.

96. Реформатский, А. А. Введение в языковедение : учеб. для филол. спец. высш. пед. учеб. заведений / А. А. Реформатский. – М. : Аспект пресс, 2002. – 536 с. – (Классический учебник).

97. Рец, И. В. Лингвокультурологические и эколлингвистические аспекты неонаминации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Рец ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2014. – 25 с.

98. Савенкова, Л. Б. Фразеологические единицы русского языка, основанные на метонимии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Б. Савенкова ; Рост. гос. ун-т им. М. А. Суслова. – Ростов н/Д, 1984. – 27 с.

99. Семеновских, Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде [Электронный ресурс] / Т. В. Семеновских // Наукоеведение : интернет-журн. – 2014. – № 5 (24). – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>. – Дата доступа: 22.04.2020.

100. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е. В. Сенько. – СПб. : Наука, 2007. – 354 с.

101. Серебряк, М. В. Современные фразеологические новообразования: к вопросу о появлении и функционировании [Электронный ресурс] / М. В. Серебряк // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-frazeologicheskie-novoobrazovaniya-k-voprosu-o-poyavlenii-i-funktsionirovanii>. – Дата доступа: 23.04.2019.

102. Сівіцкая, Н. Актуалізацыя беларускага маўленчага рэсурсу ў рускамоўным медыйным асяроддзі / Н. Сівіцкая // Беларуская мова ў лясцэрку традыцый і інавацый / І. Каліта, Н. Сівіцкая, В. Ляшчынская ; пад агул. рэд. І. Каліты, Л. Яўдошынай. – Ūsti nad Labem : PF UJEP, 2019. – С. 43–60.

103. Симоненко, Е. И. Прагматический потенциал фразеологизмов в ценностно-смысловом пространстве художественного дискурса : на материале русской литературы XIX–XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Симоненко ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2013. – 19 с.

104. Синьцзюй, В. Фразеологизмы, характеризующие поведение человека, в русском и китайском языках / В. Синьцзюй // Вестн. Башк. ун-та. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 1159–1164.

105. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – СПб. : Наука, 1993. – 151 с.

106. Старычонок, В. Д. Метафора ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў : манагр. / В. Д. Старычонок. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 2007. – 190 с.

107. Степанов, Ю. С. Константы: опыт исследования : слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. – 824 с.

108. Стернин, И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века / И. А. Стернин. – Изд. 4-е, доп. и перераб. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 93 с.

109. Стрижак, А. Л. Лексические инновации в газетных текстах конца XX – начала XXI века : (на материале российских и русскоязычных белорусских изданий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. Л. Стрижак ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, яз. и лит. – Минск, 2015. – 25 с.

110. Сумин, С. А. Национальное и универсальное в образности фразеологических единиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. А. Сумин ; Воен. ун-т. – М., 1999. – 20 с.

111. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, испр. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 366 с.

112. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира [Электронный ресурс] / В. Н. Телия // Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml. – Дата доступа: 14.03.2019.

113. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 285 с.

114. Титова, О. А. Метафора и метонимия как источники создания образности английских фразеологизмов-антропонимантов [Электронный ресурс] / О. А. Титова // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-i-metonimiya-kak-istochniki-sozdaniya-obraznosti-angliyskih-frazeologizmov-antropominantov>. – Дата доступа: 28.08.2020.

115. Тогоева, С. И. Современная лексикография и новые единицы номинации : моногр. / С. И. Тогоева. – Тверь : ТвГУ, 2000. – 147 с.

116. Тресиддер, Д. Зеленый цвет [Электронный ресурс] / Д. Тресиддер // Словарь символов. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sidder/tresidder_d/slovar_sim/9.htm. – Дата доступа: 08.09.2019.

117. Туаева, Л. А. Анализ глагольных фразеологических единиц русского, английского и осетинского языков в структурно-грамматическом аспекте [Электронный ресурс] / Л. А. Туаева, Ф. А. Абаева // Elibrary.ru : науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24984572>. – Дата доступа: 02.12.2019.

118. Усачева, Н. Б. Структурные и семантические свойства фразеологизмов с компонентом ИМЕТЬ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. Б. Усачева ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1998. – 18 с.
119. Фомина, Н. Д. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие / Н. Д. Фомина, М. А. Бакина. – М. : Ун-т дружбы народов, 1985. – 62 с.
120. Фрумкин, К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс] / К. Г. Фрумкин // Топос : лит.-филос. журн. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/7371>. – Дата доступа: 21.04.2020.
121. Чепасова, А. М. Избранные труды : в 2 т. / А. М. Чепасова. – Челябинск : ЮУрГГПУ, 2016. – Т. 2 : Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. – 211 с.
122. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов : учеб. пособие / А. М. Чепасова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Челябинск : ЧГПУ, 2006. – 143 с.
123. Чепасова, А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов : учеб. пособие к спецкурсу / А. М. Чепасова. – Челябинск : ЧГПИ, 1983. – 93 с.
124. Чепуренко, А. А. Принципы квалификации фразеологизмов : на материале русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Чепуренко ; Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2003. – 26 с.
125. Чурилина, Л. Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии / Л. Н. Чурилина // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2020. – № 3 (96). – С. 126–135.
126. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие / Н. М. Шанский. – 7-е изд. – М. : URSS, 2015. – 274 с.
127. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие / Д. Н. Шмелев. – М. : URSS, 2019. – 336 с.
128. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2002. – 182 с.
129. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 428 с.
130. Эмирова, А. М. Избранные научные работы / А. М. Эмирова. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2008. – 366 с.
131. Языкознание : большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
132. Якушин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин. – М. : Наука, 1984. – 137 с.
133. Akanmu, D. New Yoruba Idioms and Idiomatic Expressions: A New Mode of Communicating New Concepts and Ideas on Radio [Electronic resource] / D. Akanmu // Journal of Mass Communication & Journalism. – 2015. – Mode of access: <https://www.hilarispublisher.com/open-access/new-yoruba-idioms-and-idiomatic-expressions-a-new-mode-of-communicating-new-concepts-and-ideas-on-radio-2165-7912-5-236.pdf>. – Date of access: 03.12.2020.

134. Börzsei, L. Literary Criticism in New Media: A critical analysis of the website Television Tropes and Idioms and the place of literature in digital culture [Electronic resource] / L. Börzsei // Academia.edu. – Mode of access: https://www.academia.edu/4570620/Literary_Criticism_in_New_Media_A_critical_analysis_of_the_website_Television_Tropes_and_Idioms_and_the_place_of_literature_in_digital_culture. – Date of access: 16.12.2020.

135. Fiedler, S. Phraseology in a time of crisis: The language of bank advertisements before and during the financial crisis of 2008–2010 / S. Fiedler // Yearbook of Phraseology. – 2010. – Vol. 1. – P. 1–18.

136. Mokienko, V. Old and new in contemporary journalistic phraseology [Electronic resource] / V. Mokienko // Atlantis Press. – Mode of access: <https://www.atlantispress.com/proceedings/ipc-16/25879711>. – Date of access: 19.12.2020.

137. Top 10 Collins Words of the Year 2016 [Electronic resource] // Collins Dictionary : Blog. – Mode of access: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/top-10-collins-words-of-the-year-2016/>. – Date of access: 04.07.2020.

Список источников иллюстративного материала

138. Бяздоннае багацце : легенды, паданні, сказы / склад. А. І. Гурскі. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 255 с.

139. Воропаев, А. Е. Песня про канарейку [Электронный ресурс] / А. Е. Воропаев // Стихи.ру. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2012/02/04/10551>. – Дата доступа: 17.02.2021.

140. Караткевіч, У. С. Зямля пад белымі крыламі : нарыс / У. С. Караткевіч. – 2-е выд. – Мінск : Нар. асвета, 1992. – 191 с.

141. Таничева, Е. Грейс Келли. Как стать принцессой... [Электронный ресурс] / Е. Таничева // E-libra : электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/394765-greys-kelli-kak-stat-princessoy.html>. – Дата доступа: 22.03.2020.

Научное издание

Столярова Анастасия Николаевна

**НОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В ДВУЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Монография

Корректор *Т. И. Татарина*
Оригинал-макет *М. В. Бобкова*
Дизайн обложки *Л. В. Клочкова*

Иллюстративный материал на первой странице обложки заимствован из общедоступных интернет-ресурсов, не содержащих ссылок на авторов этих материалов и ограничения на их заимствование.

Подписано в печать 20.06.2024. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 6,22. Уч.-изд. л. 6,89.
Тираж 50 экз. Заказ 16.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (0236) 24-61-29.